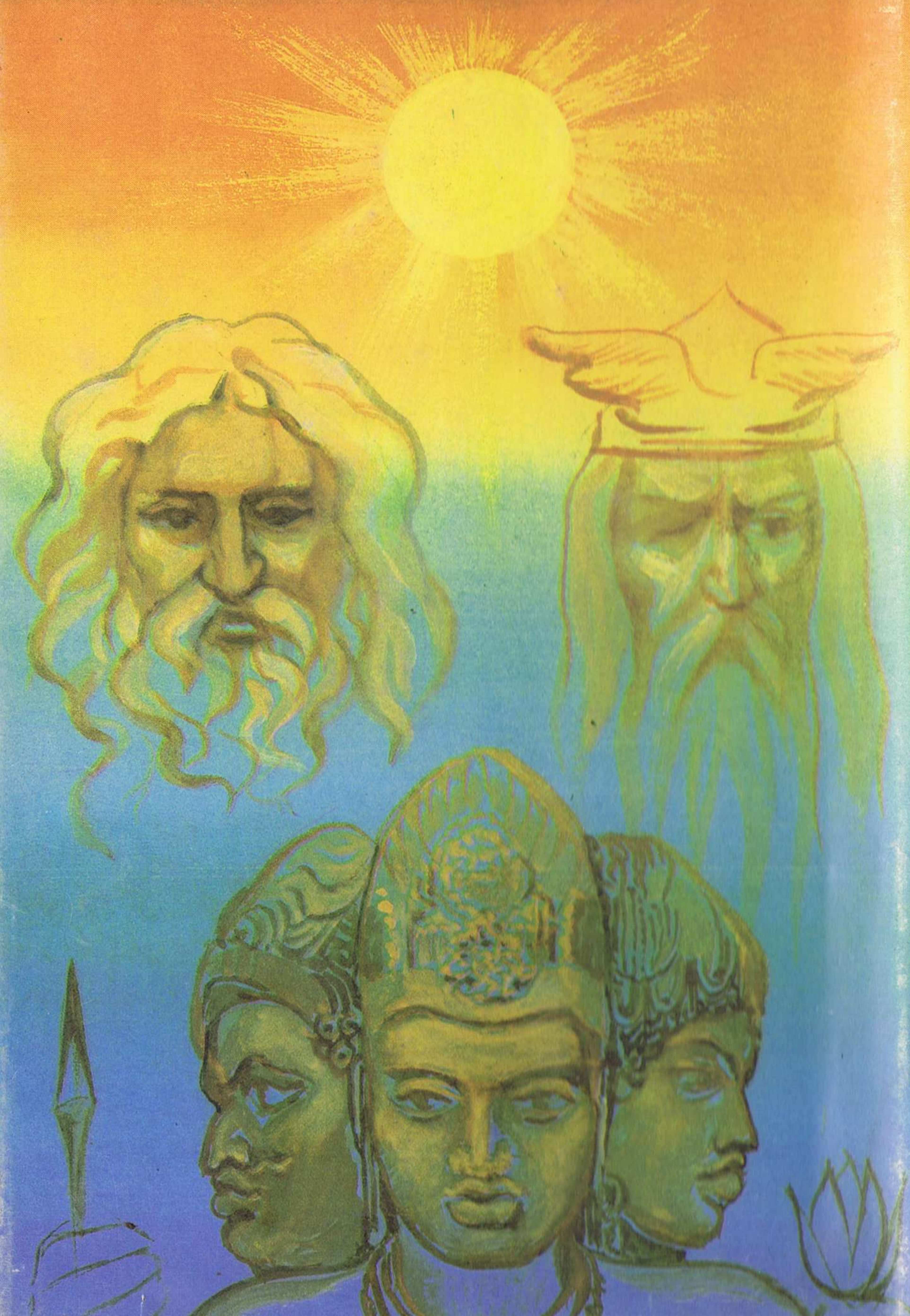

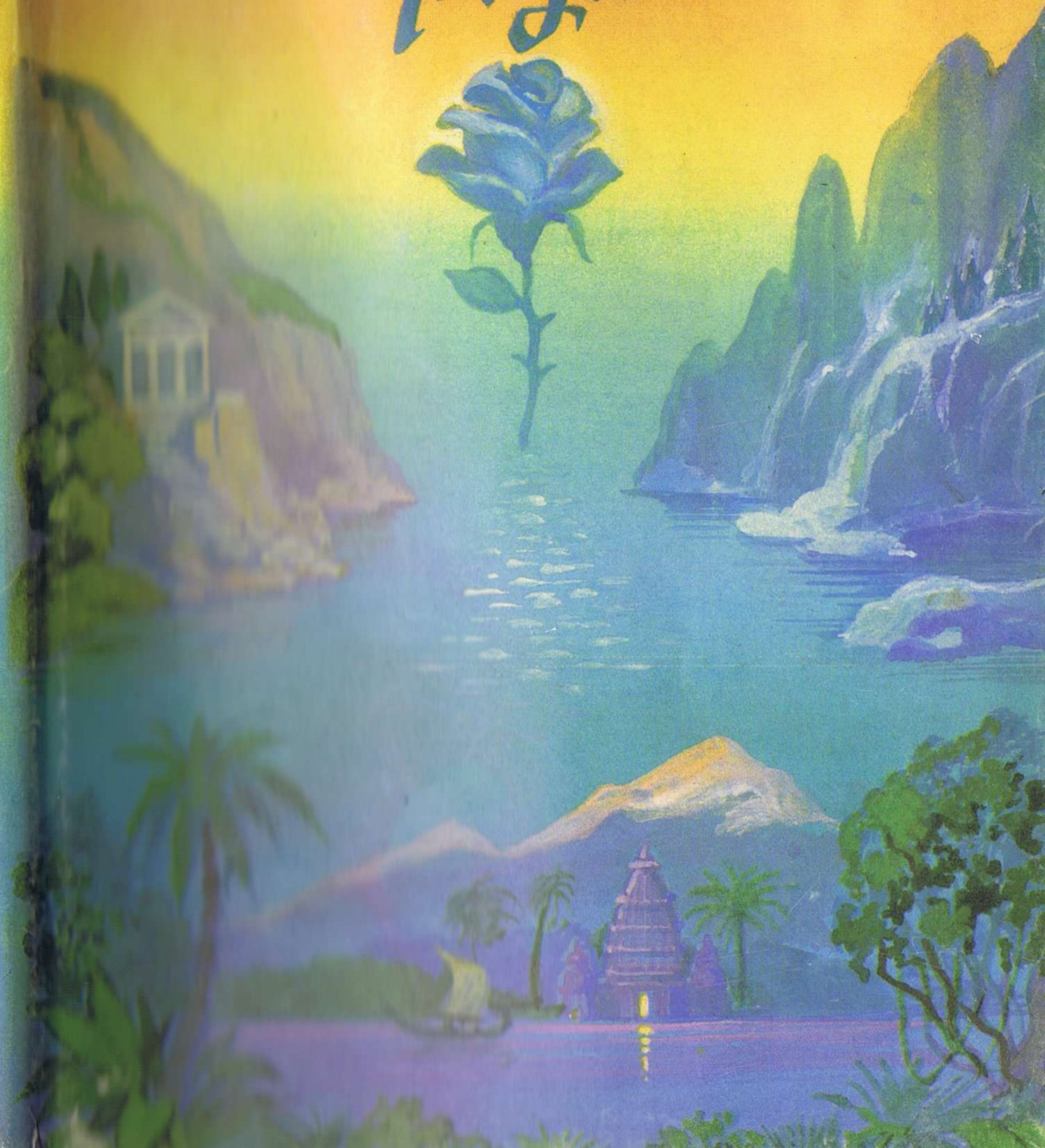
МИФЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

МИФЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

МИФЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ

Толубая
роза

ББК Ш9(0)3-1

Г15(03)

ГОЛУБАЯ РОЗА. Сборник мифов для детей. Составители: В.Г. Афанасьева, Д.В. Бужинский.
С.-Петербург: издательство «СТАЙЛ», 1992.— 288с.
ISBN 5-87602-002-8

С незапамятных времен дошли до нас удивительные истории, рассказывающие о великих богах и непобедимых героях. Люди называют такие истории мифами. Наша книга познакомит вас с мифами Индии, Скандинавии и Греции. Легендам этим тысячи лет. Многие века передавались они от отца к сыну, от деда к внуку. По деревням и селеньям ходили странствующие певцы, хранители и рассказчики старинных преданий и легенд. В древней Греции таких сказителей называли аэдами, в туманной Скандинавии их величали скальдами, а в жаркой таинственной Индии хранителями мифов были священники-брахманы. Позднее, когда была изобретена письменность, свя-

щенные истории были записаны и в таком виде дошли до наших дней.

Мифы очень разнообразны. В каждой стране свои боги и свои герои. И все же нельзя не заметить сходства. Иногда кажется, что это одни и те же истории, только рассказаны они разными людьми. Возможно, так оно и есть на самом деле, ведь предки скандинавов, греков и индусов были одним народом. Поэтому такими похожими кажутся нам и скандинавский Тор, и индийский Индра, и греческий Зевс. Но похожи не только персонажи или сюжеты, сходно само видение мира. Люди той далекой эпохи восторженно и почтительно смотрели вокруг. Грозная и таинственная природа, неизведанные законы ее как магнитом притягивали их взоры. Об этих далеких временах рассказывает старинная легенда.

Несколько тысяч лет тому назад непроходимые леса покрывали древнюю Скифию, которая простиралась от Атлантического океана до полярных северных морей. Прекрасна была эта суровая страна. Задумчивые, медленные реки текли по ее просторам, глубокие озера с окутанными туманом берегами встречались среди со-

сновых чащ и тенистых дубрав. На покрытых травой равнинах раздавались лишь крики хищных зверей, рев буйволов и неукротимый топот диких коней, мчавшихся огромными табунами. В этой стране жили племена скифов. Во главе каждого племени стояли могучие вожди. И случилось так, что рассорились между собой эти племена. Мы не знаем причин той ссоры. Известно только, что разделились они. Часть племен вожди увели на юго-восток. Бескрайние леса, непроходимые пустыни, глубокие реки лежали на их пути. Но неудержимым потоком двинулись тысячи людей к берегам далекого южного моря. Они шли вместе со своими стадами, повозками, запряженными полудикими длинногривыми конями, вместе с детьми, женщинами и стариками. Грохот копыт, визг колес и гомон тысяч голосов заполняли все вокруг. Звери испуганно прятались, стада буйволов, подымая тучи пыли, уносились прочь. На своем пути арии (так называли себя ушедшие на восток) часто вступали в бой с враждебными кочевниками и в память о своих победах воздвигали каменные столбы — менгиры. Эти древние следы былых

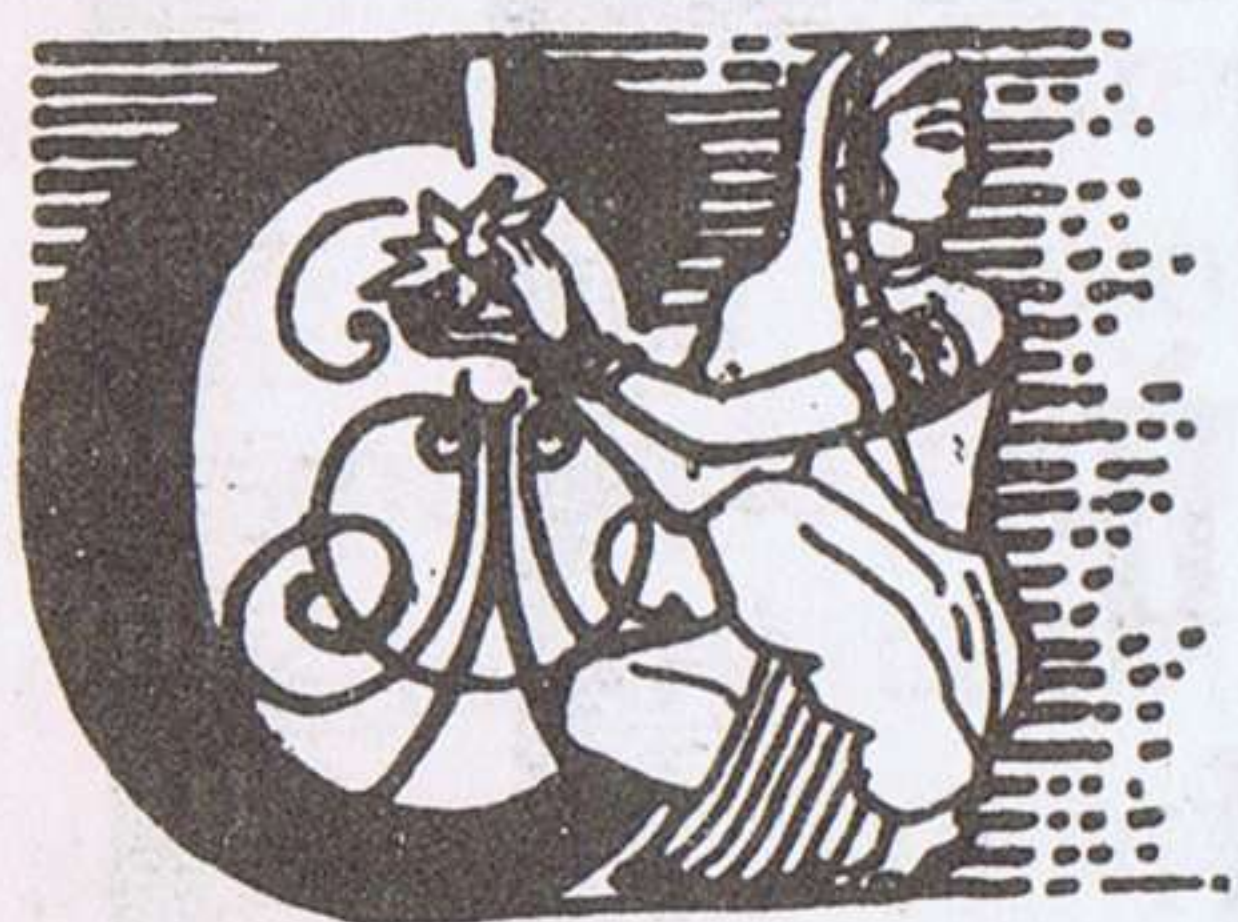
битв до сих пор можно встретить в южных степях.

Пройдя леса, степи и огромную пустыню, перевалив через заснеженные горы, арии спустились в цветущие долины Инда и дошли до лазурных берегов Индийского океана. Здесь, в жаркой стране, основали они могущественное государство и установили законы, разделив всех людей на четыре касты — священников-жрецов, воинов, земледельцев и ремесленников.

И хотя полюбили арии свою новую прекрасную страну, сохранили они память о далекой северной родине. С тех пор конь стал для ариев священным. Помнили люди, как помогли им сильные животные в трудном походе. Жрецы рассказывали детям о подвигах их отцов, о великих и могущественных богах, помогавших ариям, о небесных городах и странах, где живут чудесные танцовщицы — а́псары, и о злых духах — ра́кшасах. Жестокие ракшасы насылали болезни и засуху, ссорили между собой вождей и даже воевали со светлыми богами. Затаив дыхание, слушали дети священные истории и старались запомнить их. Послушайте же и вы некоторые из этих давних преданий.

ТВОРЕНИЕ

начала не было ничего, не было ни солнца, ни звезд, ни неба, на котором они могли бы расположиться. Не было и времени, ибо некому было отмерять его. Только воды простирались беспредельно. Они возникли из тьмы спящего хаоса, сами собой, прежде иных творений. В водах зародился огонь. Великой силой этого огня в них рождено было Золотое Яйцо. Затем из Золотого Яйца возник Прародитель Брахма. Появившись, он разбил Яйцо надвое. Верхняя его половина стала Небом, нижняя — Землею, а между ними, чтобы разделить их,

Брахма поместил Воздух. И он утвердил Землю среди вод, и создал страны света, и положил начало времени.

Но когда творец огляделся вокруг и увидел, что нет никого, кроме него, в этой крошечной тьме новой вселенной, ему стало страшно и одиноко. С той поры страх настигает всякого, кто остается один. Но он подумал: «Ведь здесь нет никого, кроме меня. Кого же мне бояться?» И страх его прошел, ибо страх может быть перед кем-то другим. Но и радости не ведал он, и потому тот, кто пребывает один, не ведает радости.

Он помыслил: «Как мне сотворить потомство?» И силою мысли своей он породил шестерых сыновей, шестерых великих Владык созданий, от которых произошли остальные боги, а также люди, животные, птицы, змеи и демоны. Многочисленное потомство Брахмы населило землю, небо и подземные миры.

Самыми знаменитыми из богов стали Индра — бог грозы и грома, Варуна — бог океана, Вивасват — бог солнца, которого называют также Сурья; но всех превзошел могуществом младший из

рожденных богов, Вйшну, хранитель все-ленной.

Когда Брахма завершил строительство вселенной и от его сыновей пошли все живые существа, сам он, утомленный творением, удалился отдыхать под сенью священного дерева шалмали, а всю власть над мирами передал детям — богам и асурам. Асуры были старшими братьями богов. Они были могучи и мудры и ведали тайны волшебства — майя, могли принимать различные образы или становиться невидимыми. С помощью волшебства они получили несметные сокровища и спрятали их в тайниках пещер. Возгордились своим могуществом асуры, и счастье покинуло их и перешло к богам. Тогда же началась долгая битва между богами и асурами. Возглавил небесное воинство Индра — бог-громовержец. И конечно никогда бы не победить богам в этой войне, если бы не Рудра.

Рудра

Рудра вышел из чела Брахмы, подобный пламени гнева. Мрачный, свирепый и оди-

нокий, он удалился от мира и поселился в пустынных северных горах — Гималаях. В образе дикого охотника, одетый в шкуры, красный, с иссиня-черными волосами, он скитался по лесам и горам, вооруженный черным луком и стрелами.

Рудра вездесущ, и все живое трепещет перед его ужасными стрелами, несущими болезни и смерть. Рудра — разрушитель, но он же и великий целитель и бывает милостив к тем, кто молит его о пощаде. Поэтому впоследствии люди стали называть его Шйва, что значит Милостивый.

Люди

Когда у матери богов Адити родился восьмой сын, она назвала его Вивасват. Он не был похож на остальных богов, ведь у него не было ни рук, ни ног, он был гладким со всех сторон, а его рост был равен толщине. Старшие братья решили переделать его, отсекали все лишнее, и так возник прародитель людей. Он стал богом солнца, и как бог солнца он зовется Сурья. Старшие дети Вивасвата родились смертными. Его сын Яма был

первым человеком на Земле, который умер. Он открыл смертным путь в загробный мир. Милостью отца, бога Сурьи, и других богов он стал владыкой царства мертвых и царем справедливости. В его обитель по тропе, проложенной им самим, уходят с земли души тех, кто умирает. М́ану же, брат Ямы, единственный из смертных спасся во время великого потопа — от него-то и пошли все люди.

Сказание о потопе

Ману, сын Вивасвата, поселился на Земле в уединенной обители близ южных гор. Однажды поутру, когда он умывал руки, как это делают и по сей день, ему попалась в воде, принесенной для умывания, маленькая рыбка. Она сказала: «Сохрани мне жизнь, и я спасу тебя». — «От чего ты спасешь меня?» — спросил удивленный Ману. Рыбка сказала: «Придет потоп и погубит все живые существа. От него я спасу тебя». — «Как же мне сохранить тебе жизнь?» И она объяснила: «Нам, рыбам, пока мы так малы, отовсю-

ду грозит смерть: одна рыба пожирает другую. Поэтому пока держи меня в кувшине, а когда я вырасту, выкопай пруд и держи меня там; когда я вырасту еще больше, отнеси меня к морю и выпусти, тогда смерть уже не будет грозить мне». Ману так и сделал. Вскоре она выросла и стала огромной рыбой с рогом на голове. Это была самая большая из всех рыб. И Ману выпустил ее в море. Тогда она сказала: «В такой-то год будет потоп. Построй корабль и жди меня. А когда начнется потоп, взойди на корабль, и я спасу тебя».

В том году, который назвала рыба, Ману построил корабль. Когда начался потоп, он взошел на корабль, и рыба приплыла к нему. Повинуясь ее велению, Ману взял с собой семена различных растений. Потом он привязал веревку к рогу рыбы, и она потащила судно по бушующим волнам. Не видно стало земли, скрылись из глаз страны света, вокруг была одна вода. Ману и рыба были единственными живыми существами в этом водном хаосе. Свирепые ветры раскачивали корабль из стороны в сторону. Но

рыба все плыла и плыла по водной пустыне и наконец привела корабль к высочайшей горе Гималаев. Там она сказала Ману: «Я спасла тебя. Привяжи корабль к дереву. Но будь осторожен, вода может смыть тебя. Спускайся постепенно, вслед за спадом воды». Ману последовал совету рыбы. С тех пор это место в северных горах называется «Спуск Ману».

А потоп смыл все живые существа. Один Ману остался, чтобы продолжить человеческий род на Земле.

Подвиги Вишну*

Когда в давние времена расплодились бесчисленно живые существа, Земля не вынесла тяжести и провалилась в Океан. Тогда ради ее спасения Вишну обратился в огромного вепря с телом, подобным темной грозовой туче. Он спустился к воде и, поддев Землю клыком, вытащил ее и вознес ввысь. Могучий асур, сын богини Діти, увидел огромного вепря,

* Вишну — великий бог, появляется на Земле, когда ей угрожает смертельная опасность, принимая при этом различные облики.

несущего на клыке Землю, и напал на него, чтобы отобрать у него Землю и завладеть ею. Вишну в облике вепря сразил в бою великого асура. Потом он вынес Землю из бездны и утвердил ее посреди Океана так, чтобы она уже никогда больше не проваливалась.

В другой раз Вишну появился на Земле, когда ее спокойствию угрожал царь асуров. Возгордившись своим могуществом, он стал жестоко притеснять подданных. Сын же его, Прахлада, был добрым и честным юношей. Он восстал против жестокого отца. Тогда царь асуров повелел убить царевича. Но Вишну защитил Прахладу. Копья и мечи убийц затупились от ударов по телу юноши, не причинив ему ни малейшего вреда. По велению царя Прахладу бросили под ноги разъяренным слонам, но и здесь он остался невредимым; его бросили в ров, полный ядовитых змей, но укусы их оказались бессильны. Тогда царь асуров заточил его в темницу, но и там он продолжал славить Вишну.

Злой повелитель асуров никого не боялся: давным-давно он получил от Брах-

мы, творца вселенной, дар неуязвимости. Прародитель сделал его неодолимым для богов и асуров, для людей и зверей. Но Вишну пришел на помощь преданному и страдающему Прахладе. Он появился на Земле в образе не человеческого и не зверином — полульва, получеловека — и предстал перед царем. Увидев диковинное существо, повелитель асуров бросился на него, потрясая трезубцем, но был повержен. Затем Вишну освободил царевича Прахладу и опять восстановил на Земле справедливость.

Внуком Прахлады был могущественный Бали. Став царем асуров, он подчинил себе всю вселенную. И небо, и земля, и подземные страны принадлежали ему, и даже боги подпали под его владычество. Тогда Вишну обернулся карликом, пришел к Бали и попросил для себя столько земли, сколько сможет отмерить тремя шагами. Гордый Бали согласился. В ту же минуту на глазах у потрясенного повелителя асуров карлик вырос, одним шагом пересек небесные сферы, а вторым — покрыл всю Землю. Третьего шага Вишну не сделал; по просьбе Брахмы он пощадил Бали и оставил в его владении подземный мир.

Разрушение Трипуры

В давние времена жил могучий асур Майя. Велика была его сила, и был он искусен и хитроумен. Он-то и был творцом колдовского внушения, названного по его имени «майя».

Когда в битвах с врагами он потерпел неудачу, то удалился от людей и стал отшельником*. Зимой он окунался в холодную воду, летом окружал себя кострами и не покрывал головы под палящими лучами солнца, в дожди не искал себе крова. Дикие плоды, корни и травы были его единственной пищей, а жажду он утолял только водой из ручья. И столь велика была сила его духа, что раскалились от нее все три мира и окутались облаками горячего пара.

Тогда к нему явился Брахма, творец вселенной, и спросил:

— Чего ты желаешь, Майя? Я доволен твоим благочестием и исполню то, о чем ты попросишь.

* Отшельник — человек, удалившийся от людей и посвятивший свою жизнь размышлениям в уединении.

Майя ответил Брахме:

— Давняя вражда существует между богами и асурами. Боги побеждают нас в битвах и всячески угнетают. Мы не можем от них защититься. Всюду они нас настигают — и на земле, и под землей, и на дне океана! Я хочу воздвигнуть для защиты асуров крепость, которую никто не мог бы разрушить — ни боги своим оружием, ни брахманы своими проклятиями.

— Никто и ничто не может существовать вечно, — отвечал с улыбкой Брахма, — ни человек, ни асур, ни крепость. Я не могу выполнить такую просьбу.

Тогда Майя попросил Прародителя, чтобы крепость его была неуязвима для всех, кроме Шивы — Разрушителя вселенной, да и то уничтожить ее он мог бы не иначе как одной-единственной стрелой при первом же выстреле из лука.

— Да будет так, — ответил Брахма и удалился в свои чертоги, а Майя, обрадованный даром творца вселенной, стал размышлять о том, как бы ему построить такую крепость, чтобы никто не мог разрушить ее одним выстрелом из лука.

В те времена у асуров было три города — один из золота, второй из серебра, а третий из железа. Искусный строитель Майя решил соединить эти три города в один и назвать его Трипурой. Так он и сделал. Он воздвиг крепость из трех укреплений. Первая стена была сделана из железа и врыта в землю; вторая, из серебра, встала над первой, упираясь в небо, а третья, из золота, поднялась над второй, возвышаясь над небесной твердью.

У высоких ворот Трипуры днем и ночью стояли грозные стражи, вооруженные острыми копьями и мечами. Город украсили дворцы и храмы, цветущие сады и рощи. В золотых палатах Майи всегда слышны были музыка и перезвон серебряных и золотых колокольчиков; приятный ветерок разносил повсюду благоухание цветов. Счастливые асуры сошлись отовсюду в Трипуру, поселились в приготовленных для них дворцах и стали славить в благодарственных гимнах и молитвах искусного строителя и вождя Майю.

Так в благоденствии и покое жили асуры в чудесном городе год за годом. Но однажды ночью Майе приснился страшный сон. Привиделось ему, что в Трипуру проникли болезни и раздоры, зависть и нищета. На следующее утро он собрал асуров и сказал:

— О братья! Я видел сегодня недобрый сон. Приснилось мне, что пришло в Трипуру множество женщин ужасного облика. Они проникли в ваши жилища и посеяли в ваших сердцах раздор, ненависть и зависть друг к другу. А потом я увидел некоего мужа чудовищного обличья, с четырьмя ногами и тремя глазами. Он стал преследовать этих женщин, но тут наступило утро, и я проснулся. Я не знаю, что означает этот сон, но одно мне ясно: боги испытывают к нам вражду, им не по сердцу наше благополучие, могущество и богатство, они хотели бы вновь прогнать нас на дно океана или в подземное царство. Поэтому я взываю к вам: будьте добры друг к другу! Не допускайте в сердца ваши зависти и злобы. Пусть будет жизнь ваша праведной и благоденствующей!

Асуры выслушали Майю в мрачном молчании и покинули дворец, помня его советы; но на другой же день их словно подменили. Вещим оказался сон властителя Трипуры. С той поры навсегда исчезли из города Майи и счастье, и покой, и доверие, и дружба. Зависть, алчность и злоба поселились в душах асуров, глаза их стали красными от постоянного гнева и недовольства. Раздоры и драки вспыхивали ежечасно, и нелегко было Майе водворять мир и порядок среди подданных, словно охваченных каким-то безумием. Асуры стали притеснять и обижать жрецов. Храмы опустели, жрецы, спасая жизнь, укрылись в тайных убежищах, и некому стало читать молитвы и петь гимны Брахме.

Асуры перестали оказывать уважение старшим и почитать предков. Они перепутали день с ночью — днем спали, а после заката пировали и развлекались. Они больше не украшали свои жилища, топтали цветы, вырубали рощи, совершали жестокие набеги на жителей небесного царства.

Свирепость асуров наводила ужас на все живые существа во вселенной. Тогда

Индра, бог грозы и грома, попытался напасть на Трипуру, но его оружие было бессильно против крепостных стен. В страхе отправились боги к Брахме, чтобы искать у него совета и защиты.

— О великий Брахма, — сказали они творцу миров, — укрой и защити нас от диких и кровожадных жителей Трипуры. Они прячутся за неприступными стенами и потешаются над нами. Их набеги всегда внезапны и жестоки. Люди на земле трепещут от страха при их приближении, как гуси перед бурей, как олени перед львами. Даже небожителям нет от них покоя. Земля и небо опустеют, если ты, великий Брахма, не придешь нам на помощь.

Прародитель так ответил небожителям:

— Я обещал Майе, что крепость его будет неприступна. Но ему не удалось смирить злобу и кровожадность асуров, и они снова сеют всюду страх и беды. Поэтому стольный град Майи должен быть разрушен, а жители его изгнаны из земных и небесных пределов. Но непросто разрушить Трипуру. Эту крепость можно уничтожить только одной стрелой, единственным выстрелом из лука, и выстрел

этот должен быть неотразим. Только Шива способен на такой подвиг. Ступайте к нему и просите его наказать жителей Трипуры.

Боги отправились к грозному Шиве, восседавшему на вершине горы со своей супругой Умой. Его окружало золотое сияние, три его ока блистали слепящим огнем, как три солнца, на челе светил серебристый месяц. Небожители воспели Шиве хвалу и обратились к нему с великой мольбой — покарать обитателей Трипуры и разрушить ненавистную крепость.

— О боги! — ответил Шива. — Я всегда желал вам мира и счастья и теперь желаю того же. Отбросьте страх и тревогу. Я уничтожу крепость асуров. Но и вы должны подготовиться к бою.

Шива взошел на колесницу, боги последовали за ним. Яма, владыка царства мертвых, ехал на своем огненном буйволе, Индра восседал на белом слоне Айравате, бог войны Сканд, сын Шивы, следовал за колесницей отца верхом на павлине.

Вскоре колесница Шивы приблизилась к Трипуре. На ее высоких стенах собрались несметные полчища асуров. Все затихло кругом перед неотвратимой битвой.

Шива окинул взглядом крепость асуров и огромное войско Майи и сказал, обращаясь к Индре:

— Асуры приготовились к бою. Их рать несметна, и воины горят злобой и жаждут победы над нами. Видно, они почуяли, что близится час кровавой битвы. О Индра, начни в стороне горячий бой, отвлеки от меня внимание. А я постараюсь отыскать брешь в укреплениях, и когда улучу благоприятный момент, одной стрелой обращу всю Трипуру в пепел.

По знаку Индры небесное воинство двинулось на Трипуру. Загремели барабаны, воины запели боевые песни, и великое волнение охватило защитников крепости. Одни из них пылали злобой и, потрясая оружием, с нетерпением ожидали схватки. Другие, предчувствуя неминуемую гибель, метались по крепости и вопрошали друг друга: «Что ожидает нас в этой битве — смерть или победа? Зачем сюда явился сам грозный Шива и восседает, как лев перед прыжком, на своей огромной колеснице? Что надо Шиве от обитателей Трипуры?»

Но никто не мог ответить на эти вопросы. Войско Индры уже подступило к стенам крепости, и вскоре закипела ожесточенная схватка. Тетивы луков грозно рокотали, тучи стрел затмили небо, и, пораженные насмерть, падали воины Майи и бойцы Индры.

Воины Индры все сильнее теснили асуров и наконец загнали их под защиту крепких стен Трипуры. Тогда Майя решил применить против небесного воинства силу своего колдовского искусства. И вскоре воинам Индры стало казаться, что палящий огонь стеной надвигается на них, что со всех сторон грозят им языки пламени, с рычанием и воем наступают дикие львы и тигры и ползут крокодилы и ядовитые змеи, с грохотом рушатся горные кручи и падают деревья. Ужас объял войско Индры.

Тогда в бой вступил сам Индра, а с ним и другие великие боги. Они освободили свое войско от наваждения, и оно с новыми силами подступило к стенам крепости. И снова закипел бой, в котором тяжело пришлось защитникам Трипуры. Все меньше оставалось воинов у Майи, все сильнее

боги теснили асуров, а те все чаще бежали под защиту крепостных стен.

Наконец силы оставили защитников крепости, и даже сам полководец асуров Майя утомился. Мрачные раздумья одолели властителя Трипуры. «Увы, — говорил себе Майя, — нет таких крепостей, которые стояли бы вечно. Против нас выступил сам грозный Шива, и, видно, настал час гибели Трипуры. Но мы будем сражаться до последнего, и я должен поддерживать в моих воинах боевой дух. Сейчас я покажу моему народу свое могущество — верну к жизни асуров, павших на поле брани. Тогда вера в победу вновь придет к защитникам Трипуры».

И вот на глазах у изумленных асуров в Трипуре появился прекрасный водоем. К нему вели широкие ступени, над водой благоухали цветы, и веял ласковый ветерок. Дивные птицы в золотом опереньи летали над водоемом и пели, вселяя в душу веселье.

На глазах асуров, пораженных этим чудом, Майя погрузил убитого воина в воду, и тот мгновенно восстал из мертвых.

Тогда, не ведая больше страха, асуры устремились в бой. Тысячами падали они под ударами бойцов Индры, и тысячами возвращал их к жизни Майя в своем водоеме. Все труднее приходилось воинству Индры, все смелее становился натиск защитников Трипуры. И снова асуры стали теснить богов, а те не знали, как отразить их напор.

В отчаянии боги обратились за помощью к Вишну. Великий хранитель мира тотчас взвился в небо, пролетел над головами защитников Трипуры и незаметно для них проник в неприступную крепость. Там, обратившись в быка, он приблизился к чудесному водоему, потоптал цветы, разогнал певчих птиц и выпил животворную влагу всю до последней капли.

Теперь боги стали брать верх. Они обрушились на асуров, истребляя их сотнями. Уныние охватило воинов Трипуры, и они опять стали отступать к стенам своей крепости. «Победа! Победа! — восклицали ликующие боги. — Наконец-то мы подчиним себе вселенную от края до края и будем владеть ею безраздельно!»

Асуры же укрылись в стенах Трипуры, чтобы залечить раны и собраться с силами для нового боя.

Прошла ночь, наступило утро, и тысячеокий Индра вновь повел на приступ войско богов, ошетинившееся тысячами копий. Казалось, необозримая лесная чаща движется к стенам Трипуры. Загудели тетивы боевых луков, запели в воздухе стрелы, заблистали копья и дротики. Асуры, искусные в ратном деле, ободряли друг друга победными кликами, а врагов осыпали проклятиями. Лица их сияли грозной решимостью. Они готовы были умереть ради спасения Трипуры.

Но небесные воины превосходили бойцов Майи силой и воинским искусством. Не выдержав их натиска, асуры вскоре снова бежали под защиту крепостных стен.

Тогда Шива взял в руки свой грозный лук, наложил на тугую тетиву стрелу, неотвратимую, как Яма, бог смерти, и пустил ту стрелу в неприступную крепость. Через мгновение раздался страшный гром, небо запылало золотым огнем над гибнущей Трипурой, и крепость асуров, вспыхнув, как факел, рухнула в

океан. Вода в нем вскипела, поверхность его окуталась паром. Развалины крепости навсегда опустились на дно морское, а вместе с ними и все подданные могучего владыки асуров.

Никому из воинов Трипуры не суждено было спастись от огненной стрелы великого бога Шивы, уцелел только сам Майя. Шива пощадил его за прежние заслуги и позволил уйти живым и невредимым из горящей Трипуры. Майя поселился потом далеко на краю вселенной и больше не воевал с богами.

А боги, избавленные от притеснений обитателей Трипуры, вернулись с торжеством в свой небесный город, славя великого Шиву.

Царство Индры

После победы над асурами великий бог Индра воцарился во вселенной, и наступили счастливые времена. Тучи проливали обильные дожди, земля дарила богатые урожаи, жители благоденствовали. Цари правили по законам справедливости, заботясь о благе подданных, жре-

цы совершали предписанные обряды и молились великим богам. И могучий Индра, видя, что все живые существа наслаждаются миром и счастьем, сам преисполнился великой радости.

Он правит мирно в своем небесном царстве, в тысячевратном городе Амаравати, полном золота и драгоценных камней. Путь в тот небесный город лежит через северные горы, до вершины Меру* и от нее далее по звездной дороге. Прекрасный город небожителей невидим для людских глаз. Близ города Индры зеленеет дивная роща Нандана — место отдыха богов и небесных мудрецов. У входа в город стоит на страже божественный слон Айравата, огромный, как облако, прародитель слонов, возникший из вод молочного океана. На нем объезжает свои владения Индра, когда мир царит во вселенной и отдыхает его боевая колесница. В самом городе — сто великолепных дворцов, но самый большой из них — украшенный лотосами дворец Индры, который он сам построил. В том дворце Индра восседает на троне под бе-

лым опахалом со своей супругой Шáчи, окруженный богами и святыми мудрецами.

Туда, в царство Индры, уходят герои, павшие в битве. Там простирает ветви с благоухающими цветами чудесное дерево Париджата. Там вечно цветут сады, и ни холод, ни жара не угнетают обитателей небесного города. Они не знают ни старости, ни болезней. Взоры их услаждают плясками небесные танцовщицы апсары, слух радуют восхитительные мелодии. Но только благочестивых и добрых людей, исполнивших свой долг на земле, а также храбрых воинов, встретивших смерть в бою, принимает в своей небесной обители Индра.

Хранители мира

Управлять вселенной Индре помогают и другие великие боги. Творец вселенной Брахма сделал их хранителями мира, властителями стран света.

В то время, как Индре принадлежит власть над Востоком — страной богов, царь справедливости Яма правит Югом — страной предков. За краем Земли, окутан-

* Меру — волшебная гора в самом центре земли.

ная тьмой, стоит его обитель. Путь в мир предков охраняют два чудовищных пса Шáрбара, пестрые и четырехглазые. Мрачны, как дикие джунгли, владения Ямы, деревья в них не дают тени, нет там ни воды, ни места для отдыха; и все же души людей добродетельных находят там облегчение.

Яме принадлежит ад, куда уходят души тех, кто совершил тяжкие грехи. Солнце, Луна, Ветер, Огонь и Вода — помощники Ямы, свидетели злодеяний, совершаемых на Земле. Страшные слуги его, с красными волосами и острыми ушами, уносят в царство Ямы души умерших, за которыми их посылает бог смерти.

Золотой дворец Ямы великолепен и полон богатств. Там, слушая прекрасную музыку, блаженствуют души праведных.

Бог Варуна правит Западом. Его великолепный белый дворец находится на дне океана. Он окружен восхитительными садами, где на деревьях растут драгоценные камни и поют птицы невиданной красоты, где никогда не бывает ни слишком холодно, ни слишком жарко. В царство Варуны уходят погибшие в битвах асуры.

Некогда Яма пленил их и отдал под власть бога океана. С той поры асуры, умирая, уходят к Варуне, как люди — в царство Ямы или в царство Индры. Варуна судит асуров и карает их за грехи также, как Яма — людей.

Варуна восседает на троне в окружении морских чудовищ, четырех океанов, рек, источников и озер.

Севером правит Кубэра — царь царей, владыка богатств. Окруженный цветущими садами и рощами, стоит там чудесный город Алака — обитель Куберы. В реках и озерах растут золотые лотосы, а по берегам бродят дикие слоны, антилопы, буйволы и медведи. Владения Куберы, полные сокровищ, охраняют свирепые духи.

Дворец Куберы подобен белому облаку, окаймленному золотом, и словно парит в воздухе над горами. Там Куберу окружают духи горных лесов. В его дворце никогда не смолкают пение и музыка.

* * *

Рассказывают в Индии старинную легенду о великом мудреце и поэте по имени Вальмики. Будто бы жил он давным-давно и не было ему равных в умении сочинять прекрасные стихи. Каждое такое стихотворение заключало в себе великую мудрость.

Однажды, когда Вальмики сидел на пороге своей хижины, сверкнула на безоблачном небе молния, и перед изумленным поэтом появился великий бог Вишну. От лица хранителя вселенной исходило такое сияние, что Вальмики прикрыл глаза руками. И тогда раздался голос Вишну. Казалось, что звуки этого чудного голоса заполнили все пространство от земли, на которой сидел мудрец, до лазурного неба. Голос этот приказал мудрецу и поэту написать историю жизни и любви великого Рáмы — царя Солнечного рода. Почти-точно склонился Вальмики, выслушав приказ бога. А когда поднял глаза, никого уже не было рядом. Тогда Вальмики заперся в хижине. Сколько времени прошло с того дня, месяцы или годы, неизвестно, уж очень давно это было. Знаем только, что каждый человек в Индии читал или слышал замечательную поэму

«Рамаяна» — сказание о Раме, написанную в незапамятные времена поэтом, мудрецом Вальмики.

СКАЗАНИЕ О РАМЕ

В давние времена, несколько тысяч лет назад, в Айодхье, самом большом городе Индии, правил мудрый раджа* Дашаратха. У него не было детей. А он и три его жены: старшая — Каушалья, средняя — Сумитра и младшая — Кайкеи, — все страстно хотели иметь потомство. И вот, после долгих ожиданий и щедрых жертвоприношений богам, у трех рани** родились четыре сына: у Каушалы — Рама, у Сумитры — близнецы Лакшман и Шатругхна, а у самой младшей, Кайкеи, — Бхарата. Все четыре сына раджи проявили необыкновенные способности. Прошло совсем немного времени, а они уже закончили изучение древних книг и в совершенстве постигли военное искусство. В стрельбе из лука, в метании копья, в борьбе — в любом деле

* Раджа — правитель, царь.

** Рани — супруга раджи.

им не было равных. Все четверо почитали старших и были милосердны к слабым, к тому же они были наделены красотой, здоровьем и добрым сердцем. Жители Айодхьи любили всех братьев, но особенно старшего, Раму, за его храбрость, благородство, силу и ловкость.

Слух о его отваге достиг ушей мудрого отшельника Вишвамитры. Однажды он пришел к радже Дашаратхе и попросил отпустить с ним Раму и Лакшмана. Злые демоны — ракшасы — преследовали его и мешали приносить жертвы богам; только Рама мог помочь ему и победить этих злобных ракшасов.

В пути Вишвамитра научил братьев заклинанию, от которого мгновенно проходит усталость, а также искусству владеть волшебным оружием, против которого никто не может устоять. Долгой была дорога к жилищу Вишвамитры. Добравшись, наконец, до хижины отшельника, Рама и Лакшман вооружились мечами, взяли луки и стрелы и стали днем и ночью охранять мудреца. Так прошло пять дней. А на шестой братья увидели целое войско ракшасов во главе с

Мáричем и Субáху. Они приближались, чтобы осквернить алтарь* отшельника. Оба брата были настороже и, как только приблизился Марич, Рама пустил в него стрелу и ранил его. Остался Субаху. Но и его вскоре пронзила, как молния, стрела Рамы. Тогда ракшасы обратились в бегство. Братья долго преследовали их и многих еще истребили.

Когда Рама и Лакшман были в жилище Вишвамитры, раджа Джана́ка, который правил страной, называвшейся Митхíла, прислал к Вишвамитре гонца с приглашением на свадьбу своей дочери Сíты.

В те времена почти все браки заключались так: отец невесты приглашал отовсюду гостей на праздник. На празднике устраивались состязания, в которых испытывались мужество, ловкость и военное искусство юношей. На шею победителя невеста надевала цветочную гирлянду, и он становился ее супругом.

Вишвамитра втайне мечтал, чтобы Сита стала женой Рамы, поэтому он и решил пригласить Раму и Лакшмана.

* Священное место в храме или жилище.

Раджа Джанака был человеком мудрым и обладал такими обширными познаниями, что даже очень образованные люди приходили к нему за советом.

Однажды на его страну напал страшный голод. Тогда мудрейшие люди собрались на совет и решили, что бедствие можно прекратить только принесением особой жертвы: раджа Джанака должен был сам вспахать поле. Раджа согласился.

Он вышел в поле с буйволом, запряженным в плуг, и начал пахать. И только плуг поднял первый пласт земли, Джанака увидел в борозде маленькую девочку, прекрасную, как луна. У раджи Джанаки не было детей; он с радостью взял девочку на руки и принес ее во дворец. Девочку называли Ситой*, потому что она была найдена в борозде.

Джанака растил девочку с великой любовью и нежностью. Он поручил ее образование лучшим учителям. А когда Сита выросла, он решил устроить торжественный смотр женихов.

* Сита — на древнеиндийском языке санскрите значит «борозда».

Рама, Лакшман и Вишвамित्रа, переправившись через Сон, Ганг и другие реки, на четвертый день пути достигли Митхилы. Все жители города были очарованы красивыми и статными сыновьями Дашаратхи. Все говорили, что уж если кто и достоин внимания Ситы, то только они, и что красивее Рамы нет никого на свете. Но победит ли он в соревновании женихов?

Раджа Джанака, узнав, что пришедшие юноши — сыновья Дашаратхи, очень обрадовался, в сердце его тоже зародилось желание, чтобы именно Рама стал мужем Ситы.

Вишвамित्रа спросил Джанаку:

— Махараджа*! Какое же ты выбрал испытание для женихов?

— Святой отец, — ответил Джанака, — что я, слабый, могу предложить! Много сотен лет назад всесильный бог Шива вручил одному из моих предков свой лук. С тех пор этот древний лук хранится в нашем доме. Однажды я сказал Сите, чтобы она сделала приборку в молельне, где лежал лук Шивы. Много

* Махараджа — великий раджа.

сотен лет он находился там, и никто не мог его даже с места сдвинуть.

А Сита пришла в молельню, увидела, что вокруг лука много пыли, подняла его, вытерла пыль и снова положила на место. Я очень удивился и решил: мужем этой необыкновенной девушки станет лишь тот, кто, натянув тетиву, сломает лук Шивы.

На следующий день начались приготовления к состязанию. Над площадью натянули огромный полотняный навес. Сотни удалцов, кичась своей силой, пришли сюда издалека и важно уселись под навесом. Целая толпа с трудом притащила лук Шивы на площадь. Когда все собрались, раджа Джанака обратился к присутствующим:

— Богатыри Индии! Перед вами лежит лук Шивы. Того, кто, натянув тетиву, сломает лук, Сита увенчает гирляндой победы!

Услышав это, смельчаки и силачи сразу же направились к луку. Каждый мечтал обручиться с Ситой. Каждый, спесиво выпятив грудь, подходил к луку. Но никто, как ни старался, как ни пыхтел, не

мог ни на волос сдвинуть его с места. Возвращаясь обратно, неудачники опускали голову и старались не встретиться ни с кем глазами.

Так среди присутствующих не нашлось никого, кто мог бы поднять лук. А уж о том, чтобы сломать его, нечего было и думать. Когда раджа Джанака понял это, он не на шутку встревожился. Поднявшись, он произнес упавшим голосом:

— Что ж, видно, перевелись богатыри на нашей славной земле. Видно, Сите никогда не бывать замужем. И зачем только вы все пришли на состязание, в котором надо показать и силу и желание победить!

Лакшман был пылким юношей. Услышав такие обидные слова, он не вытерпел и с обычной своей горячностью воскликнул:

— Махараджа! Не говори так! До тех пор, пока будет жить род Рагху, в нашей стране не переведутся богатыри. Я не хвастун, но скажу прямо: если только мой брат прикажет мне, я тотчас же изломаю этот лук в куски. А если брат сам

возьмется за него, он сломает его одной рукой.

Когда Лакшман сел, Вишвамित्रа сказал Рама:

— Теперь настал твой черед: пойдись сломай лук, и ты успокоишь раджу Джанаку.

Рама в первый же день, как прибыл в Митхилу, увидел Ситу. Братья гуляли по городу, а Сита в это время шла в храм, и на мгновение глаза Рама и Ситы встретились. С той минуты он полюбил Ситу и с нетерпением ждал дня состязаний.

Едва получив приказ Вишвамитры, Рама поклонился всем и направился к луку. А неудачники, стараясь скрыть свое унижение, начали издеваться над Рамой. Один говорил:

— Иди, иди, да поосторожнее. Поберегись! Не то надорвешься!

— Пожалей этот древний лук, сделай милость, не дай ему разлететься на куски, — посмеивался другой.

— Иди полегче, пожалуйста, а то земля качается, — добавлял третий.

Но Рама не обращал никакого внимания на издевки. Подойдя к луку, он под-

нял его легко, как тростинку, и, сильно натянув тетиву, мгновенно переломил пополам. Раздался такой треск, что народ в ужасе отпрянул.

Как только лук, разлетевшись на куски, упал на землю, все жители города радостно кинулись к Раме. Раджа Джанак обнял его, а Сита подошла и надела ему на шею гирлянду победы.

Все горожане — старики и молодые, богатые и бедные — не помнили себя от радости: то, чего хотели все, совершилось. Многие советовали Джанаке поскорее сообщить радже Дашаратхе это счастливое известие. И несколько гонцов были тотчас же отправлены в Айодхью.

Рама и Сита очень любили друг друга, и, казалось, ничто не предвещало им горя или несчастий. Но судьба распорядилась иначе. Юные супруги вынуждены были уйти в леса и провести в изгнании четырнадцать лет. Вместе с ними в странствие отправился брат Рамы, великодушный Лакшман.

Трое странников жили вместе с отшельниками, охраняя их от нападения ракшасов. О победах Рамы и Лакшмана

узнал и повелитель острова Ланка, царь ракшасов Раван. В те времена на юге Индии не было царства более могущественного, чем Ланка. У Равана, раджи Ланки, было десять голов и двадцать рук. Его богатства были неисчислимы. Говорили, что столица его царства обнесена золотыми стенами. Но, как часто случается, богатство и власть сделали Равана высокомерным, хвастливым, свирепым и вероломным. Для достижения своих целей он не останавливался ни перед чем и был способен на самые низкие поступки.

Как только Раван услышал имена Рамы и Лакшмана, разум его помутился. Ведь и он принимал участие в соревновании женихов, когда Сита выходила замуж. Тогда на его глазах Рама сломал тот самый лук, который он, Раван, не смог даже сдвинуть с места. До сих пор он не мог забыть красавицу Ситу. Раван задумал погубить обоих братьев. Уж тогда-то Сита будет принадлежать ему! Вместе с Маричем он придумал хитроумный план похищения Ситы.

Однажды после полудня Рама и Сита сидели возле хижины, как вдруг перед

ними показался олень необычайной красоты. Он блестел и сверкал, будто осыпанный алмазами.

— Смотри, — воскликнула Сита, обращаясь к Раме, — какой чудесный олень!

Лакшман подумал, что на самом деле таких оленей не бывает и что это, по-видимому, какой-то обман. Но сказать вслух о своих опасениях не решился из боязни, что Рама сочтет его излишне подозрительным. Он надеялся, что брату самому придет это в голову.

Разглядывая оленя, Рама промолвил:

— Да, очень красив. Мне еще не приходилось видеть такого.

— Поймайте его и подарите мне! Я его приручу и возьму с собой в Айодхью, — попросила Сита. — Его вид поразит всех. Смотрите, какие он выделяет прыжки!

— Поймать его живым — дело нелегкое, — ответил Рама.

— Мне бы хотелось, чтобы вы все-таки поймали его; ну, а если не удастся, то из него может получиться превосходная шкура.

Тогда Рама взял лук и стрелы и пошел вслед за оленем; Лакшман также присоединился к нему. Пройдя немного, он сказал Раме:

— Брат! Зря вы стараетесь — этот олень живым в руки не дастся. Прикажете, я пристрелю его и принесу вам.

— Вот потому я тебе ничего и не сказал. Я знал, что ты разгорячишься и пустишь стрелу. Лучше останься с Ситой, она совсем одна. Я все же попробую взять оленя живым.

Сказав это, Рама так быстро помчался за оленем, что Лакшман не успел ничего возразить и ему ничего не оставалось, как вернуться к Сите.

А олень то появлялся вблизи от Рамы, то скрывался в чаще. Иногда он был совсем рядом и казалось, что он уже выбился из сил, как вдруг одним скачком он оказывался далеко. Так он уводил Раму все дальше, пока тот не устал и не убедился, что взять оленя живым не получится.

Марич убежать-то убегал, но боялся, что его замысел не удастся, так как Лакшман остался с Ситой. Как же похитить

Ситу, если ее охраняет Лакшман? И Марич пошел на хитрость:

— Лакшман! Сита! — громко прокричал он.

При этих звуках сердце Рамы сильно забилося. Он понял, что его обманывают, что здесь какая-то ловушка и что скорее всего какой-нибудь ракшас принял облик оленя. И зовет он Лакшмана для того, чтобы тот прибежал сюда, оставив Ситу одну.

Рама, подумав об этом, тотчас же отказался от мысли поймать оленя живым и выстрелил так метко, что олень упал замертво. Но все же перед смертью ракшас успел исполнить свой коварный замысел.

Рама уже бежал со всех ног в сторону хижины, чтобы задержать Лакшмана. Между тем Сита, услышав из лесу крик, решила, что случилось несчастье с Рамой. Зарыдав, она бросилась к Лакшману со словами:

— Мне страшно! Ведь это голос мужа! Наверно, он попал в беду! Беги посмотри, что с ним! У меня сердце разрывается на части. Беги же скорее!

Лакшман тоже слышал голос, но сразу же подумал, что это какой-нибудь ракшас подстроил ловушку. Он не мог уйти и оставить Ситу одну.

— Вы можете не опасаться за Раму, — сказал он. — За того, кто уничтожил четырнадцатитысячное войско ракшасов, можно быть спокойным. Скорее всего, брат возвращается с убитым оленем обратно. Я никуда не пойду; я не могу бросить вас здесь одну. Мой брат запретил мне это.

Но Сита гневно возразила:

— Зачем обо мне-то беспокоиться? Что, меня съест тут лев или волк? С мужем, наверно, случилось какое-нибудь несчастье, а ты сидишь сложа руки! Ты только хвастаешься любовью к брату!

Эти упреки пронзили сердце Лакшмана. Он любил Раму истинно братской любовью, а Ситу почитал, как родную мать. Он готов был по одному знаку Рамы отдать свою жизнь. Ему не жалко было пролить свою кровь там, где упала хоть капля пота брата. Но он боялся, что в его отсутствие с Ситой случится какое-нибудь несчастье, что какой-нибудь рак-

шас придет и обидит ее, и тогда как он взглянет брату в глаза? Если Рама спросит его, почему он ушел, не послушав его и бросив Ситу одну, что он ответит? Но когда Сита назвала его трусом и предателем, ему ничего не оставалось, как пойти на розыски Рамы. Взяв лук и стрелы, он с огорчением сказал:

— Дорогая невестка! То, что вы только что сказали, я не ожидал от вас услышать. Не дай бог, чтобы пришел такой день, но если уж нужно будет, то я докажу, как брат жертвует жизнью ради брата. Я и сейчас говорю, что с братом ничего опасного не случилось, но, если вы мне приказываете идти, я иду.

С этими словами Лакшман скрылся в лесу.

Как только Раван увидел, что поляна пуста, он взял в руки сосуд для воды, какой обычно носят с собой нищие отшельники, и, смиренно призывая имя бога, подошел и остановился около хижины Ситы. Взглянув на него, она решила, что это отшельник и предложила отдохнуть в ее хижине. Как только Сита поднесла угощение, Раван схватил ее, подбежал к

своей колеснице и мгновенно вскочил в нее. От страха Сита лишилась чувств. Придя в себя, она увидела, что колесница, в которой она сидит, стремительно несется по воздуху, а тот, кого она приняла за отшельника, правит.

Тем временем встревоженный Лакшман все дальше забирался в лесную чащу. Вдруг он увидел Раму, бегущего ему навстречу. Лакшман бросился к нему в большом смятении:

— Вы звали меня?

Рама, не отвечая брату, спросил в свою очередь:

— Как ты мог оставить Ситу? Ведь это был не олень, а злой дух. Как же ты не понял обмана? Наверно, с Ситой случилось какое-нибудь несчастье!

Братья быстро достигли хижины. Там было пусто. Ситы нигде не было. Внезапное горе сразило братьев, и силы покинули их. Едва придя в себя, они пустились в путь.

В поисках Ситы Рама и Лакшман шли все дальше и дальше, тщательно обыскивая горы и леса. Так они дошли до пределов царства обезьян. Правитель

обезьян Сугрива и его верный помощник Хануман ласково встретили их. Братья рассказали обезьянам о своем несчастье. Тогда, разведя огонь, Рама и Сугрива призвали в свидетели бога Агни* и поклялись, что будут помогать друг другу, как бы им ни было трудно.

Во главе огромного войска обезьян Рама, Лакшман, Сугрива и Хануман отправились на поиски Ситы. Долгим был их путь, много препятствий пришлось им преодолеть, прежде чем они достигли берега океана. Далеко в море, на самом горизонте, видна была узенькая полоска земли. Это и был остров Ланка. Там в окружении свирепых ракшасов, за высокими неприступными стенами дворца томилась прекрасная Сита.

Рама знал, что никто, кроме Ханумана, умеющего летать, не сможет тайно пробраться на Ланку. Поэтому он и попросил своего нового друга перелететь через океан и разыскать на острове Ситу.

Став на вершине высокой горы, Хануман крепко уперся в нее обеими ногами, так что она затряслась, а с деревьев, рос-

* Агни — бог огня.

ших по ее склонам, осыпались листья и цветы; он набрал воздуха в грудь, простер ввысь руки и, взмахнув ими, прыгнул в небо. Пролетая над океаном, Хануман увидел вдали остров посреди моря, горные вершины и берег, поросший деревьями, и понял, что достиг цели. Опустившись на вершину горы, он оглядел окрестности. Перед ним раскинулся город. Дворцы его упирались своими кровлями в небо, купола их были сделаны из золота. Хануман изумился, увидев такой многолюдный и великолепный город. Проникнуть сюда и разыскать здесь Ситу было нелегко.

У главных ворот — сильная охрана. Если спросить у людей, где Сита, можно вызвать подозрение. Размышляя, Хануман брел до тех пор, пока не показался густой сад. Он проник туда, взобрался на дерево, нарвал плодов и стал есть их.

Вдруг в саду слышались чьи-то шаги. Под деревьями Хануман увидел редчайшей красоты женщину с распущенными волосами, одетую в старое, рваное сáри*. Она печально сидела, устремив

* Сари — женская одежда в Индии.

взгляд в землю. Увидев такую красавицу, Хануман догадался, что это и есть Сита. Он понял это по ее бледному лицу, глазам, влажным от слез, и глубокой тоске, которую выражало все ее существо. Спустившись с дерева, Хануман предстал перед ней и поклонился в ноги. Изумившись, Сита спросила:

— Кто ты? По твоему лицу видно, что ты благороден и смел.

Сложив почтительно руки, Хануман ответил:

— Госпожа, меня зовут Хануман. Я пришел от высокочтимого Рамы. Увидев вас, госпожа, я сразу понял, что вы и есть Сита.

— Неужели ты и впрямь пришел от моего мужа? Скажи мне, вспоминает ли он обо мне?

— О, конечно! — воскликнул Хануман. — И во сне и наяву он только и твердит ваше имя. Как только я вернусь и доложу, что нашел вас, он начнет немедленно готовиться к нападению на Ланку. О госпожа! Не могли бы вы передать со мной вашему мужу что-нибудь

такое, что подтвердило бы, что я с вами действительно встретился.

Сита отрезала прядь своих шелковистых волос и дала ее Хануману. Завернув локон в пояс и поклонившись Сите, Хануман удалился.

Уже выходя из сада, он подумал: «А не попробовать ли мне испытать смелость ракшасов? Не мешает убедиться, насколько они все искусны в ратном деле». И он начал выворачивать деревья в саду. Потом он нарвал и рассыпал столько цветов, что они покрыли землю сплошь, как ковер.

Тогда прибежала стража и набросилась на Ханумана, но ее он разогнал без труда. Стражники сообщили Равану, что какой-то иноземец проник в сад и разрушает его, что он избил до полусмерти стражу и не слушает никаких уговоров.

Раван заскрежетал зубами от злости и проревел:

— Эй вы все! Схватить его и немедленно доставить ко мне!

Тогда сын Равана Мегхана́д произнес:

— Разве мало одного меня для того, чтобы убить этого наглеца? Я пойду и скручу его.

Мегханад отличался мужеством и силой. Взяв лук и стрелы, он пришел в сад и крикнул Хануману:

— Эй, безумец! Ты что здесь бесчинствуешь? Выйди вперед! Я живо с тобой расправлюсь!

Хануман не уступал в силе Мегханаду, но решил все же не сражаться с ним, чтобы не помешать выполнению своей главной задачи.

«Если он убьет меня, то я не смогу известить Раму о том, что Сита здесь», — подумал Хануман. Поэтому он сделал вид, что принимает бой, и дал возможность Мегханаду одержать победу.

Мегханад решил, что он и в самом деле одолел Ханумана. Он немедленно связал его веревкой, отправился к Равану и, самодовольно покручивая усы, сказал:

— Отец! Твой пленник перед тобой.

Разгневанный Раван, как только увидел связанного Ханумана, выхватил из ножен меч и размахнулся, чтобы отсечь ему голову, но его советник сказал:

— Господин! Прежде следовало бы спросить пленника, кто он и для чего сюда пришел.

Хануман ответил сам:

— Меня послал Рама разыскать Ситу, и я здесь встретил ее. Ты поступил дурно, похитив Ситу. Теперь твое благополучие зависит от того, как скоро ты вернешь ее Раме. Иначе тебе будет плохо.

Кровь Равана вскипела от гнева, когда он услышал, что перед ним — посланец Рамы.

— Твое счастье, что ты сейчас избежал расправы, — сказал он. — Не будь ты послом, мы разорвали бы тебя на куски. Такой наглец заслуживает этого. И просто так я тебя не отпущу. Так накажу, что ты меня век будешь помнить!

Раван приказал слугам размалевать физиономию Ханумана, к хвосту привязать тряпку, пропитанную маслом, поджечь ее и выпустить Ханумана на свободу. Всем жителям города было велено собраться на крышах своих домов и смотреть на представление.

Наступил вечер. Хвост Ханумана облили маслом, и когда тряпки хорошо про-

питались им, подожгли. Вспыхнули языки пламени. Отовсюду слышались рукоплескания. Представление началось.

Хануман был очень рассержен этими оскорблениями и насмешками. «Как бы мне отомстить за унижение? — подумал он. — Сейчас самое подходящее время. Покажу-ка я им такое представление, чтобы век меня не забыли. Весь город станет костром».

Когда подожгли хвост, Хануман забрался на дерево, одна ветка которого свешивалась к окну дворца Равана. С этой ветки Хануман прыгнул в окно, и вмиг весь дворец запылал.

Все люди были на крышах, и никто не мог помешать Хануману. Куда бы ни вскакивал он, от его пылающего хвоста всюду вспыхивали языки пламени. Когда дворец запылал, Хануман кинулся на городские улицы. Там крыши сходились с крышами. Прыгать с одного дома на другой было легко. Не прошло и часа, как весь город потонул в пламени. Началось смятение. Кто вытаскивал свои вещи, кто кричал: «Воды, воды!» И сколько сгорело ракшасов, которые не успели спуститься

с крыш! Неожиданно подул сильный ветер, и огонь вспыхнул еще сильнее.

А Хануман, превратив город в костер, убежал к морю и, бросившись в воду, потушил огонь на хвосте. Поистине дивное и прекрасное зрелище показал он жителям Ланки!

На другой день после возвращения Ханумана началась подготовка к вторжению на Ланку. Военачальники обезьян стали искать средства для переправы через море. Наконец было решено построить мост. Ниль и Наль, искусные строители, немедленно приступили к его постройке.

Когда Раван узнал о появлении огромного войска обезьян, во главе которого стояли Рама и Сугрива, он послал двух шпионов, чтобы выяснить их намерения. Переодетыми они проникли в войска обезьян и принялись внимательно ко всему присматриваться. Обезьяны схватили их и привели к Рама. Шпионы дрожали от страха: по обычаю, за шпионство им грозила смертная казнь. Но Рама сжалился над ними.

— Не бойтесь! Я вас не накажу, — сказал он. — Спрашивайте, я сообщу

вам точное количество войск и покажу оружие. Если вам нужно еще что-либо посмотреть, я прикажу, чтобы вам показали все. А когда вы соберете сведения, можете вернуться на Ланку.

Шпионы, пристыженные, вернулись к Равану и сказали:

— Махараджа! Тебе не следует воевать с Рамой. Он очень смел. Ты не победишь его. Его воины много сильнее твоих.

Но Раван до слепоты был опьянен своим могуществом. Он ответил:

— Вы оба предатели! Прочь с моих глаз! Я не желаю видеть таких трусов.

И только когда он узнал, что Рама с помощью воинов Сугривы построил мост через море, то обеспокоился и не мог заснуть всю ночь.

Переправившись через море, Рама осадил Ланку. К каждому из четырех входов в город-крепость он направил по отряду, приказал Сугриве командовать всеми войсками и сам вместе с Лакшманом присоединился к нему. Ракшасы не могли выйти из города, так как все ворота были осаждены. Жители города начали голодать, потому

что доставка продовольствия из окрестных деревень прекратилась. Только теперь Раван понял, что Рама уже почти завладел Ланкой и неизвестно, каков будет конец предстоящего сражения.

Окружив крепость, Рама сказал Сугриве:

— Нужно еще раз попытаться убедить Равана. Зачем проливать кровь, если можно подействовать убеждением. Поэтому я думаю, не направить ли Ангада, твоего племянника, для переговоров к Равану.

Ангад с радостью согласился.

Раван сидел, окруженный приближенными, когда вошел Ангад и громко сказал:

— Эй, Раван, вождь ракшасов, я посол Рамы. Мое имя Ангад. Я сын раджи Ба-ли. Махараджа Рама прислал меня сказать: или ты сейчас же освободишь Ситу, или выходи из крепости — на бой!

Раван надменно ответил:

— Ступай и скажи своему крысиному радже, что Раван готов сразиться с ним. А Сита не выйдет отсюда, пусть он забудет о ней, иначе ему будет плохо. Сугрива и Хануман убегут, поджав хвосты, как только войско ракшасов выйдет на

поле боя. Раме еще не приходилось иметь дело с нами. Ведь у нас есть оружие самого бога Индры! А что представляют собой все ваши горные крысы?

Ангад ответил на это:

— Любого из тех, кого ты называешь горными крысами, будет достаточно, чтобы победить твою армию. Если ты хочешь испытать их силу, то попробуй — испытай силу одного из них, самого обыкновенного, который стоит перед тобой здесь. Жаль, что я посол и не могу пустить в ход оружие, а то бы я показал тебе силу гнева горных крыс. Эй, сумеет ли кто-нибудь из присутствующих здесь хотя бы сдвинуть мою ногу с места? Если есть такой, то пусть покажется!

Услышав вызов Ангада, некоторые ракшасы поднялись и попытались сдвинуть с места его ногу. Но сколько ни на-прягались, ни один ничего не добился. Тогда поднялся со своего трона сам Раван. Наклонившись над ногой Ангада, он хотел сдвинуть ее с места, но в этот миг сам Ангад отстранил свою ногу и сказал:

— Если тебе приходится склонять голову, то склони ее к ногам Рамы; склонять ее к моим ногам незачем.

Пристыженный Раван вернулся на место. Ангад выполнил свое поручение. Поняв, что никакие уговоры не действуют на Равана, он возвратился к Раме и рассказал все, что произошло.

Наконец началось сражение. Бойцы рубились день и ночь. Войско Рамы сражалось с таким героизмом, что ракшасы дрогнули и обратились в бегство. Тогда разъяренный Раван послал в бой своего сына Мегханада. Мегханад был отважный герой. Он даже получил прозвище «Индраджит» — победитель бога Индры. Ракшасы гордились им безмерно.

Как только Мегханад появился на поле боя, сражение приняло иной оборот. Если раньше бежали с поля ракшасы, то теперь началось смятение в войсках Рамы. Стрелы Мегханада летели таким густым дождем, что даже небо потемнело.

Лакшман увидел, как теснят их войско ракшасы, и появился на поле брани с луком и стрелами. Мегханад, заметив Лак-

шмана, стал сражаться еще яростнее и воинственно крикнул:

— Ну, теперь тебя ждет смерть от моей руки! Я давно жаждал сразиться с тобой. Наконец-то мое желание сбылось!

Лакшман ответил:

— Поражение или победа в руках богов. Хвастовство не к лицу смелым. Но думается мне, что ты не вернешься домой живым.

Мегханад рассвирепел и пустил в ход все свое оружие: то пошлет в Лакшмана отравленную стрелу, то бросит копье, то замахнется дубиной. Но Лакшман метко отбивал все нападения Мегханада. Скоро он разбил его колесницу, ранил возницу и коней. Мегханад вынужден был спешиться, чтобы продолжать бой. Теперь бой принял для него опасный оборот. Он пытался улучшить удобный момент, чтобы сесть в другую колесницу. Но Лакшман посылал стрелы так часто, что не было возможности даже сдвинуться с места.

Наконец Мегханад в злобе метнул в Лакшмана тяжелое копье. Это было необыкновенное копье. Даже легко раненный им человек вскоре умирал. Как

только копье поразило Лакшмана, он рухнул на землю без чувств. Мегханад обезумел от радости. Проезжавшему мимо Равану он сказал:

— Из двух братьев одного я уже убил своим копьем. Завтра убью другого — и войне конец.

Раван в радости прижал сына к груди.

Между тем в войске Рамы началось смятение. Хануман поднял Лакшмана и отнес его к Раме. Когда тот увидел брата бездыханным, на глаза его невольно навернулись слезы, и он в глубокой скорби воскликнул:

— О Лакшман! Зачем ты оставил меня? Если бы я знал, что моему брату и товарищу грозит такая гибель, то никогда не ушел бы в леса. Как я теперь вернусь в Айодхью? Кому я смогу взглянуть в глаза после того, как из-за жены загубил жизнь брата! Вечный позор пал на мою голову!

Джамаванта, военачальник обезьян, внимательно осмотрел Лакшмана. У него был большой опыт — ведь он перевидал столько сражений!

— Махараджа! — сказал он, обращаясь к Рама. — Зачем вы так отчаиваетесь? Лакшман еще жив. Он только лишился сознания, потому что яд распространился по всему телу. В городе живет лекарь по имени Сукхэн. Он очень искусно лечит от отравления. Нужно только поскорее позвать его.

Хануман предложил:

— Я пойду и приведу его.

Хануман переоделся, чтобы его не узнали на Ланке, разузнал, где находится дом Сукхена, и пробрался в город. Там он нашел лекаря и рассказал ему о своем деле. Сукхен тотчас собрался и отправился вместе с Хануманом. Но лекарь был очень стар и не мог двигаться быстро. Поэтому Хануман взял его к себе на плечи и пустился бегом в обратный путь. Там Сукхен пощупал пульс у Лакшмана, осмотрел его и промолвил:

— Пока еще есть надежда спасти его. Если быстро найти животворную траву, его можно будет вылечить. Но нужно доставить сюда эту траву до восхода солнца, а не то больной погибнет. Только на одной горе, на севере, растет эта трава.

Не простое дело за двенадцать часов добраться туда, разыскать траву и успеть принести ее обратно.

Все пристально смотрели друг на друга. Ни у кого не было решимости отправиться в такой путь. Наконец Рама сказал Хануману:

— Друг! Только ты один мог бы преодолеть столько трудностей. Кроме тебя, некого об этом просить.

Хануман немедленно стал собираться в путь. Расспросив подробнее, где находится гора и как найти нужную траву, он помчался словно вихрь. Через несколько часов он достиг этой горы; но ночью невозможно было отличить лечебную траву от всякой другой. Хануман на всякий случай нарвал самых разных трав и изо всех сил помчался обратно.

Все войско с нетерпением ожидало Ханумана. Вот уже стала разгораться заря, а его все еще не было. До назначенного срока оставалось только полчаса. Лакшману становилось все хуже. В отчаянии Рама зарыдал, но тут появился Ангад и закричал:

— Махарджа! Хануман бежит изо всех сил!

Лицо Рамы просияло. Взмолвленный, он сам поспешил навстречу Хануману и обнял его. Хануман положил перед Сукхеном целую кучу разных трав. Сукхен выбрал из них животворную траву, быстро сделал из нее лекарство и приложил к ране Лакшмана. И трава мигом оказала действие: рана стала заживать. Скоро Лакшман открыл глаза. Через час он привстал, а к полудню даже стал разговаривать. Тогда по всему войску прокатился крик радости.

Уже много дней продолжалась битва. С обеих сторон пало много воинов. Погиб Мегханад, сраженный в бою доблестным Лакшманом. Пали и другие вожди войска ракшасов. И наконец Раван назначил день, когда он сам должен был возглавить битву и победить или погибнуть.

Как только Рама увидел Равана, он мгновенно ринулся вперед. До сих пор Рама только слышал имя Равана; теперь он впервые увидел своего врага, и глаза его загорелись огнем смертельного гнева.

И Раван жаждал сразиться с Рамой, отомстить ему за смерть сына.

И началась битва! Разве были у Равана соперники на Ланке! И в войске Рамы не было никого, кто мог бы противостоять ему. Сугрива, Ангад, Хануман и другие смельчаки метали в Равана копья и посылали тугие стрелы; Ниль и Наль бросали в него камни; но Раван с такой быстротой отражал их мечом, что никто не мог причинить ему вреда. Лакшман подошел к брату, встал рядом и тоже обрушил на врага ливень стрел. А Раван стоял на своей колеснице неподвижный, как гора, и отражал все атаки. Но вот его острая стрела сразила Лакшмана, и тот упал без чувств. Другая стрела попала в Раму, упал и он.

Раван выхватил меч и уже хотел прикончить Раму. Но Хануман бросился между ними и так ударил Равана дубиной в грудь, что тот упал, а Рама и Лакшман тем временем пришли в себя и поднялись с земли. Раван тоже собрался с силами, вскочил на ноги и вновь началось сражение.

Наконец одна из стрел Рамы пронзила грудь Равана. Кровь забила струей из

глубокой раны, глаза закрылись. Возничий, управлявший его боевой колесницей, решил, что дело Равана кончено, и спешно направил ее в город. Но по дороге Раван очнулся. Увидев, что колесница движется к городу, он вспыхнул от гнева и приказал вернуться на поле боя. И вновь Раван стал осыпать обезьян огненными стрелами. Языки пламени вырывались из этих стрел. В войске Рамы началось смятение. Но от глубокой раны в груди Раван слабел с каждым мгновением. Наконец он уже не мог больше держать лук и выронил его.

И Рама сказал ему:

— Раджа Раван! Теперь ты видишь, что мы не так слабы, как ты предполагал! Ты принес в жертву своей прихоти всю свою семью. Неужели ты до сих пор не понял своей вины? Откажись хотя бы теперь от своих низких намерений, и я прощу тебя.

Раван напряг все силы, с трудом поднял лук и надменно ответил:

— Неужели ты думаешь, что гибель пугает меня? Запомни: Раван верит в свое мужество и силу и никогда не воюет

за счет чужой силы. А для чего же еще существуют дети героев, если не для битв и смерти! Держись, я вновь нападаю!

Эта угроза была подобна тьявканью шакала. Новая стрела Рамы вонзилась глубоко в грудь Равана. Если первая стрела тяжело ранила его, то вторая принесла ему гибель. Раван упал на дно колесницы и умер, сжимая в руках лук.

Цель, которую преследовал Рама, падая на Ланку, была достигнута — Сита освобождена, Раван понес наказание. Ничто не удерживало Раму на Ланке, и он отдал приказ готовиться к обратному походу. Сам же Рама вместе с Ситой и друзьями отправился в Айодхью на воздушной колеснице Равана. Это была необыкновенная колесница. Как только в ней начинал работать прехитрый механизм, она поднималась в воздух. В ней были отдельные места для сидения, отдельные для сна, и вся она была украшена алмазами и драгоценными камнями. Казалось, что это какой-то летающий дворец. Через два дня наши странники были уже в Айодхье. Не описать радость и ликование всех ее жителей, когда они

увидели Раму после четырнадцати лет изгнания.

И вот Рама стал раджей Айодхьи. В годы его мудрого правления страна так процветала и народ был так доволен, что до сих пор, когда хотят похвалить какие-либо времена, то называют их «Царство Рамы».

Помните, мы рассказывали вам о племенах, ушедших на восток? Настала пора вспомнить о тех племенах, которые остались в Европе, в северной ее части. Могучие вожди правили ими. Много военных походов было на счету седых витязей. На маленьких парусных судах, с небольшой дружиной верных воинов-викингов смело отправлялись они в дальние странствия. Следы их найдены даже в Америке.

А на берегу воинов ждали жены и дети. Всматривались они в бурные волны холодного моря, не покажутся ли знакомые паруса. Когда же уставали ждать, когда тревога за мужей, братьев и отцов переполняла их сердца, шли они к гадалкам, старухам-прорицательницам. Темные стены их

жилищ увешаны были странными предметами: деревянными изображениями богов, пучками сухих трав, зубами диких зверей. Много тайн знали они. Разводили старухи огонь в очаге, заклинали духов и раскладывали руны (руны — это каменные или деревянные таблички с изображенными на них тайными знаками). Ничто не могло укрыться от вещего взора прорицательниц. И рассказывали они, кто вернется из похода с победой и богатой добычей, а кому лежать на дне морском или в далекой стране за студеным морем. Почитали и боялись люди этих старух, но не любили их. Уж очень мрачны были их хижины, пугали людей и ручные вороны, жившие вместе с гадалками.

Куда веселее было слушать скальдов, воинов-поэтов. Вместе с дружинами возвращались они на побитых бурей кораблях. А потом, чуть отдохнув и залечив раны, собирали слушателей и рассказывали удивительные истории о походах викингов и о великих богах. Сами скальды называли эти истории сагами. Ночи напролет могли слушать люди саги о сотворении мира, о мудром боге Одине, о могучем рыжебородом боге грома Тóре, о проделках

хитрого Лóки и о чудесной стране богов небесном Асгарде. Оживали в этих песнях-сагах герои ушедших времен, их великие дела и подвиги.

Создание мира

Сначала не было ничего: ни земли, ни неба, ни песка, ни холодных волн. Была лишь одна огромная черная бездна. К северу от нее лежало царство туманов, к югу — царство огня. Тихо, светло и жарко было в царстве огня, так жарко, что никто, кроме детей этой страны, огненных великанов, не мог там жить. В царстве туманов, напротив, господствовали вечный холод и мрак.

Но однажды в царстве туманов забил родник. Двенадцать мощных потоков взяли из него начало и стремительно потекли к югу, низвергаясь в бездну. Жестокий мороз царства туманов превращал воду в лед, но источник бил не переставая, ледяные глыбы росли и все ближе подвигались к царству огня. Наконец лед подошел так близко, что стал таять. Искры, вылетающие из царства огня, смешались с растаявшим льдом и вдохнули в него жизнь. И

тогда из бездны вдруг поднялась огромная фигура. Это был великан Имир — первое живое существо в мире.

В тот же день под левой рукой Имира появились мальчик и девочка, а у ног — шестиголовый великан Трúдгельмир. Так было положено начало роду великанов — Гримтурсенов, жестоких и коварных, как лед и пламя, их создавшие.

В одно время с великанами возникла из таявшего льда гигантская корова Аудумбла. Четыре молочные реки потекли из сосков ее вымени, давая пищу Имиру и его детям. Зеленых пастбищ еще не было, и Аудумбла паслась на льду, облизывая соленые ледяные глыбы. К концу первого дня на вершине одной из этих глыб появились волосы, на другой день — целая голова, к исходу же третьего дня из глыбы вышел могучий гигант Бури. Его потомками стали три бога — братья Один, Вíли и Ве.

Братьям-богам не нравился мир, в котором они жили, не пожелали они сносить и господство жестокого Имира. Они восстали против великана и убили его.

Имир был так огромен, что в крови, хлынувшей из его ран, утонули все остальные великаны, утонула и корова

Аудумбла. Лишь одному из внуков Имира удалось построить лодку, на которой он и спасся вместе со своей женой.

Теперь уже никто не мешал богам устраивать мир по своему желанию. Они сделали из тела Имира землю, в виде плоского круга, и поместили ее посреди огромного моря, которое образовалось из его крови. Землю боги называли «Митгард», что означает «средняя страна». Затем братья взяли череп Имира и сделали из него небесный свод, из его костей они сделали горы, из волос — деревья, из зубов — камни, из мозга — облака. Каждый из четырех углов небесного свода боги свернули в форме рога и в каждый рог поместили по ветру. Из искр, вылетающих из царства огня, боги сделали звезды и украсили ими небесный свод. Часть звезд они укрепили неподвижно, другие же, для того, чтобы узнавать время, разместили так, чтобы они двигались по кругу, обходя его за один год.

Сотворив мир, Один и его братья задумали его населить. Однажды на берегу моря они нашли два дерева: ясень и ольху. Боги срубили их и сделали из ясеня мужчину, а из ольхи — женщину. Затем один

из богов вдохнул в них жизнь, другой дал им разум, а третий — кровь и румяные щеки. Так появились первые люди. Не забыли боги и великанов. За морем, к востоку от Митгарда, они создали страну Йётунхейм и отдали ее великанам во владение.

Со временем богов стало больше: у старшего из братьев, Одина, родилось много детей, они построили для себя страну высоко над Землей и называли ее «Асгард», а себя — «Асы».

Эльфы и гномы

С того дня, когда на небе впервые зажглось солнце, жизнь на земле стала веселее и радостнее. Люди мирно трудились на своих полях, все были довольны, никто не хотел стать знатнее и богаче другого. В те времена боги часто покидали Асгард и странствовали по свету. Они научили людей копать землю и добывать из нее руду, а также сделали для них первую наковальню, первый молот и первые клещи, с помощью которых были потом изготовлены все остальные орудия и инструменты. Тог-

да не было ни войн, ни грабежей, ни воровства. В горах добывали много золота, но его не копили, а делали из него посуду и домашнюю утварь — вот почему этот век и назывался «золотым».

Как-то раз, копая землю в поисках железной руды, Один, Вили и Ве нашли в ней червей. Глядя на эти неуклюжие существа, боги невольно задумались.

— Что нам с ними делать, братья? — произнес наконец Ве. — Мы уже населили весь мир, и эти черви никому не нужны. Может быть, их надо просто уничтожить?

— Ты ошибаешься, — возразил Один. — Мы населили только поверхность земли, но забыли про ее недра. Давайте лучше сделаем из них маленьких человечков — гномов, или черных эльфов, и дадим им во власть подземное царство, которое будет называться Страной черных эльфов.

— А если им надоест там жить и они захотят подняться наверх, к свету и солнцу? — спросил Вили.

— Не бойся, брат, — ответил Один. — Я сделаю так, чтобы солнечные лучи превращали их в камень. Тогда им придется всегда жить только под землей.

— Я согласен с тобой, — сказал Ве. — Но мы забыли не только про земные недра, мы забыли и про воздух. Давайте превратим одних червей в черных эльфов, или гномов, как сказал Один, а других — в светлых эльфов и поселим их в воздухе между землей и Асгардом, в Стране светлых эльфов.

Черные эльфы, которых чаще называют гномами, вскоре стали искуснейшими мастерами. Никто лучше них не умеет обрабатывать драгоценные камни и металлы, и, как вы еще узнаете впоследствии, сами боги нередко обращаются к ним за помощью.

В то время как гномы работали в недрах земли, светлые эльфы трудились на ее поверхности. Они научились выращивать самые красивые и ароматные цветы и с тех пор каждый год покрывают ими землю, чтобы она была еще прекраснее.

Норны

Беззаботно и счастливо жили люди в золотом веке, но недолго он продолжался. Однажды с востока, из страны великанов,

в Митгард пришли три женщины. Одна из них была стара и дряхла и звалась Урд — Прошедшее, другая была средних лет и ее звали Верданди — Настоящее, третья же была совсем юна и носила имя Скульд — Будущее. Эти три женщины были вещие норны, волшебницы, наделенные чудесным даром определять судьбы мира, людей и даже богов.

— Скоро, очень скоро жажда золота и наживы проникнет в сердца людей, и тогда золотой век окончится, — сказала старшая норна.

— Люди будут убивать и обманывать друг друга ради золота. Многих славных героев ослепит оно своим блеском, и они погибнут в борьбе за него, — произнесла средняя норна.

— Да, все будет так, как вы сказали, — подтвердила младшая норна. — Но придет время, когда золото потеряет власть над людьми, и тогда они снова будут счастливы, — добавила она.

— Жажда золота овладеет не только людьми, но и богами, и они тоже будут проливать кровь и нарушать клятвы, — вновь заговорила старшая.

— Великаны начнут войну с богами. Эта война будет продолжаться много лет и закончится гибелью и богов, и великанов, — сказала средняя.

— Да, будет так, как вы сказали, но не все боги погибнут. Их дети и те из них, кто не повинен в убийствах и клятвопреступлениях, останутся в живых и будут править новым миром, который возникнет после гибели старого, — возразила младшая.

И вот все в мире стало происходить так, как predeterminedили норны. Постепенно в сердца людей закралась жажда наживы. Многие из них оставили мирный труд и сменили сохи и лопаты на мечи и копья, чтобы воевать друг с другом, а вместе с войнами на землю пришли нужда и преступления. Солнце на небе продолжало светить по-прежнему, но никто уже под ним не был так счастлив, как прежде. Сбылось и другое предсказание норн: между богами и великанами началась жестокая борьба, которая продолжается и по сей день. Бессильные достигнуть Асгарда и победить Асов, Гримтурсены — так, если вы помните, называют себя великаны — обрушили весь свой гнев на людей. Великаны посылают на землю мороз и засуху,

бури и град, а порой сбрасывают с гор огромные лавины, под которыми исчезают целые селения. Чтобы защитить Митгард, боги окружили его высоким кольцом гор, которые они сделали из бровей Имира, но великанам часто удается перебраться через них, и горе тому, кто попадется им на пути. Желая погубить мир, Гримтурсены натравили на луну и солнце двух огромных волков: Скэля и Гэти. С тех пор Скэль гоняется за солнцем, а Гэти — за луной, и те вынуждены убегать от них до тех пор, пока не скроются за горами. Лишь одного из Асов боятся великаны, и этот Ас — бог грома Тор. Но теперь нам пора уже рассказать вам об Асгарде и об Асах.

Асгард и Асы

Высоко-высоко над облаками, так высоко, что ни один даже самый зоркий человеческий глаз не может ее увидеть, лежит прекрасная страна богов Асгард. Тонкий, но прочный мост — люди называют его радугой — соединяет Асгард с землей, но плохо придется тому, кто осмелится пойти

по нему. Красная полоса, которая тянется вдоль радуги, — это вечное, никогда не потухающее пламя. Безвредное для богов, оно сожжет любого смертного, который осмелится к нему прикоснуться.

Посреди Асгарда высится исполинский ясень Игдразиль. Ветви его раскинулись над всем миром, а корни лежат в трех странах. Из-под корней бьют чудесные источники. Первый находится в царстве огня — о нем вы уже слышали, второй течет в Йотунхейме. Это источник мудрости. Грозный великан Мймир, самый могучий из всех великанов, зорко стережет его воды и никому не дает из него напиться. Третий источник, Урд, бьет в Митгарде. Он так прозрачен и чист, что каждый, кто искупается в нем, становится белым, как снег. По вечерам над Урдом густым туманом подымается медовая роса. Она окропляет все цветы на земле, а потом ее собирают пчелы и делают из нее мед. У источника Урд поселились вещие норны. Здесь стоит их дворец, в котором они определяют судьбы людей с первого дня их жизни и до самой смерти.

На вершине ясеня Игдразиля сидит исполинский орел, а по его ветвям прыгает туда-сюда проказница белка Рóтатёск. На самом высоком месте Асгарда стоит трон владыки мира и старейшего из богов — Одина. Отсюда он видит все, что делается и в Асгарде, и в Митгарде, и даже в далеком Йотунхейме.

Один — отец Асов и мудрейший среди них. Когда-то, еще в молодости, он пришел к великану Мимиру и попросил у него разрешения напиться из его источника.

— Ничего не дается даром, а особенно ум, — отвечал великан. — Скажи, что я получу взамен?

— Все, что хочешь, — сказал Один. — Мне ничего не жаль, потому что мудрость дороже всего.

— Тогда отдай мне свой правый глаз, — потребовал Мимир.

Один призадумался, но потом ответил:

— Хорошо, Мимир, я согласен. Умный и одним глазом видит больше, чем глупый двумя.

С тех пор у Одина остался один левый глаз, но зато он испил воды из источника мудрости и для него нет больше тайн ни в настоящем, ни в прошедшем, ни в будущем.

На плечах у владыки мира сидят два ворона: Гúгин и Мúмин, а у ног лежат волки Гéри и Фрэки. Гугин и Мумин каждый день облетают землю, а Гери и Фреки каждую ночь обегают ее и рассказывают хозяину обо всем, что увидели и слышали.

На голове у Одина — крылатый золотой шлем, в правой руке он держит копье Гúнгнир, которое никогда не пролетает мимо цели, поражая насмерть всякого, в кого попадает. Конь отца богов, восьминогий серый жеребец Слэйпнир, может скакать не только по земле, но и по воздуху. Владыка мира часто объезжает на нем землю или, невидимый для людей, принимает участие в сражениях, помогая одержать победу достойнейшим.

Один любит ходить и пешком. Под видом бедного странника, в старой широкополой шляпе и таком же старом синем плаще, он бродит по свету, и плохо бывает тому, кто, забыв законы гостеприимства, оттолкнет его от своего порога.

Дворец Одина Вáлгалла — самый большой и красивый в Асгарде. В его просторных залах живут храбрые воины, павшие в битве с врагом. Здесь они едят мясо огромного вепря, которого каждый день ре-

жут и варят и который на следующее утро вновь оживает, и пьют крепкое, как старый мед, молоко козы Гéйдрун — она пасется у вершины ясеня Игдразиля, обгладывая его ветви и листья.

Только старейший из Асов, Один, не нуждается в пище: он никогда не ест, а живет лишь тем, что пьет мед или брагу.

Кроме Одина, в Асгарде живут еще двенадцать богов-Асов.

Первым из них по праву считается старший сын Одина, бог грома Тор — могучий рыжебородый богатырь. Он не так мудр, как его отец, но зато во всем мире нет никого равного ему по силе, как нет на земле человека, который бы смог перечислить все его подвиги. Тор — сын богини Земли. Он покровительствует крестьянам-хлебопашцам и зорко охраняет их дома и поля от нападений злобных великанов Гримтурсенов. Недаром люди говорят, что, если бы не было Тора, великаны уничтожили бы весь мир.

Бог грома велик и тяжел, и его не может выдержать ни одна лошадь, поэтому он или ходит пешком, или ездит по небу в своей окованной железом колеснице, запряженной двумя козлами. Они быстрее

ветра, быстрее даже восьминогого жеребца Одина мчат своего хозяина через моря, леса и горы.

У Тора есть волшебный пояс, который в два раза увеличивает его силу, на руках у него толстые железные рукавицы, а вместо копья, меча или лука он носит тяжелый железный молот Мйольнир, разбивающий вдребезги самые крепкие скалы.

Тор редко бывает в Асгарде: он дни и ночи сражается на востоке с великанами. Но когда Асам угрожает опасность, им стоит только произнести вслух его имя, и бог грома сейчас же является на помощь.

Младшего брата Тора зовут Бальдр. Он так красив и чист душой, что от него исходит сияние. Бальдр — бог весны и самый добрый среди Асов. С его приходом на земле пробуждается жизнь.

Бог войны Тир — третий из Асов после Одина и храбрейший среди них. У него одна левая рука, но это не мешает Тиру быть искусным воином и принимать участие в сражениях.

Хеймдалль — его называют также «Мудрый Ас» — верный страж радужного моста. Он видит и днем и ночью на расстоянии ста миль и слышит, как растет трава

в поле и шерсть на овцах. Мудрый Ас спит меньше, чем птицы, и сон его так же чуток, как у них. Его зубы из чистого золота, у его пояса висит золотой рог, звуки которого слышны во всех странах мира.

Браги — бог поэтов и скальдов. Никто не умеет так хорошо слагать стихи и песни, как он, и всякий, кто хочет стать поэтом, должен просить его покровительства.

Бог огня Локи — не Ас. Он происходит из рода великанов, но Асы уже давно разрешили ему жить с ними в Асгарде благодаря его необыкновенному уму и хитрости. Локи высок, смел и красив, но он же — зол и коварен. Своими проделками и шалостями он часто подвергал Асов большим опасностям, из которых потом сам и выручал их с помощью своей изворотливости и сообразительности.

Над живущими в Асгарде богинями по праву царствует жена Одина, богиня Фригг. Она столь же мудра, как и владыка мира, но никогда не говорит о том, что знает. Подобно мужу, Фригг часто спускается на землю и, переодетая, бродит среди людей, внимая их горестям и заботам.

Богиня любви Фрейя — первая в Асгарде после Фригг. Равных ей по красоте не

было и нет во всем мире ни среди богов, ни среди людей, а ее сердце так мягко и нежно, что сочувствует страданию каждого. У Фрейи есть волшебное соколиное оперение, надев которое она часто летает над облаками, и чудесное золотое ожерелье, а когда она плачет, из глаз ее каплют золотые слезы.

Жена Браги, нежная и кроткая Идун, — богиня вечной юности. Она скромна и тиха, но без нее Асов уже давно не было бы в живых. У Идун есть корзина с яблоками вечной молодости, которыми она угощает богов. Эта корзина волшебная; она никогда не пустеет, так как взамен каждого вынутого яблока в ней сейчас же появляется новое.

Кроме богов и богинь, в Асгарде живут прекрасные девы-воительницы — валькирии. Их предводительница — богиня Фрейя. Валькирии невидимо принимают участие в каждой битве, даруя победу тому, кому ее присуждают боги, а потом уносят павших воинов в Валгаллу и там прислуживают им за столом.

Так устроен Асгард и таковы его жители. А теперь, когда вы знаете всех Асов, послушайте рассказы об их замечательных

делах. О том, что случилось с богами раньше, о том, что с ними будет в последний день мира. О подвигах могучего Тора, о проделках коварного бога огня и о его страшных детях.

Дети Локи

Однажды, это было еще до того, как великаны начали войну с Асами, бог огня Локи, странствуя по свету, забрел в Йотунхейм и прожил там три года у великанши Ангрбоды. За это время она родила ему трех детей: девочку Хель, змею Йормундгад и волчонка Фенриса. Вернувшись обратно в Асгард, Локи никому не рассказывал о своем пребывании в стране великанов, но всеведущий Один скоро узнал о детях Локи и отправился к источнику Урд, чтобы спросить об их судьбе у вещей норн.

— Смотрите, смотрите, сам мудрый отец богов пришел к нам! Но он услышит от нас недобрые вести, — едва увидев его, сказала старая норна.

— Он пришел услышать от нас то, что надолго лишит его покоя, — добавила средняя норна.

— Да, он пришел услышать от нас о детях Локи и великанши Ангрбоды, — подтвердила младшая из норн.

— Если вы знаете, зачем я к вам пришел, так ответьте мне на тот вопрос, который я хотел вам задать, — сказал Один.

— Да, мы ответим тебе, — вновь заговорила Урд. — Но лучше бы тебе не слышать ответа. Знай, что те, о ком ты хотел спросить, принесут богам много несчастий.

— Двое из них принесут смерть тебе и твоему старшему сыну, а третья будет царствовать после вас, и ее царство будет царством тьмы и смерти, — добавила Верданди.

— Да, волк убьет тебя, а змея — Тора, но и они сами погибнут, а царство третьей будет недолгим: жизнь одержит победу над смертью, а свет — над тьмой, — сказала Скульд.

Печальный и озабоченный возвратился владыка мира в Асгард. Здесь он созвал всех богов и поведал им о предсказании норн, а Тора послал за детьми Локи. С тревогой выслушали Асы слова Одина, но еще

больше испугались они, когда бог грома привез с собой на своей колеснице Хель, Йормундгад и Фенриса.

Еще совсем юная Хель была уже на две головы выше своей исполинской матери. Левая половина ее лица и туловища была красной, как сырое мясо, а правая — иссиня-черной, как беззвездное небо страны вечной ночи. Змея Йормундгад, вторая дочь Ангрбоды, еще не успела вырасти — в ней было не более пятидесяти шагов, — однако из ее пасти уже сочился смертельный яд, а холодные светло-зеленые глаза сверкали беспощадной злобой. По сравнению с обеими сестрами их младший брат, волчонок Фенрис, казался совсем безобидным. Ростом с обычного взрослого волка, веселый и ласковый, он понравился богам, которые не нашли в нем ничего опасного для себя.

Один, сидя на троне, внимательно оглядел всех троих.

— Слушай меня, Хель, — произнес он. — Ты так велика и сильна, что мы решили сделать тебя повелительницей целой страны. Эта страна лежит глубоко под землей. Ее населяют души умерших, тех, кто недостойн жить с нами в Валгал-

ле. Ступай туда и никогда больше не появляйся на поверхности земли.

— Я согласна, — сказала Хель, наклоняя голову.

— Ты, Йормундгад, — продолжал Один, — будешь жить на дне мирового океана. Там для тебя найдется довольно места и пищи.

— Я согласссс-на, — прошипела Йормундгад, сворачиваясь кольцом и глядя на богов жестким немигающим взглядом.

— А ты, Фенрис, — промолвил Один, обращаясь к волчонку, — будешь жить у нас в Асгарде, и мы воспитаем тебя сами.

Фенрис ничего не ответил: он был так мал и глуп, что еще не умел говорить.

В тот же день Хель отправилась в царство мертвых, где и живет до сих пор, повелевая душами умерших и зорко следя за тем, чтобы ни одна из них не вырвалась на свободу.

Змея Йормундгад опустилась на дно мирового океана. Там она все росла и росла, так что наконец опоясала кольцом всю землю и положила голову на собственный хвост. С этого дня ее перестали называть Йормундгад, а прозвали змея Митгард, что означает «Мировая змея».

Фенрис целый год жил в Асгарде, но и он с каждым часом становился все больше и вскоре из игривого волчонка превратился в такое чудовище, что уже никто из богов, кроме Тира, который его кормил, не решился подойти к нему близко.

Тогда Асы решили привязать Фенриса и больше месяца трудились, пока не сковали цепь, которая, как они думали, сможет его удержать. Эта цепь называлась Лёдинг и была самой толстой на свете. Боги принесли ее волчонку и сказали:

— Ты уже вырос, Фенрис. Пора тебе испытать свои силы. Попробуй разорвать цепь, которую мы сделали, и тогда ты будешь достоин жить с нами в Асгарде.

Фенрис внимательно звено за звеном осмотрел Лединг и ответил:

— Хорошо, наденьте мне ее на шею.

Довольные Асы сейчас же исполнили его желание и надели на него цепь.

— А теперь отойдите подальше, — сказал волчонок.

С этими словами он приподнялся, встряхнул головой, и Лединг со звоном разлетелся на куски.

— Вот видите, я достоин жить среди вас, — гордо заявил Фенрис, снова ложась на свое место.

— Да, да, Фенрис, ты достоин жить среди нас, — переглянувшись, отвечали испуганные Асы и поспешили уйти, чтобы начать делать новую цепь.

На этот раз они работали целых три месяца, и выкованная ими цепь, Дрómми, оказалась в три раза толще Лединга.

— Ну, уж ее-то Фенрису не разорвать, — говорили они друг другу, весело неся цепь волчонку.

Однако, когда он встал, чтобы их приветствовать, и они заметили, что его спина уже возвышается над гребнем крыши Валгаллы, веселость богов сразу прошла.

Увидев Дромми, Фенрис оглядел ее так же внимательно, как перед этим Лединг.

— Ваша новая цепь намного толще старой, — сказал он, — но и мои силы прибавились, и я с удовольствием их испробую.

И он подставил богам шею. Асы надели на нее цепь, и едва волчонок повернул голову, как цепь лопнула и упала на землю.

В ужасе боги снова собрались на совет.

— Нам незачем делать третью цепь, — говорили они, — все равно, пока мы ее скуем, Фенрис вырастет еще больше и разорвет ее так же, как и две первых.

— Хорошо, тогда обратимся за помощью к гномам, — сказал Один. — Может быть, им удастся то, что не удалось нам.

И, вызвав к себе гонца, он послал его в Страну гномов.

Услышав просьбу отца богов, гномы долго спорили, не зная, из какого металла ковать цепь, но наконец старейший из них сказал:

— Мы сделаем ее не из металла, а из корней гор, шума кошачьих шагов, бород женщин, слюны птиц, голоса рыб и сухожилий медведей, и я думаю, что такую цепь не разорвет даже Фенрис.

Так и случилось, что спустя еще два месяца гонец принес богам цепь Глэйпнир, сделанную по совету старейшего из гномов. А кошачьи шаги стали с тех пор бесшумными, у женщин нет бород, у гор — корней, у птиц — слюны, у медведей — сухожилий, а у рыб — голоса.

Когда Асы впервые увидели Глейпнир, они были очень удивлены. Эта цепь была

не толще руки и мягка, как шелк, однако чем сильнее ее растягивали, тем прочнее она становилась. Теперь оставалось только надеть ее на Фенриса, но боги решили отвести его сначала на остров Лйнгви, лежащий в мировом море, где бы волчонок не мог причинить вреда ни им, ни людям.

— Ты должен подвергнуться последнему и самому важному испытанию, Фенрис, — объявили они младшему из детей Локи. — Если ты его выдержишь, твоя слава разнесется далеко по всему свету, но для этого ты должен последовать за нами туда, куда мы тебя отведем.

— Я готов, — согласился Фенрис.

Однако, когда Асы привели его на остров Лйнгви и хотели было накинуть на него Глейпнир, волчонок оскалил зубы.

— Эта цепь так тонка, — заявил он, — что, если она не волшебная, разорвать ее ничего не стоит, а если она волшебная, то я могу и не разорвать ее, несмотря на всю мою силу. Значит, я или не добуду никакой славы, или стану вашим пленником.

— Ты ошибаешься, Фенрис, — возразил Один. — Если ты не разорвешь нашей цепи, значит, ты настолько слаб, что нам

нечего тебя бояться и мы тут же дадим тебе свободу, если же ты ее разорвешь, то ты и так ничего не потеряешь.

— Мудреные вещи ты говоришь, — усмехнулся волчонок. — Хорошо, я позволю вам подвергнуть себя и этому испытанию, только пускай кто-нибудь из вас вместо залога положит мне в пасть свою правую руку.

Асы невольно опустили головы, и только один Тир бесстрашно выступил вперед.

— Я согласен, — сказал он и сунул свою руку в пасть Фенрису.

Тот осторожно сжал ее своими острыми зубами.

— А теперь наденьте на меня цепь, — произнес он глухо.

Облегченно вздохнув, но со страхом глядя на Тира, боги накинули на шею волчонку Глейпнир, другой конец которого уже заранее прочно прикрепили к огромной скале. Фенрис потряс головой, потом потянул все сильнее и сильнее, но чудесная цепь не разрывалась.

— Нет, — прохрипел наконец полузадушенный волчонок, — я не могу ее разорвать, освободите меня!

Асы не двинулись с места.

— Ах так, значит, вы меня обманули! — бешено зарычал Фенрис.

Одним движением челюстей он откусил руку Тира и, скрежеща зубами, бросился на остальных Асов. Навстречу ему выступил Хеймдалль и воткнул в его пасть меч с двумя клинками. Концы этих клинков вонзились в верхнюю и нижнюю челюсти волчонка, и тот, не в силах их закрыть, завыл от боли и злобы.

Пока один из богов перевязывал руку Тира, другие, во главе с Одином, взяли скалу, к которой был привязан Фенрис, и опустили ее вместе с ним глубоко под землю, где этот страшный волк живет и поныне, продолжая расти и набираться сил и поджидая той минуты, когда исполнится предсказание норн.

Так Асам удалось на долгое время избавиться от страшных детей бога огня.

Волосы Сиф

Жена Тора, богиня плодородия Сиф, уступает по красоте лишь одной Фрейе и славится на весь мир своими замечательными волосами. А вот как она их получила:

Когда-то в старину у Сиф были длинные белокурые волосы, которыми она очень гордилась, но однажды Локи из зависти к Тору прокрался к спящей богине ночью и остриг ее наголо. Коварный бог еще не успел далеко уйти, как Сиф проснулась и, заметив пропажу волос, с громким плачем стала призывать Тора. Примчавшись на зов и увидев остриженную голову жены, бог грома долго не мог придти в себя от удивления, но потом понял, в чем дело, и тогда его удивление сменилось яростью. Тору нетрудно было догадаться, кто сыграл с Сиф такую злую шутку, и он тут же бросился разыскивать Локи.

Очень довольный своей проделкой, бог огня спокойно сидел под деревом, с интересом глядя на забавные прыжки белки Ротатёск, когда перед ним неожиданно появилась могучая фигура сильнейшего из Асов.

Густые, жесткие волосы Тора стояли дыбом, глаза налились кровью, и даже его рыжая борода и та тряслась от бешенства.

— Готовься к смерти, Локи, — прогремел он, — потому что сейчас я переломаю тебе все кости!

— Пощади меня, Тор, — пролепетал не на шутку испуганный бог огня. — Пощади меня, и я исправлю свою вину.

— Ты лжешь, обманщик! Как сможешь ты вернуть Сиф ее волосы? — возразил Тор.

— Я сейчас же отправлюсь к гномам, Тор, — ответил Локи. — Ты знаешь, какие прекрасные вещи они делают. Они сумеют изготовить и волосы, и притом из чистого золота. Клянусь тебе!

Тор знал, что даже такой отъявленный лгун, как Локи, и тот не осмелится нарушить клятву, а потому сдержал гнев и отпустил хитреца.

Довольный тем, что так дешево отделался, Локи, не медля ни минуты, стрелой помчался в страну гномов.

Среди этих подземных жителей было немало замечательных мастеров, но особенно славились среди них своим искусством братья Ивальди. К ним-то и направился Локи. Услышав его просьбу, братья гномы очень обрадовались. Им уже давно хотелось показать богам свое необыкновенное искусство, и они сейчас же принялись за работу. Не прошло и часа, как волосы для Сиф были готовы. Длинные и гу-

стые, они были тоньше паутины, и, что удивительнее всего, стоило их приложить к голове, как они сейчас же к ней прирастали и начинали расти, как настоящие, хотя и были сделаны из чистого золота.

Облегченно вздохнув, бог огня встал и уже хотел отнести их Тору, но его остановил один из братьев.

— Подожди немного, — сказал он, — мы еще не кончили работу.

Локи послушался и остался, а гномы вновь проворно застучали своими небольшими молоточками и вскоре изготовили длинное, покрытое чудесной резьбой копье и корабль. Копье обладало волшебным свойством без промаха поражать любую цель, пробивая самые толстые и прочные щиты и панцири и разбивая на куски самые закаленные мечи. Еще замечательнее был корабль. В какую бы сторону он ни плыл, для него всегда дул попутный ветер. Он был самым большим кораблем в мире, но в то же время мог складываться так, как если бы был сделан из обыкновенного холста, и становиться таким маленьким, что его можно было заткнуть за пояс или положить за пазуху.

Взяв корабль, копье и волосы, старший из братьев Ивальди передал все это Локи и сказал:

— Эти изделия — наши подарки богам. Отнеси их в Асгард и отдай: копье — Одину, корабль — Фрейру, а волосы — Тору.

Локи поблагодарил братьев, взял подарки и весело отправился в обратный путь. Он уже почти дошел до границ подземного царства, как вдруг увидел в одной из пещер гнома Брока и его брата Сіндри, и ему захотелось их подразнить.

— Эй вы, горе-мастера! — закричал он. — Посмотрите-ка сюда, на эти прекрасные вещи, и поучитесь, как надо работать.

Гном Синдри был искусным мастером. Он внимательно осмотрел волосы, корабль и копье, а потом сказал:

— Спору нет, они сделаны прекрасно, но я могу смастерить и кое-что получше.

— Ты просто жалкий хвастун! — воскликнул Локи. — Чего стоит все твоё искусство по сравнению с искусством братьев Ивальди! Я готов биться об заклад и ставлю свою голову против твоей, что тебе никогда не удастся сделать что-нибудь лучше этих волос, корабля и копья.

— Ладно, — спокойно отвечал Синдри, — поспорим на наши головы; и предупреждаю тебя, что свою ты потеряешь, потому что я отрежу ее без жалости. А теперь подожди немного и увидишь, хвастун ли я.

С этими словами Синдри вошел в пещеру, где находилась его мастерская, положил в горящий горн кусок золота и приказал брату не переставая раздувать огонь кузнечными мехами.

— Помни, что, если ты хотя бы на мгновение прервешь работу, все будет испорчено, — сказал он Броку и вышел из мастерской.

Между тем Локи уже начал раскаиваться в том, что так легкомысленно заложил свою голову, и решил во что бы то ни стало помешать Синдри выиграть спор. Он превратился в муху и, усевшись на лицо Броку, стал изо всех сил его щекотать. Брок морщился, тряс головой, но работы не бросал. Вскоре в мастерскую вошел Синдри, и Локи поспешил принять свой обычный вид.

— Готово, — сказал Синдри. Он подошел к горну и вынул из него золотое кольцо, красивее которого Локи еще

не видел. Это кольцо Драупнир, — продолжал Синдри. — Тому, кто наденет его на палец, оно каждый девятый день будет приносить еще восемь точно таких же колец.

— Сделано неплохо, — сказал Локи, — но корабль и копье братьев Ивальди сделаны еще лучше.

Синдри ничего не ответил. Он положил в горн старую свиную кожу и, повторив наказ брату ни в коем случае не прекращать работы, снова вышел. Локи опять превратился в муху и с еще большей силой принялся кусать и щекотать лоб, щеки и шею Брока. Тот обливался потом и еле-еле удерживался, чтобы не поднять руку и не прогнать назойливую муху. Наконец, когда его терпение уже почти истощилось, в мастерскую вошел Синдри, и навстречу ему из горна выскочил огромный вепрь с шерстью из чистого золота.

— Этот вепрь быстр, как восьминогий жеребец Одина, — сказал гном. — Он может нести своего седока через леса, моря и горы так же легко и свободно, как и по гладкой дороге.

— Вепрь хорош, — сказал Локи, — но копье все-таки лучше.

Синдри и на этот раз ничего не ответил. Он положил в горн большой кусок железа и, попросив брата быть особенно внимательным, опять оставил его одного. Чувствуя, что его голова в опасности, Локи под видом мухи еще яростнее накинулся на Брока. Он уселся ему прямо на глаз и стал его безжалостно кусать. Брок взвыл от боли. Не в силах далее сдерживаться, он бросил работу и схватился за глаз рукой, но в эту самую минуту в дверях показался Синдри. Он быстро направился к горну и вынул из него тяжелый железный молот.

— Это молот Мйольнир, — сказал гном, обращаясь к Локи, который уже как ни в чем не бывало стоял в углу мастерской. — Во всем мире нет ничего, что могло бы выдержать его удар, а поразив цель, он сам возвращается в руки своего хозяина. Скажи-ка теперь, какое из изделий братьев Ивальди может с ним сравниться?

— Пойдем лучше к богам, — отвечал смущенный Локи, — и пусть они решат, кто из нас выиграл спор.

Синдри охотно согласился. Он взял молот, кольцо и вепря, а Локи — волосы, копье и корабль, и оба тронулись в путь.

Через несколько часов они пришли к источнику Урд, около которого боги вершили свой суд, и увидели здесь Одина, Фрейра и Тора, сидевших на вершине одного из холмов. Локи выступил вперед и передал: Одину — копье, Фрейру — корабль, а Тору — золотые волосы для Сиф. Затем к богам подошел Синдри. Он рассказал о своем споре с Локи и вручил Одину кольцо Драупнир, Фрейру — волшебного вепря, а Тору — молот Мйольнир. Боги совещались недолго. Они единодушно признали Мйольнир лучшим оружием против великанов, а поэтому и лучшим из изделий гномов и таким образом решили спор в пользу Синдри.

— Ну, Локи, — сказал довольный гном, — прощайся со своей головой, потому что сейчас я ее отрежу.

— Прежде чем отрезать мне голову, меня нужно поймать, — насмешливо отвечал Локи. — А для этого нужно бегать быстрее меня.

С этими словами он надел свои крылатые сандалии и как вихрь умчался прочь.

— Это нечестно! — закричал Синдри. — Поймай его, Тор. Он проиграл мне свою голову и должен ее отдать.

Правда была на стороне Синдри, и Тор немедленно бросился в погоню. Ему не трудно было поймать беглеца: как ни быстро мчался бог огня, Тор бежал еще скорее, и не прошло и получаса, как он вернулся назад, таща за собой упирающегося Локи.

— Теперь ты от меня не уйдешь! — радостно воскликнул Синдри, подбегая к беглецу с ножом в руке.

— Стой! — закричал Локи. — Стой! Я проиграл тебе только голову, а не шею. Шея моя, и ты не имеешь права ее трогать.

Синдри остановился и задумался. Наконец он сказал:

— Ты очень хитер и сумел спасти свою голову, потому что отрезать ее, не тронув шеи, я не могу, но ты все же не уйдешь безнаказанным. Сейчас я зашью тебе твой лживый рот, чтобы ты уже никогда больше не мог хвастаться.

С этими словами Синдри достал из кармана шило, проткнул в нескольких местах губы Локи и крепко сшил их ремнями. Увы! Не успел он еще скрыться из глаз, как Локи уже освободился от ремней, стя-

гивавших его рот, и принялся болтать и хвастаться по-прежнему.

Боги не сердились на него за это. Как-никак, а ведь только благодаря его болтовне Один получил свое замечательное кольцо, Фрейр — не менее замечательного вепря, а Тор — молот, сделавший его грозой всех великанов.

Не сердилась на Локи и Сиф. Да это и понятно: разве не его проделке была она обязана тем, что теперь у нее были самые прекрасные волосы в мире.

Похищение Идун

Однажды Один, Локи и бог морей Нйодр отправились странствовать пешком по свету и забрели в дикие, пустынные горы, где за несколько дней пути не встретили ни человека, ни зверя. Владыка мира не нуждался в пище и продолжал неумоимо идти вперед, но зато его спутники еле держались на ногах от голода и усталости. Лишь на пятый день богам попало стадо диких быков, и Один заколол одного из них своим копьем. Обрадованные Асы поспешили разве-

сти костер и, содрав с убитого быка шкуру, стали его поджаривать. Прошел час, другой, третий, четвертый; Локи и Нйодр неустанно подбрасывали в огонь все новые и новые охапки хвороста, но мясо быка оставалось по-прежнему сырым, как будто его и не жарили. Внезапно над головами богов раздался громкий смех. Они посмотрели вверх и увидели высоко в воздухе огромного черного орла, который кружился над их костром.

— Почему ты смеешься? — спросил его Один. — Уж не ты ли это с помощью какого-нибудь колдовства мешаешь нам приготовить обед?

— Ты угадал, Один, — отвечал орел человеческим голосом. — Вам не удастся зажарить этого быка, пока вы не пообещаете поделиться со мной его мясом.

— Хорошо, ты получишь четверть быка, — сказал Один.

— Да, мы дадим тебе четверть быка, — подтвердили Локи и Нйодр.

Не успели они это сказать, как мясо тут же, на их глазах, стало поджариваться и вскоре было совсем готово.

Боги погасили костер, сняли с него тушу быка и, разрезав ее на части, предло-

жили орлу взять его долю. Тот не заставил себя просить и, слетев вниз, стал проворно глотать самые лучшие и жирные куски.

Увидев это, Локи в гневе схватил толстую палку и хотел ударить дерзкую птицу, но она увернулась и ловко поймала ее своими острыми, крепкими когтями. В тот же миг другой конец палки словно прилип к рукам Локи и, пока он пытался их оторвать, орел взлетел к облакам, увлекая за собой бога огня.

— Стой, стой, куда ты? — кричал испуганный Локи. — Сейчас же спускайся вниз, прошу тебя!

Орел как будто послушался и полетел над самой землей, волоча бога огня по камням и кустарникам.

— Ой, что ты делаешь? — еще громче закричал Локи. — Остановись, или у меня оторвутся руки!

— Раньше поклянись, что ты исполнишь любое мое желание, — отвечал орел, продолжая быстро лететь вперед.

— Клянусь, что исполню! — простонал бог огня. — Только остановись!

— Хорошо, — рассмеялся орел.

Он выпустил из когтей палку, и Локи тяжело рухнул на землю.

— Ну, а теперь послушай, чего я от тебя хочу, — сказал орел, садясь на соседнее дерево. — Ты сейчас же пойдешь в Асгард и приведешь сюда богиню Идун вместе с ее яблоками. Да смотри торопись, чтобы вернуться до захода солнца.

— Но кто же ты? — спросил Локи, вставая на ноги и отбрасывая в сторону палку, которую продолжал сжимать в руках.

— Я великан Тиаци — грозный повелитель зимних бурь, — гордо произнес орел. — Об этом ты мог бы догадаться, когда вы напрасно старались зажарить быка, которого я остужал своим ледяным дыханием, или когда эта палка примерзла к твоим рукам. Мои собраты — Гримтурсены — глупы: они пытаются победить богов в открытом бою. Я же решил лишить вас вечной юности. Тогда вы сами скоро одряхлеете и потеряете свою силу, и мы будем властвовать над всем миром. Ступай же, Локи, и приведи ко мне Идун.

Опустив голову, бог огня печально побрел в Асгард. Он боялся, что Асы жестоко отомстят ему за похищение жены Браги и яблок вечной молодости, но не мог нарушить данную клятву.

Идти ему пришлось недолго: Тиаци подтащил его почти к самому Асгарду. Поднявшись по радужному мосту, Локи поспешил во дворец бога поэтов, где жила Идун.

— Ты, наверное, пришел ко мне за яблоками, Локи? — спросила она, радушно выходя ему навстречу. — Вот они, бери какое хочешь.

— Нет, Идун, — отвечал хитрый бог. — В одном лесу, на земле, я видел яблоню, на которой растут яблоки еще лучше твоих. Вот я и пришел рассказать тебе об этом.

— Ты ошибаешься, Локи, — удивилась богиня. — Лучших яблок, чем у меня, нет во всем мире.

— Если ты мне не веришь, пойдем со мной, и я отведу тебя к ним, — сказал бог огня. — Да захвати с собой и свои яблоки, чтобы ты смогла сравнить, какие лучше.

Не подозревая обмана, Идун сейчас же взяла корзину с яблоками вечной молодости и пошла за Локи, который привел ее прямо в лес, где их поджидал Тиаци. Едва лишь юная богиня дошла до опушки, как грозный орел налетел на нее и унес вместе с корзиной в свой далекий северный замок.

Бог огня оставался в лесу до тех пор, пока не увидел в отдалении возвращающихся в Асгард Одина и Нйодра. Он пошел им навстречу и рассказал длинную историю о том, как орел унес его далеко в горы, откуда он только что вернулся. Однако, как ни хитрил Локи, его проделка недолго оставалась в тайне. Зоркий Хеймдалль, страж радужного моста, видел, как он вышел из Асгарда вместе с Идун, и бог огня был вынужден признаться Асам, что это он помог Тиацци ее похитить.

— Ты заслуживаешь смерти! — воскликнул Браги, выслушав его рассказ. — Ты вдвойне заслуживаешь смерти, потому что не только предал великану мою жену, но и лишил нас всех ее яблок, без которых мы все погибнем. Ты заслужил смерть, и я убью тебя, Локи!

— Поймай, — остановил его Один. — Смерть Локи нам не поможет. Пусть лучше он загладит свою вину и возвратит Идун. Он ведь так хитер, что сможет это сделать лучше любого из нас.

— Я и сам уже давно бы это сделал, — возразил Локи, — если бы знал, как добраться до замка Тиацци. Ведь у меня нет такой колесницы, как у Тора.

— Послушай, Локи, — сказала богиня любви Фрейя, до этого молча сидевшая на своем месте, — ты знаешь, что у меня есть волшебное соколиное оперенье, надев которое я летаю быстрее ветра. Я могу одолжить его тебе на время. Только верни нам поскорее нашу Идун.

Локи с радостью выслушал слова богини любви и на другой день утром, превратившись в огромного сокола, полетел на север.

Блестящий ледяной замок властелина северных бурь стоял на самом берегу царства туманов, меж двух высоких, покрытых вечным снегом гор. Подлетая к нему, Локи увидел в море Тиацци и его дочь Скáди. Они сидели в лодке и удили рыбу и даже не заметили стремительно пронесшегося над их головами бога огня. Торопясь унести Идун прежде, чем великан вернется домой, Локи влетел прямо в открытое окно замка. Около него, печально глядя на запад, в сторону Асгарда, сидела богиня вечной юности и, держа на коленях корзину со своими яблоками, тихо плакала.

— Скорей, Идун! — крикнул Локи богине, которая, не узнав его, испуганно

вскочила. — Мы должны бежать, пока Тиаци ловит рыбу. Собирайся в путь.

— Ах, это ты, Локи! — воскликнула обрадованная Идун. — Но как же ты унесешь и меня и мою корзину?

— Ты держи ее, а я буду держать тебя, — предложил бог огня.

— Нет, Локи, — возразила Идун. — Тебе тяжело будет лететь, и Тиаци сможет нас догнать... Пстой, пстой, я придумала! — вдруг рассмеялась она. — Ты не знаешь, что, если я захочу, я могу превратиться в орех.

Она три раза хлопнула в ладоши и в тот же миг в самом деле превратилась в маленький лесной орех. Локи положил его между яблок и, схватив корзину, снова вылетел в окно. Тут, к своему ужасу, он увидел, что лодка Тиаци уже подплывает к берегу.

— Смотри, смотри, отец! — воскликнула Скади, показывая великану на бога огня. — Из окна нашего замка вылетел сокол, и у него в когтях корзина.

— Это кто-нибудь из Асов, — скрежеща зубами, ответил повелитель зимних бурь. — Он уносит яблоки Идун. Но не бойся, ему не удастся уйти от меня!

И тут же, превратившись в орла, он пустился в погоню за Локи.

Стоя на стене Асгарда, Хеймдалль еще издали заметил их обоих.

— Локи летит назад! — крикнул он окружившим его Асам. — Он несет яблоки, а за ним гонится исполинский черный орел.

— Это Тиаци, — сказал Один. — Скажи, кто из них летит быстрее?

— Локи летит очень быстро, — ответил Хеймдалль. — Но великан его все же догоняет.

— Скорей, — приказал Один богам, — разложите на стене Асгарда костер, да побольше!

Асы не поняли, что задумал мудрейший из них, однако быстро исполнили приказание, и вскоре на стене Асгарда запылал огромный костер.

Теперь уже не только Хеймдалль, но и остальные боги увидели быстро приближающегося к ним Локи и догоняющего его Тиаци. Казалось, великан вот-вот схватит бога огня, но тот, увидев впереди себя грозно бушующее пламя, собрал все свои силы и стрелой пролетел сквозь него.

Мудрый Один ловко придумал: огонь не тронул своего повелителя, зато Тиаци

пламя охватило со всех сторон, и великан сгорел, как пучок соломы.

— Я вижу, ты принес только яблоки. Где же та, кому они принадлежат? — спросил Один у бога огня, когда тот, опустившись среди Асов, скинул с себя соколиное оперенье.

Вместо ответа Локи достал из корзины орех, бросил его на землю, и перед Одином тотчас появилась Идун.

— Простите Локи, — сказала она. — Конечно, он виноват, что меня похитили, но ведь он же меня и спас.

— Мы уже и так простили его, — отвечал владыка мира. — Он не только вернул нам тебя, но и погубил нашего злейшего врага, великана Тиаци.

С торжеством отпраздновав возвращение Идун, боги разошлись по своим дворцам, и в Асгарде опять воцарились мир и спокойствие.

Похищение Мйольнира

Больше трех лет сражался Тор на восточных границах Митгарда, отбивая нападения великанов. Гримтурсены были мно-

гочисленны и воинственны, но бог грома, стремительно носясь над облаками и появляясь то здесь, то там, безжалостно поражал их одного за другим своим страшным молотом. Наконец, не выдержав борьбы с грозным Асом, исполины отступили и бежали обратно в Йотунхейм, чтобы там собраться с силами для нового похода в страну людей.

Решив, что теперь он может спокойно отдохнуть, Тор выпряг из колесницы обоих козлов и пустил их пастись на соседний луг, а сам растянулся на голой земле и, положив рядом Мйольнир, крепко заснул. Проснувшись на рассвете, бог грома сразу же потянулся за своим молотом, но его рука не нащупала ничего, кроме камешков да нескольких травинок. Тор быстро вскочил на ноги и, протирая глаза, оглядел все вокруг — Мйольнир бесследно исчез.

Гнев могучего Аса был ужасен. Он рвал на себе бороду и так топал ногами, что тряслась земля, а потом быстро запряг в колесницу своих козлов и вихрем помчался в Асгард, чтобы оповестить богов о пропаже.

Однако по дороге старшему сыну Одина стало стыдно, что он так глупо проспал

свое оружие, и он решил признаться в этом одному Локи.

Выслушав Тора, бог огня покачал головой и ответил:

— Твой молот могли украсть только великаны, значит и искать его надо у них. Пойдем скорее к Фрейе и попросим у нее соколиное оперенье. Я полечу в Йотунхейм и там узнаю, где находится Мйольнир.

— Ты прав, — согласился Тор. — Пойдем к Фрейе.

Оба Аса направились во дворец прекрасной дочери Нйодра.

— Если бы оно было сделано из золота и серебра, то и тогда я отдала бы его вам без сожаления, — сказала богиня любви, отдавая соколиное оперенье.

Локи накинул его на себя и так быстро, как только мог, полетел через море в страну великанов.

Первым, кого увидел там бог огня, был один из знатнейших и богатейших вождей Йотунхейма — великан Трим. Он сидел на вершине высокой горы и, увидев над собой парящего в небе исполинского сокола, сразу догадался, что перед ним один из Асов.

— Как идут дела в стране богов? — спросил он.

— Не очень хорошо, Трим, не очень хорошо, — отвечал Локи. — У Тора пропал его молот. Не знаешь ли ты, кто его взял и где он сейчас?

— Ха-ха-ха! — оглушительно захохотал Трим. — Мне ли этого не знать, когда я сам его похитил! Я мог бы убить Тора, пока он спал, да не хочу ссориться с Асами. Я готов даже вернуть им Мйольнир, если только они выдадут за меня замуж прекрасную Фрейю. А породнившись с богами, я, пожалуй, соглашусь перейти на их сторону.

— Где же ты спрятал молот? — продолжал спрашивать Локи.

— Молот, Локи? — снова засмеялся Трим, по голосу узнавший бога огня. — Молот лежит глубоко-глубоко под землей, и тебе его не достать, несмотря на всю твою хитрость.

Узнав все, что ему было нужно, Локи сделал над головой великана круг и стрелой полетел обратно в Асгард.

— Молот у Трима, и он не возвратит его до тех пор, пока боги не отдадут ему в

жены богиню Фрейю, — объявил он поджидавшему его Тору.

Услышав это, бог грома снова побежал к богине любви.

— Послушай, Фрейя, — сказал он, — немедленно собирайся и отправляйся к Триму! Ты должна стать его женой, иначе он не вернет мне мой молот.

При этих словах добрая и кроткая дочь Нйодра рассердилась первый раз в жизни и в порыве гнева даже разорвала свое драгоценное ожерелье.

— Молчи, Тор, и уходи отсюда! — воскликнула она. — Никогда не поеду я в Йотунхейм и никогда не выйду замуж за великана, хотя бы все боги просили меня об этом. Ты сам проспал свой молот, так и выручай его сам.

Опустив голову, Тор молча вышел от Фрейи и снова направился к богу огня.

— Посоветуй, что мне делать, Локи! — взмолился он.

— Надо собрать богов и рассказать им обо всем, — сказал Локи. — Может быть, все вместе мы что-нибудь придумаем.

Тор скрепя сердце согласился и пошел собирать Асов.

Узнав о пропаже Мйольнира и о требованиях Трима, боги пришли в ужас. Они долго советовались, но не могли ничего придумать. Наконец мудрый Хеймдалль, верный страж радужного моста, встал со своего места и сказал:

— А почему бы нам не надеть на Тора женское платье и не послать его к Триму под видом Фрейи? Может быть, он сумеет выручить у великана свой молот.

— Но ведь Трим сразу откроет обман, — возразили боги.

— Нет, — отвечал Хеймдалль, — он ничего не откроет. Трим никогда не видел Фрейи и не знает, как она выглядит. Наденем на Тора платье подлиннее, чтобы не было видно его огромных ног, закроем фатой его лицо и рыжую бороду, а голову повяжем платком, и великаны ни за что не догадаются, что перед ними не женщина, а сам бог грома.

— Никогда не надену я женское платье! — в бешенстве закричал Тор. — Если я это сделаю, все вы будете смеяться надо мной.

— Ты забываешь, Тор, — возразил ему Браги, — какая страшная опасность нам теперь угрожает. Хочешь ли ты, чтобы ве-

ликаны перебили всех нас твоим молотом и захватили Асгард и Митгард? Ты должен попытаться любой ценой вернуть Мйольнир. И если тебе это удастся, никто из нас не будет смеяться над тобой.

— Послушай, Тор, — сказал Локи, видя, что бог грома все еще колеблется. — Хочешь, я тоже надену женское платье и отправлюсь вместе с тобой к Триму под видом твоей служанки?

Предложение Локи очень понравилось всем богам, а особенно Тору, который после этого не стал больше спорить и согласился с Хеймдаллем. Боги тут же стали одевать Тора и Локи в женское платье, а к Триму направили гонца с известием, что Фрейя скоро к нему прибудет.

Великан был вне себя от радости и гордости. В ожидании невесты он созвал в замок многочисленных гостей и устроил пир. Вскоре вдали показался Тор в фате и длинном платье, а за ним Локи в костюме служанки. Трим поспешно выбежал к ним навстречу. Он взял за руку мнимую невесту и, торжественно вводя ее в замок, усадил рядом с собой за богато убранный стол.

Бог грома любил хорошо поесть и к тому же он так проголодался в дороге, что забыл всякую осторожность. Он тут же проглотил целого быка, за ним восемь огромных лососей и запил все это бочкой крепкого меда.

— Никогда, за всю мою жизнь, я еще не видел, чтобы какая-нибудь девушка так ела! — воскликнул Трим, с удивлением глядя на мнимую Фрейю.

— О Трим, — поспешно шепнул ему на ухо Локи, который на всякий случай встал за спиной великана, — тоскуя по тебе, Фрейя семь дней ничего не пила и не ела. Вот почему она сегодня так голодна.

Слова хитрого бога обрадовали Трима, и он тут же захотел поцеловать свою невесту, но, увидев сквозь фату горящие, как уголь, глаза Тора, в ужасе отскочил назад.

— Ни у одной девушки в мире я не встречал еще таких страшных глаз! — запинаясь, проговорил он.

— Успокойся, Трим, — снова шепнул ему Локи. — Семь долгих дней и столько же ночей плакала Фрейя, тоскуя по тебе, и ее глаза покраснели и воспалились.

Услышав, что Фрейя так сильно его любит, великан растрогался. Он вышел из

зала и послал к гостям свою сестру, чтобы она положила на колени невесте молот и получила от нее взамен какой-нибудь подарок, в чем и состоял в те времена обряд венчания.

Девушка сейчас же исполнила приказание брата, и какова же была радость Тора, когда в положенном ему на колени молоте он узнал свой Мйольнир! В одно мгновение весь его женский наряд полетел прочь, и перед остолбеневшими от ужаса гостями Трима предстал грозный бог грома. Придя в себя, великаны бросились бежать, но было уже поздно: Мйольнир настигал их повсюду, и, сраженные его ударами, они один за другим мертвыми падали на землю. Такая же участь постигла и прибежавшего на шум Трима.

Так вернул себе Тор свой замечательный молот, а весь мир был спасен от большой опасности.

С тех пор прошло уже много лет, но и до сего дня не может забыть бог грома, как однажды он чересчур крепко спал, а потом ходил из-за этого в женском платье, и очень не любит, когда ему об этом напоминают.

Тор в гостях у Гейрода

Как-то раз Локи, скучая, бродил по Асгарду, не зная, какую новую проказу ему придумать. Наконец он пришел к Фрейе и попросил у богини любви еще раз одолжить ему соколиное оперенье.

— Я хочу слетать в Йотунхейм, — сказал он, — и посмотреть, что замышляют против нас великаны.

Добрая Фрейя редко отказывала кому-нибудь в любой просьбе, и спустя каких-нибудь полчаса Локи уже летел на восток, по направлению к стране великанов.

Величайшим вождем Гримтурсенов был великан Гейрод. Столь же могучий, как и другие великаны, он был намного умнее и хитрее их. К тому же он имел трех дочерей, каждая из которых почти не уступала ему в силе.

На крышу его замка и опустился Локи, прилетев в Йотунхейм, некоторое время он сидел там спокойно, разглядывая бродивших по двору слуг, но потом это ему надоело. Тогда он засунул голову в печную трубу и принялся кричать, подражая голосам различных зверей и птиц, и при этом так громко и пронзительно, что Гей-

род, который в это время обедал, бросил есть и в страхе выбежал во двор.

Увидев на крыше своего замка огромного сокола, он позвал одного из слуг и приказал ему поймать дерзкую птицу.

«Ладно, ладно, — подумал Локи, видя, как слуга великана с трудом лезет на крышу. — Старайся, старайся, мой милый! Я подпущу тебя совсем близко, а потом взлечу под самые облака».

И, закрыв глаза, он притворился спящим. Между тем слуга — а это был такой же великан, как и его хозяин, — в конце концов все же залез на крышу, осторожно подполз к мнимому соколу и протянул к нему руку. Ожидавший этого Локи изо всех сил оттолкнулся от крыши и взмахнул крыльями, чтобы взлететь, но зацепился ногой за одну из черепиц и, прежде чем успел освободиться, был пойман. Слуга осторожно спустился с ним во двор и передал его Гейроду.

Едва взглянув в умные и хитрые глаза своего пленника, тот сразу понял, что перед ним не обыкновенная птица.

— Ну-ка, дружок, — сказал он насмешливо, — говори, кто ты такой?

Локи, подражая настоящему соколу, защелкал клювом и попытался клюнуть великана в палец.

— Хорошо же! — сердито сказал Гейрод. — Подождем, ты у меня еще заговоришь!

Он отнес Локи домой, посадил его в большую железную клетку и приказал слугам не давать ему есть и пить, пока тот не назовет себя.

Три месяца просидел взаперти бог огня, страдая от голода и жажды и надеясь, что Гейрод рано или поздно его освободит, но наконец не выдержал, и, когда великан снова спросил его, кто он такой, Локи назвал себя и попросил Гейрода отпустить его.

— Я охотно тебя отпущу, — отвечал тот, — но сначала дай мне клятву, что ты уговоришь Тора придти ко мне в гости, но только пешком и без его волшебного пояса, молота и рукавиц. Я уже давно хочу с ним поговорить.

— Я не могу этого сделать, — возразил Локи. — Тор никогда не расстается со своим Мйольниром и не пойдет к тебе без него.

— Не можешь? Хорошо, тогда ты останешься в клетке еще три месяца, — сказал великан.

— Нет, нет! — в страхе воскликнул Локи. — Так и быть, я что-нибудь придумаю. Клянусь, что уговорю Тора придти к тебе!

— Без пояса, молота и рукавиц? — спросил Гейрод.

— Без пояса, молота и рукавиц, — послушно повторил Локи.

— Ну, вот мы и договорились, — рассмеялся великан.

Он позвал слуг, приказал им как следует накормить и напоить бога огня, после чего выпустил его на свободу.

Измученный трехмесячной голодовкой, Локи с трудом добрался до Асгарда. Там он сбросил с себя соколиное оперенье, отдал его Фрейе, а сам пошел к Тору.

— Здравствуй, Локи! — воскликнул бог грома. — Где ты так долго пропадал? Не хочешь ли поехать со мной в Йотунхейм?

— Я только что оттуда, — отвечал Локи. — Я был у Гейрода и побился с ним об заклад.

— О чем же вы спорили? — спросил Тор.

— Я говорил Гейроду, что ты никого не боишься и можешь голыми руками победить любого из Гримтурсенов, а он утверждал, что ты трус и побоишься придти к нему пешком без своего молота, рукавиц и пояса, — сказал хитрый бог.

Тор задумался. Он слышал о Гейроде и понимал, как опасно явиться к нему безоружным, но мысль о том, что его могут счесть трусом, была для него страшнее всего.

— Ты выиграл свой заклад, — произнес он гордо. — Я пойду к Гейроду и покажу ему, нужен ли мне мой чудесный молот для того, чтобы разбить ему голову.

— А ты не боишься? — усмехнулся Локи, желая еще больше раззадорить бога грома.

Тот только гневно сверкнул на него глазами и пошел к Сиф. Он отдал ей Мйольнир, пояс и рукавицы и, не отвечая на ее расспросы, отправился в путь.

Как ни быстро шел сильнейший из Асов, прошло немало времени, пока он добрался до страны великанов. Здесь на берегу моря стоял замок великанши Грид. Она, хотя и жила в Йотунхейме, давно порвала со своими соплеменниками и пере-

шла на сторону Асов. Тор знал это и решил у нее переночевать.

Увидев, что бог грома идет пешком, а в руках у него нет никакого оружия, великанша очень удивилась, когда же он рассказал ей, что идет к Гейроду, она в ужасе всплеснула руками.

— Ты, верно, ищешь смерти, Тор! — воскликнула она. — Тебе ли не знать, как сильны и коварны Гейрод и его дочери? Послушайся меня и, пока не поздно, вернись обратно.

— Нет, тетушка Грид, — ответил бог грома, — я не могу вернуться, так как иначе Гейрод назовет меня трусом.

Грид покачала головой.

— Ну, если так, то иди, — проворчала она. — Но только надень на руки мои старые железные рукавицы да захвати с собой мою клюку, с которой я хожу в лес. Поверь, что и то и другое тебе очень пригодится.

— Спасибо, тетушка Грид, — сказал Тор. — Я знаю, что ты умна, и слушаюсь твоего совета.

Добрая великанша накормила бога грома и уложила спать, а наутро разбудила

его и, отдав ему свои рукавицы и клюку, проводила в дорогу.

Спустя некоторое время Тор подошел к берегу широкой горной реки. Понадеявшись на огромный рост, он решил переправиться через нее вброд. И действительно, вода доходила ему только до пояса. Но тут неожиданно по реке побежали большие волны и, перекатываясь через плечи Тора, чуть не сбили его с ног. Могучий Ас поспешно оперся на клюку Грид и посмотрел вверх по течению. Там, стоя одной ногой на одном берегу реки, а второй ногой — на другом, возвышалась чудовищная великанша — старшая дочь Гейрода. Наклонившись, она с силой загребала руками воду и гнала ее прямо на Тора.

— Ну погоди же, ты мне дорого заплатишь за это купание! — в гневе воскликнул бог грома.

Он наклонился и, подняв со дна большой камень, изо всех сил метнул его в великаншу. Удар пришелся ей прямо в висок, и она замертво рухнула в реку, запрудив ее своим телом. Вода тотчас

спала, и Тор благополучно перешел на другой берег.

Еще часа два шел он горами, пока не увидел вдали высокую черепичную крышу замка Гейрода, о которую так неудачно зацепился Локи. Великан стоял на пороге своего жилища и, заметив приближающегося бога грома, злорадно усмехнулся.

— Входи, Тор, входи и будь нашим гостем! — воскликнул он. — Я рад тебя видеть, хотя ты и не очень любишь моих соплеменников.

— Я их люблю так же, как они любят нас, Асов, — проворчал Тор, смело входя в дверь, которую ему открыл великан.

— Ладно, ладно, не будем вспоминать старое, — сказал Гейрод, следуя за богом грома. — Погляди, я приготовил все, чтобы принять тебя с честью: огонь в очаге горит, на вертеле жарится бык, а у стола стоит бочка доброго старого меда. Мы с тобой сейчас попируем не хуже, чем вы пируете в Асгарде.

«Да, действительно, все верно, — подумал Тор, недоверчиво осматриваясь по сторонам. — Вот бык, а вот бочка с медом. Не понимаю только, зачем в очаге

лежит этот большой, раскаленный добела кусок железа».

— Наверное, ты очень устал, Тор, и проголодался. Садись же скорей за стол, — сказал Гейрод, все так же злорадно усмехаясь и показывая богу грома на большой, высокий табурет.

Тор сел на него и в тот же миг стремительно взлетел вверх, так что его голова чуть не разбилась о толстую потолочную балку. Однако он успел упереться в нее железной клюкой старухи Грид, которую из осторожности по-прежнему держал в руках, и застыл в воздухе.

— Ты хорошо принимаешь гостей, Гейрод, — спокойно сказал он, чувствуя, что кто-то пытается прижать его к потолку. — Но я не привык сидеть так высоко.

С этими словами бог грома с силой оттолкнулся от балки клюкой, и табурет под ним сейчас же опустился так же быстро, как и поднялся. Одновременно с этим Тор услышал громкие стоны и хруст костей и, посмотрев вниз, увидел двух дочерей Гейрода, лежащих на полу бездыханными.

— Видно, я слишком тяжел и удержать меня не так-то легко, — засмеялся он.

Великан с открытым от удивления ртом некоторое время молча смотрел то на своего гостя, то на мертвых дочерей, а потом стремительно бросился к очагу и, выхватив из него щипцами уже виденный Тором кусок раскаленного железа, метнул его в бога грома.

Ас, у которого на руках были рукавицы великанши Грид, поймал его в воздухе и высоко поднял над головой.

— Это угощение мне не по вкусу, Гейрод, — сказал он, сверкнув глазами. — Придется тебе съесть его самому.

Гейрод в страхе спрятался за колонну, но смертоносное железо, вылетев из могучей руки бога грома, пробило ее насквозь и поразило коварного великана прямо в сердце.

«Теперь, пожалуй, уже никто из Гримтурсенов больше не будет звать меня в гости, — сказал сам себе Тор, выходя из замка Гейрода и направляясь в обратный путь. — Но ничего, я приду к ним и без их зова».

Путешествие Тора в Утгард

Тору часто приходилось слышать, что на востоке, в стране великанов, есть чудесное королевство Утгард и что в нем живут могущественные волшебники, которых еще никто не смог победить. Не мудрено, что ему захотелось побывать там, чтобы испытать свою силу. Бог огня Локи, который любил всякие приключения не меньше самого Тора, отправился в путешествие вместе с ним.

Боги ехали целый день. Наконец, когда солнце уже спряталось за горами, они увидели в поле одиноко стоявшую хижину и решили в ней остановиться. В хижине жил бедный крестьянин Эгил со своей женой, сыном Тиальфи и дочерью Рёсквой. Он радушно принял Асов, но пожалел, что ничем не может их угостить.

— Вот уже два дня, — сказал он, — как мы сами ничего не ели, и в нашем доме вы не найдете ни крошки хлеба.

— О еде не беспокойся, — отвечал ему Тор, — ее хватит на всех.

Он выпряг из колесницы обоих козлов, зарезал их и втащил в дом. Тут он содрал с них шкуру, а туши положил вариться в

большой котел. Когда мясо было готово, Тор пригласил крестьян поужинать вместе с ним и с Локи. Голодные люди с радостью согласились и жадно набросились на еду. Боги скоро наелись и пошли спать, но, перед тем как уйти, Тор расстелил на полу козлиные шкуры и, обращаясь к крестьянам, сказал:

— Я разрешаю вам съесть сколько угодно мяса, но смотрите не трогайте костей. Сложите их все до единой в эти шкуры, иначе я вас жестоко накажу.

— А ведь кости-то вкуснее всего, — тихо шепнул Локи на ухо Тиальфи, прежде чем последовать за своим спутником.

Слова коварного бога не пропали даром, и, в то время как сам Эгил, его жена и дочь точно выполнили приказание Тора, Тиальфи, которому захотелось полакомиться косточкой, расщепил одну из костей ножом. Утром, проснувшись, Тор первым делом подошел к козлиным шкурам и дотронулся до них молотом. Оба козла сейчас же как ни в чем не бывало вскочили на ноги, живые и невредимые, и только один из них немного прихрамывал на заднюю ногу. Увидев это, Тор понял, что кто-то из крестьян нарушил его

запрет, и из-под его густых сдвинутых бровей сверкнула молния. Он уже поднял Мйольнир, готовясь убить ослушника, но тут вся семья Эгила с громким плачем бросилась перед ним на колени, умоляя грозного бога простить Тиальфи. Когда Тор увидел слезы бедняков и услышал их мольбы, его гнев тотчас прошел. Он сказал, что не будет их наказывать, но потребовал, чтобы за это Эгил отдал ему в услужение обоих детей, на что тот с радостью согласился.

Продолжать путешествие в колеснице, пока у козла не зажила нога, было нельзя, поэтому Тор с Локи и своими новыми спутниками пошли дальше пешком.

Достигнув берега огромного моря, которое отделяет землю от страны великанов, путники построили себе лодку и поплыли, держа курс на восток. Через несколько дней на рассвете они уже благополучно пристали к берегу Йотунхейма. Тут они снова пошли пешком и вскоре добрались до высокого дремучего леса. Они шли по нему целый день, но казалось, ему не будет конца. Наступил вечер, и Тор уже думал, что им придется заночевать на голой земле, как вдруг он наткнулся на большую

хижину. В ней было всего три стены и потолок, но путешественники так устали, что не обратили на это внимания. Все четверо наскоро поужинали и легли спать.

Ночью неожиданно слышались раскаты грома, и вся хижина затряслась. Тор схватил свой молот, а его спутники стали искать, куда бы спрятаться. Наконец в одной из стен они обнаружили вход в небольшую пристройку и забились туда, дрожа от страха, а Тор встал у входа с молотом в руках и простоял там всю ночь. Как только настало утро, он поспешил выйти наружу и увидел неподалеку спящего великана. От его могучего храпа тряслась земля. Тор сейчас же надел волшебный пояс, увеличивающий вдвое его силу, и уже готовился метнуть в великана молот, как тот проснулся и встал на ноги. Он был так огромен и страшен, что Тор впервые не решился пустить в ход свое грозное оружие, а только спросил великана, как его зовут.

— Меня зовут Скримир, — отвечал тот. — А о твоём имени мне не нужно и спрашивать: ты, конечно, Тор. Но постой, куда же делась моя рукавица?

Он нагнулся, и Тор увидел, что хижина, в которой они провели ночь, — это огромная рукавица, а небольшая пристройка, в которой они позднее спрятались, — её большой палец.

— Куда ты направляешься, Тор? — спросил его Скримир.

— Я хочу побывать в королевстве Утгард, — отвечал бог грома.

— В таком случае, давайте позавтракаем, — сказал великан, — а потом, если ты не возражаешь, пойдем вместе. Я как раз иду в ту же сторону.

Тор согласился. Скримир сел на землю, развязал котомку и спокойно принялся за еду. Путешественники последовали его примеру. После завтрака великан сказал:

— Давайте вашу котомку, я понесу её вместе со своей.

Тор не стал возражать. Скримир вложил его котомку в свою, затянул ремнями, взвалил себе на спину и пошел. Он делал такие огромные шаги, что Тор и его спутники с трудом поспевали за ним. Скримир остановился только под вечер. Скинув котомку на землю, он не спеша улегся под огромным дубом.

— Я так устал, — сказал великан, — что не хочу есть, а если вы хотите, то развяжите котомку и берите из нее все, что вам надо.

С этими словами Скримир тут же заснул и оглушительно храпел. Тор подошел к котомке великана и попытался ее развязать. Однако, несмотря на всю свою силу, он не смог ослабить стягивающие ее ремни. Целый час голодный Ас пытался и обливался потом, но все было напрасно. Тогда он пришел в ярость и, забыв всякую осторожность, подошел к Скримиру и ударил его молотом по голове. Скримир приоткрыл глаза и спокойно сказал:

— Кажется, на меня упал с дерева лист? Ну что, Тор, вы уже поужинали? В таком случае, ложитесь спать. Завтра нам предстоит долгий путь.

И он опять храпел. Тор, Локи, Тиальфи и Рёсква легли под соседним деревом, но спать не могли. Бог грома был вне себя от гнева. В середине ночи он встал, опять подошел к Скримиру и с размаху ударил его молотом по темени. Молот глубоко ушел в голову великана, но тот только потянулся, зевнул и проговорил сонным голосом:

— На меня что-то упало. Наверное, желудь. Ты не спишь, Тор? Разве уже пора вставать? Ведь еще совсем темно.

— До утра еще далеко, — отвечал ему Тор, — и ты можешь спать спокойно. Я сейчас тоже лягу.

Скримир снова закрыл глаза, а Тор в смущении пошел под свое дерево. В первый раз в жизни ему пришлось встретить великана, против которого оказался бессильным его Мйольнир. Вскоре начало светать, и тогда Тор все же решил сделать еще одну попытку. Он осторожно подкрался к Скримиру и изо всех сил ударил его молотом в висок. На этот раз Мйольнир по рукоятку ушел в голову исполина. Тот проснулся, провел рукой по виску и воскликнул:

— Неудачное место выбрал я для ночлега! Наверное, на ветвях дерева сидят птицы. Только что целый сучок упал мне на голову. Эй, Тор! Пора вставать! Уже совсем рассвело.

С этими словами Скримир поднялся, развязал свою котомку, достал из нее котомку Тора и отдал ее остолебневшему от удивления богу грома.

— Давайте завтракать, — сказал он, — а затем продолжим путь.

Путешественники, растерянно переглянулись и принялись за еду, наверстывая упущенное за два дня. Потом Скримир снова пошел вперед, а Тор и остальные — за ним. Часа через два они наконец достигли опушки леса.

— Ну, — сказал Скримир, — если вы все еще хотите попасть в страну Утгард к нашему королю, то вам следует идти отсюда на восток, а мне нужно на север. Примите же от меня на прощание добрый совет. Я слышал, как вы говорили между собой, что не считаете меня очень маленьким. Знайте же, что в замке нашего короля есть люди еще покрупнее меня, так что не слишком надейтесь на свои силы. До свидания.

Сказав это, Скримир быстро пошел на север, а четыре путника еще долго смотрели ему вслед, искренне желая никогда больше с ним не встречаться.

Несмотря на предостережения Скримира, Асы продолжали путь и уже около полудня увидели перед собой огромный замок, окруженный высокой железной решеткой. В ней были ворота, но они оказа-

лись на запоре. К счастью, прутья решетки так далеко отстояли друг от друга, что все четверо легко пролезли между ними. Тор смело распахнул двери замка и вошел внутрь, сопровождаемый Тиальфи и Рёсковой. Локи из предосторожности держался немного позади. Они оказались в огромном зале, посередине которого сидел сам король страны Утгард — Утгардалоки. Около него расположилось много великанов, и все они с изумлением взирали на пришельцев.

— Привет тебе, Тор! — медленно проговорил Утгардалоки. — Я рад видеть тебя и твоих спутников, но знаешь ли ты, что по нашему закону здесь имеют право быть только те, кто проявил себя в каком-нибудь деле или искусстве, заняв в нем первое место? Чем можете похвалиться вы все?

— В стране Асов, — сказал Локи, стоявший позади Тора, — нет никого, кто бы ел быстрее меня.

— Это большое искусство, — ответил Утгардалоки, — и если ты сказал правду, то будешь окружен у нас почетом. Сейчас мы устроим тебе состязание с одним моим человеком, которого зовут Логи.

Утгардалоки хлопнул в ладоши, и слуги сейчас же внесли в зал огромное корыто с мясом. Корыто поставили на пол. Локи и Логи сели друг против друга и по знаку короля Утгарда начали есть. Уже через несколько минут они встретились как раз в середине корыта, но Локи съел только мясо, тогда как Логи — и мясо, и кости, да еще половину корыта впридачу. Поэтому он был объявлен победителем.

— Не очень быстро едят боги, — с насмешкой сказал Утгардалоки. — Ну, а что же может делать этот юноша, которого, кажется, зовут Тиальфи?

— В Митгарде говорят, что я бегаю быстрее всех, — ответил Тиальфи, удивленный тем, что великан знает его имя.

— Хорошо, — сказал Утгардалоки. — Мы проверим и это.

Все вышли из замка. Перед ними простиралось поле с широкой, хорошо утоптанной дорогой. Здесь и должно было произойти состязание. Утгардалоки вызвал из толпы своих приближенных юношу, по имени Гуги, и приказал ему бежать наперегонки с Тиальфи. Затем Утгардалоки махнул рукой, и бегуны устремились впе-

ред. Тиальфи бежал очень быстро, но Гуги все же сумел обогнать его на один шаг.

— Видно, что у вас бегают так же, как и едят, — усмехнулся Утгардалоки. — Ну, а ты, Тор? Что ты умеешь делать?

— Среди Асов утверждают, что никто не может так пить, как я, — отвечал Тор.

— Вот это искусство так искусство! — воскликнул Утгардалоки. — Что ж, пойдем в замок. Там ты покажешь, как пьют в Асгарде.

Все вернулись в зал. Утгардалоки отдал приказ виночерпию, и тот поднес Тору длинный и узкий рог, до краев наполненный водой.

— Слушай, Тор, — сказал Утгардалоки, — некоторые из нас осушают этот рог в один прием, а большинство — в два. Только самые слабые люди Утгарда выпивают мой рог в три приема, но ты, конечно, осушишь его сразу.

Хотя рог и был очень длинен, он не показался Тору большим. Бог грома приставил его к губам и стал тянуть что было силы. Наконец он остановился, чтобы перевести дух, и, к своему удивлению, увидел, что количество воды в роге почти не убавилось.

— Ты слишком много оставил на второй раз, — заметил Утгардалоки. — Постарайся же теперь не ударить лицом в грязь.

Тор снова приложил рог к губам и пил до тех пор, пока у него не перехватило дыхание. Однако на этот раз воды в роге убавилось еще меньше, чем в первый.

— Плохо ты пьешь, — сказал Утгардалоки. — Теперь, чтобы стяжать у нас славу, тебе придется проявить свое искусство в чем-нибудь другом. Скажи-ка лучше, что ты еще умеешь делать?

— Я бы охотно показал вам свою силу, — проворчал Тор.

— Пожалуйста, — отвечал Утгардалоки. — Молодые люди моей страны обычно пробуют силу, подымая мою кошку. Конечно, это забава не для взрослых, но после того, как ты так плохо пил, я боюсь, что кошка будет тебе не под силу.

В эту минуту в залу вошла большая серая кошка. Тор подошел к ней, обхватил ее обеими руками и попытался поднять, но, как он ни пыхтел, как ни старался, кошка не сдвинулась с места и только одна ее лапа оторвалась от земли.

— Так я и думал, — засмеялся Утгардалоки. — Да это и понятно: кошка большая, а Тор маленький. Где ему поднять такого зверя!

— Может быть, я и маленький, — вскричал Тор вне себя от гнева, — но я все же берусь побороться с любым из вас, несмотря на весь ваш рост.

— Прежде чем бороться с нами, — сказал Утгардалоки, — я советую тебе сначала попробовать силу на моей старой кормилице, Элли. Если ты ее поборешь, я готов признать, что ты не так слаб, как я думаю. Если же она с тобой справится, тебе нечего и думать о том, чтобы состязаться с настоящими мужчинами.

Тут он хлопнул в ладоши и громко позвал:

— Элли! Элли!

На его зов в зал вошла дряхлая, сморщенная старуха и спросила, что ему надо.

— Я хочу, чтобы ты поборолась с моим гостем, — отвечал Утгардалоки. — Он похвастается своей силой, и мне интересно посмотреть, сможет ли он справиться с тобой.

Тор схватил Элли поперек туловища и хотел сразу же положить ее на обе лопатки, но она устояла и, в свою очередь, с та-

кой силой сжала его руками, что у него перехватило дыхание. Чем больше старался Тор, тем крепче становилась старуха. Внезапно она сделала ему подножку, и не ожидавший этого бог грома упал на одно колено.

Утгардалоки, казалось, был очень удивлен, однако ничем не выдал этого и, обращаясь к богу грома, сказал:

— Ну, Тор, теперь ты и сам видишь, что тебе незачем мериться с нами силой, не можешь ты и оставаться дольше в моем замке. Но я все же слишком гостеприимный хозяин, чтобы отпустить вас голодными, а поэтому давайте обедать.

Тор молча опустил голову: ему было так стыдно, что он не мог произнести ни слова.

Утгардалоки на славу угостил гостей, а после обеда сам пошел их провожать. Когда они вышли из замка, он спросил:

— Ну как, Тор, доволен ли ты своим путешествием и понравилось ли тебе у нас?

— У вас мне понравилось, — отвечал Тор, — но не могу сказать, чтобы я был доволен собой. Еще ни одно мое путешествие не кончалось так бесславно.

— А я, Тор, даже и не подозревал, что ты так могуч, — улыбаясь, сказал Утгардалоки, — а то бы не видать тебе моего замка! Теперь, когда вы из него уже вышли, я могу открыть тебе, что ты с самого начала был обманут. Великан Скримир, повстречавшийся с тобой в лесу, был я сам. Мою котомку ты не открыл потому, что ремни на ней были заклепаны железом, а когда ты бил меня своим молотом, я подсунул тебе вместо себя обломок скалы. Может быть, ты заметил в моем замке большой камень с тремя глубокими впадинами? Это следы твоих ударов. Локи ел очень быстро, но Логи, с которым он состязался — это сам огонь, а ты знаешь, что огонь прожорливее всех на свете. Тифальфи — замечательный бегун, но перегнать Гуги он не мог, потому что Гуги — это мысль, а мысль быстрее любого бегуна. Рог, из которого ты пил, другим концом был соединен с мировым морем. Осушить это море, конечно, нельзя, но ты выпил из него столько воды, что оно обмелело, как при сильнейшем отливе. Подымал ты вовсе не кошку, а змею Митгард. Она обвивает кольцом весь мир, а ты поднял ее так высоко, что она только кончиком

своей морды и кончиком хвоста еще касалась земли. Самое трудное испытание ты выдержал, когда боролся со старухой Элли. Элли — это старость. Ты знаешь, что она любого человека кладет на обе лопатки, ты же упал перед нею только на одно колено. Теперь, Тор, я сам убедился в твоей силе и от всей души желаю никогда больше тебя не видеть. Прощай!

Весь красный от охватившего его гнева, Тор схватил свой молот, но Утгардалоки внезапно исчез. Вместе с ним исчез и его замок, а на том месте, где он стоял, перед глазами Тора и его спутников простиралось только ровное, покрытое зеленой травой поле.

Так закончились похождения Тора в стране Утгард.

Тор и змея Митгард

Победы Тора прославили его имя по всему свету. Великаны не осмеливались больше покидать Йотунхейм и совершать набеги на землю, но бог грома все еще не был доволен. Он не мог забыть свое путешествие в волшебное королевство Утгард

и то, как он не смог поднять змею Митгард. Вспоминал он и слова вещих норн, предрекших ему гибель от этой страшной из дочерей бога Локи. Слишком храбрый, чтобы бояться врага, как бы силен он ни был, Тор приходил в ярость при мысли, что должен терпеливо ждать, пока тот первый нападет на него. Наконец он решил сам разыскать обвившееся вокруг всей земли чудовище и избавить от него мир, хотя бы это стоило ему жизни. Но змея Митгард жила глубоко на дне мирового моря, никогда не показываясь на поверхности и, чтобы найти ее, бог грома должен был обратиться за помощью к морскому великану Гимиру. И вот однажды утром, не взяв с собой никого и даже не сказав Асам, куда едет, Тор отправился в путь.

Гимир жил в царстве туманов, в огромной пещере на берегу моря. Как и великан Мимир, он не воевал с богами, но и не дружил с ними, стараясь держаться в стороне. Поэтому, увидев Тора, он не выказал никакой радости и угрюмо спросил, зачем тот пожаловал.

— Я бы хотел отправиться вместе с тобой на рыбную ловлю, Гимир, — отвечал бог грома.

— Со мной на рыбную ловлю? — удивился великан. — Я слышал, что ты умеешь ездить над облаками и разбивать скалы своим молотом; слышал также, что ты одержал победу над многими моими собратьями Гримтурсенами, но не знал до сих пор, что ты умеешь удить рыбу и управляться с веслами. Нет, Тор, я не возьму тебя с собой: ты все равно ничего не поймаешь и только будешь мне мешать.

— Не бойся, Гимир, — возразил бог грома. — Правда, я никогда не удил, но знаю, как это делается, да и грести я тоже сумею.

— В северном море холодно, а я ужу день и ночь напролет; ты замерзнешь и будешь проситься на берег, — продолжал спорить Гримтурсен.

— Я переходил вброд потоки, вода в которых похолоднее, чем в твоём море, и то не замерз, — сказал бог грома. — Видно, Гимир, тебе все же придется взять меня с собой.

Исполин нахмурился: он не знал, как ему отвязаться от назойливого гостя.

— Ладно, — проворчал он наконец. — Поезжай, если хочешь, только у меня нет лишней рыболовной снасти.

— Я захватил ее, — отвечал Тор, показывая Гимиру гигантский крюк и канат толщиной с хорошее дерево.

Великан оглушительно захохотал.

— Такой крюк и такой канат выдержат целое стадо китов, — промолвил он, утирая выступившие от смеха слезы. — Кого же ты собираешься ловить?

— Это мое дело, — ответил сильнейший из Асов, которому уже надоело спорить с великаном. — Скажи лучше, есть ли у тебя приманка?

— У меня есть приманка, но для себя, — снова нахмурился Гимир. — А доставать приманку тебе — не мое дело, доставай ее сам.

— Хорошо, я раздобуду ее и без твоей помощи! — сердито воскликнул бог грома и вышел из пещеры.

Рядом, на пригорке, паслось стадо исполинских коров Гимира, среди них был бык, спина которого подымалась над верхушками самых высоких сосен. Недолго думая, Тор схватил его за рога и, оторвав голову, вернулся с ней в пещеру.

— Вот и приманка для моей удочки, — сказал он.

— Как ты посмел убить моего любимого быка? — заревел было великан, но, увидев, что бог грома поглаживает рукоятку Мйольнира, успокоился и, мрачно насупив брови, пошел снаряжать лодку.

— Я сяду на весла, Гимир, — сказал Тор.

— Как хочешь, — усмехнулся великан, — но только боюсь, что мне скоро придется тебя сменить.

Однако, к его удивлению, Ас, который по сравнению с ним казался совсем маленьким, греб даже лучше его самого, и их лодка быстрее птицы неслась по волнам.

Часа через два Гримтурсен попросил Тора остановиться.

— Приехали, — сказал он. — Я всегда ужу здесь.

— Ты, может быть, и приехал, а я нет, — отвечал бог грома, продолжая грести.

— Опасно заплывать далеко в море, — ворчливо настаивал великан. — Так мы можем доехать до того места, где лежит змея Митгард.

— А далеко ли до него? — спросил Тор.

— Еще час пути, если ты будешь грести так же проворно, — сказал Гимир.

Тор молча кивнул головой и еще сильнее заработал веслами.

— Разве ты не слышал, что я сказал? — промолвил великан.

— Слышал, — усмехнулся бог грома.

— Так почему же ты не останавливаешься? — рассердился Гимир.

— Потому что хочу ехать дальше, — возразил Тор.

Гримтурсен уже приподнялся, собираясь броситься на бога грома и силой отнять у него весла, но тут его взгляд упал на Мйольнир, и он счел за лучшее остаться на месте. Некоторое время он молчал, хмуро поглядывая на Тора, который все греб и греб, а потом стал просить:

— Вернись обратно, прошу тебя, скорее вернись: мы едем как раз над чудовищем.

— Это-то мне и нужно! — воскликнул довольный бог грома, бросая весла и поспешно надевая волшебный пояс, отчего его сила выросла вдвое.

Затем он насадил на крюк голову быка и, привязав его к канату, бросил наживку в море.

Великан со страхом следил за каждым его движением.

— Что ты делаешь? Что ты делаешь? — повторял он.

Крюк с приманкой опускался все глубже. Вдруг кто-то дернул его так резко, что сжимавшие канат руки Тора ударились о борт лодки.

— Попалась! — торжествующе закричал он.

Бог грома не ошибся: змея Митгард проглотила приманку, но вытащить эту исполинскую гадину было не так-то легко. С огромным трудом могучему Асу удалось сначала стать на колени, а затем выпрямиться во весь рост. Началась ожесточенная борьба. Не обращая внимания на то, что лодка великана почти до краев погрузилась в воду, Тор изо всех сил тянул за канат и постепенно вытягивал чудовище, которое отчаянно сопротивлялось. Прошло немало времени, когда наконец над поверхностью моря показалась огромная безобразная голова змеи. Оцепенев от ужаса, Гимир смотрел то на выпученные холодные, полные беспощадной ненависти глаза дочери Локи, то на черные, но горя-

щие ярким пламенем глаза Тора и никак не мог решить, какие из них страшнее.

Вдруг раздался громкий треск: дно лодки проломилось, и бог грома оказался в воде. На его счастье, море в этом месте было неглубоко, и он, погрузившись по горло, стал ногами на отмель, так и не выпустив из рук свою необыкновенную леску, на которой метался его враг.

— Вот мы и встретились с тобой снова, Митгард! — воскликнул Тор, подымая Мйольнир.

Все это время Гимир неподвижно сидел на корме лодки, уцепившись руками за борта, но когда вода залила днище, и великан увидел, что они тонут, он пришел в себя и, схватив нож, перерезал канат, на котором висела змея. Тот лопнул, и чудовище погрузилось в море.

— Нет, погоди, ты от меня не уйдешь! — закричал бог грома и метнул ей вслед молот.

Мйольнир с громким плеском исчез в волнах, но через мгновение снова вылетел оттуда и прыгнул прямо в руки хозяина, а море далеко вокруг окрасилось в красный цвет. Это была кровь змеи Митгард.

Бог грома повернулся к Гимиру.

— Из-за тебя я едва не упустил моего смертельного врага и даже не знаю, убил я его или нет, — проговорил он, дрожа от гнева. — Ты заслуживаешь смерти, но я не могу забыть, что был твоим гостем. А чтобы и ты не забыл меня, вот тебе от меня на память.

С этими словами он дал великану такую пощечину, что тот, перелетев через борт лодки, шлепнулся в воду.

Даже не посмотрев в его сторону, Тор, выбирая мелкие места, вброд зашагал к берегу и через несколько часов добрался до своей колесницы, на которой и вернулся обратно в Асгард. Немного позже пришел к себе домой и промокший до костей, полузамерзший Гимир. Он от души проклинал бога грома и дал себе зарок никогда больше не иметь дело с Асами.

Убил или не убил бог грома змею Митгард, никто не знает, правда норны уверяют, что она все еще жива, хотя и тяжело ранена.

«Придет день, — говорят они, — последний и для нее, и для Тора, когда они встретятся вновь».

Но когда придет этот день, не знают даже норны.

Смерть Бальдра

Прошли века. По-прежнему правил миром великий Один; по-прежнему защищал Асгард и Митгард от нападений великанов могучий бог грома; по-прежнему волшебная корзина Идун была полна чудесных яблок, дающих Асам молодость и силу. Никогда еще не были боги так веселы и счастливы.

Но вот добрый и кроткий Бальдр, бог весны, стал видеть дурные сны. Все чаще и чаще казалось ему по ночам, что расстается он со светлой страной богов и спускается в мрачное подземное царство Хель, все чаще и чаще мучило его сердце тяжелое предчувствие близкой смерти, и он из веселого стал печальным, из беззаботного — задумчивым.

Тогда встревоженный Один пошел к норнам, но те встретили его сурово и угрюмо.

— Ты скорбишь об участи сына, — сказала Урд, — а не ведаешь того, что не так уж далек тот день, когда и сам ты ее разделишь. Уже половина ствола ясеня Игдразия сгнила, уже дрожит мировое дерево, жизнь которого окончится вместе с

твоей. Слышишь ли ты скрежет зубов? Это чудовищный дракон, живущий в царстве Хель, подгрызает снизу его корни.

— Мы ежедневно поливаем Игдразиль водой из священного источника Урд, чтобы залечить его раны. Этим мы продлеваем жизнь могучего ясеня, но мы не можем его спасти, так же как и ты не можешь спасти жизнь Бальдра, — добавила Верданди.

— Подожди, Один, — произнесла Скульд, видя, что голова владыки мира склонилась на грудь. — Выслушай меня! Не вечно Бальдр будет у Хель: он слишком чист и невинен, чтобы навсегда остаться в стране мрака.

С тех пор словно черная туча повисла над Асгардом. Узнав о пророчестве норн, Асы прекратили пиры и забавы. Они оплакивали судьбу всеми любимого лучезарного бога, и только одна Фригг еще надеялась спасти сына.

— Нет, он не умрет, — сказала она и, обойдя Асгард и Митгард, страну гномов и страну эльфов, взяла клятву с каждого металла, с каждого камня, с каждого растения, с каждого зверя, с каждой птицы и с

каждой рыбы в том, что никто из них не причинит вреда Бальдру.

— Утешьтесь и забудьте свою печаль, — объявила она Асам, возвращаясь из странствия. — Не может погибнуть тот, кого ничто не может убить.

Обрадованные боги громко славили Фригг; сам великий Один удивлялся ее премудрости, а Бальдр забыл о своих снах и попросил богов испытать его неуязвимость.

Те охотно согласились выполнить его просьбу и, выйдя вместе с богом весны в поле, стали бросать в него камни, стрелять в него из лука, колоть копьями и рубить мечами.

Бальдр в ответ лишь смеялся: и дерево, и камни, и железо твердо держали данную ими клятву и даже не оцарапали его.

— Тебе больше нечего бояться, брат, — сказал ему Хеймдалль. — С этого дня ты можешь сражаться с любым врагом.

— Я не хочу ни с кем воевать, — рассмеялся Бальдр, — но я рад, что останусь с вами в Асгарде, где так светло и радостно, и не уйду под землю, к мертвым.

Видя и слыша это, Локи сердито хмурился. Он уже давно завидовал доброму

богу весны, а теперь, когда тот стал неуязвим, его злоба еще больше усилилась.

«Вы рано радуетесь, норны не могли ошибиться», — подумал он и, превратившись в бедную старуху странницу, пошел к Фригг.

— Знаешь ли ты, о великая богиня, что сейчас делают твои сыновья? — воскликнул он, входя к ней. — Они за что-то разгневались на прекраснейшего из них, Бальдра, и пытаются убить его камнями и стрелами, копьями и мечами.

— Не бойся, бабушка, — засмеялась Фригг, забыв спросить странницу, как она попала в Асгард. — Бальдр неуязвим. Ни один металл, ни одно дерево, ни один камень не могут его поранить. Иначе они нарушили бы данное мне обещание.

— Ох, так ли это? — прошамкала мнимая старуха. — Со всех ли деревьев и кустарников в мире взяла ты клятву не трогать бога весны?

Мудрейшая из богинь задумалась.

— Видела я на севере Митгарда, в лесах Норвегии, маленькую веточку растения, которое люди называют «омела», — ответила она. — Эта веточка была еще так юна, что ничего не понимала, и я не стала

с ней разговаривать. Позже, когда она вырастет, я попрошу и ее не губить моего сына.

Бог огня еле удержался, чтобы не вскрикнуть от радости. Поспешно покинув дворец Одина, он скинул с себя женское платье, надел крылатые сандалии и, не теряя времени, помчался в Норвегию. К тому времени веточка омелы уже подросла и стала длиннее руки. Локи сорвал ее и, сделав из нее стрелу, вернулся в Асгард.

Боги все еще были в поле, где продолжали испытывать неуязвимость Бальдра, и лишь один слепой Ход уныло стоял в стороне от братьев, прислушиваясь к тому, что они делают.

— Что же ты не стреляешь в бога весны? — обратился к нему Локи.

— Зачем ты смеешься надо мной? Ведь ты же знаешь, что я слеп! — ответил Ход.

— Это не мешает тебе быть таким же хорошим воином, как и остальные Асы! — возразил бог огня. — Не уступай им ни в чем и выстрели тоже. Вот, возьми, — добавил он, подавая слепцу лук и стрелу, которую сделал из ветки омелы, — а я поверну тебя лицом к Бальдру.

Ход, не подозревая коварства Локи, послушно натянул лук и выстрелил прямо перед собой. В тот же миг Бальдр вскрикнул и мертвым упал на землю. Стрела Хо-да пронзила ему сердце.

Асы в горе рвали на себе волосы, а Локи затрясся от страха: он боялся, что Ход его выдаст. Однако тот не успел этого сделать. Боги в бешенстве накинулись на слепого и убили его, так и не спросив, кто вложил ему в руки смертоносное оружие, поразившее светлого бога. Коварный Ас и на этот раз избежал наказания.

На похороны Бальдра пришли не только все Асы, валькирии и эльфы, но и много жителей Йотунхейма — великанов. Даже им, потомкам жестокого Имира и злейшим врагам Асгарда и Митгарда, было жаль того, кто за всю свою жизнь никому не причинил зла. Но больше всего горевали о нем Один и Фригг.

— Выслушайте меня, Асы, — промолвила Фригг, утирая слезы. — Кто из вас решится съездить к Хель и предложить ей выкуп за Бальдра, тот может потребовать от меня все, что хочет. Может быть, дочь Локи согласится отпустить моего сына в обмен на золото или другие драгоценности?

— Я поеду, — сказал младший сын Одина, Гёрмод, юноша, которому едва исполнилось восемнадцать лет. — Пусть только кто-нибудь из вас даст мне на время своего коня.

— Возьми моего Слейпнира, — ответил Один. — На нем ты скорее доберешься до Хель и привезешь нам вести от Бальдра. Тебе надо торопиться: тени двигаются быстрее, чем любое живое существо.

Девять дней и столько же ночей без отдыха скакал Гермод сквозь подземные ходы и пещеры страны гномов, пока не добрался наконец до реки Гйоль, отделяющей страну живых от страны мертвых. Через эту реку перекинут тонкий золотой мост, который охраняет верная служанка Хель — великанша Мёдгуд.

— Кто ты такой, юноша? — спросила она у Гермода, когда он переехал на другой берег Гйоля. — Только вчера по золотому мосту проехало пятьсот воинов, но он дрожал и качался меньше, чем под тобой одним. И ни у кого в стране мертвых не видела я таких румяных щек.

— Да, Модгуд, — отвечал Гермод, — я не тень, а посланник богов и еду к Хель,

чтобы предложить ей выкуп за моего брата Бальдра.

— Бальдр вот уже два дня, как проехал мимо меня, смелый юноша, — сказала великанша, — и если ты хочешь его увидеть, поезжай на север. Там стоит дворец нашей повелительницы. Но берегись: назад она тебя вряд ли отпустит.

Гермод, не отвечая, поскакал туда, куда ему показала Модгуд, и к концу десятого дня пути увидел большой замок, окруженный со всех сторон такой высокой железной оградой, что ее верхние зубья терялись во мраке.

Юноша изо всех сил натянул поводья. Как птица взвился в воздух Слейпнир и, легко перескочив через ограду, опустился у входа в замок старшей дочери Локи.

Много столетий прошло с тех пор, как боги отправили Хель царствовать над тенями умерших, и за это время она стала такой огромной и могучей, что у Гермода, который увидел ее впервые, сердце сжалось от страха.

— Как звать тебя, дерзкий, осмелившийся придти ко мне раньше, чем земля поглотила твое тело? — грозно спросила

Хель, не вставая с трона. — Или ты не знаешь, что отсюда нет возврата?

— Я — Гермод, младший сын Одина и брат Бальдра, — отвечал юноша, подавляя страх. — Асы послали меня к тебе с просьбой отпустить назад бога весны. Они дадут за него любой выкуп.

Хель рассмеялась, но от ее смеха Гермоду стало еще страшней.

— Золота у меня больше, чем у вас в Асгарде, — сказала она, — а какой другой выкуп могут предложить мне Асы? Нет, юноша, мне ничего не нужно. Но я не так зла, как думают обо мне боги. Пусть они обойдут весь мир, и, если увидят, что все в нем, и живое, и мертвое, плачет по Бальдру, если он действительно всеми любим, тогда приезжай ко мне с этой вестью, и я отдам тебе брата. А до тех пор он будет у меня. Ступай домой — ты первый, кого я отпускаю из своего царства.

Узнав от Гермода об условии Хель, боги сейчас же разошлись в разные стороны, чтобы обойти весь мир, и чем дальше они шли, тем радостнее становилось у них на сердце, потому что все живое и мертвое, все, что только встречалось им на пути, плакало по Бальдру. Плакали гномы и

эльфы, плакали люди и великаны, плакали звери и птицы. Даже рыбы в воде и те плакали. Плакали цветы, роняя на землю душистую росу, плакали деревья, с веток которых дождем падали капли сока или смолы, плакали металлы и камни, покрываясь туманной дымкой влаги, плакала и сама земля, холодная и мокрая, не согретая теплым дыханием бога весны.

Один лишь Локи не плакал, а думал, как бы ему провести Асов и навсегда оставить Бальдра у Хель. И вот, когда довольные боги уже возвращались обратно в Асгард, они нашли в одной из пещер Йотунхейма великаншу, которая, увидев их, весело улыбнулась.

— Как, ты не плачешь по Бальдру? — в ужасе спросили Асы.

— А чего мне по нем плакать? — засмеялась великанша. — Пусть Бальдр остается у Хель. Мне он не нужен.

Долго потом разыскивал великаншу бог грома, чтобы убить ее, но так и не нашел, а догадаться, что этой великаншей был Локи, он не мог.

Вот почему Бальдр до сих пор живет у Хель.

Пророчество Валы

Прошло уже множество лет, уже скорбь по светлому Бальдру начала стихать в сердцах Асов, уже побежденные богом грома великаны забыли дорогу в Асгард, уже люди заселили все самые дальние уголки Митгарда, когда на земле появилась пророчица Вала, глаза которой так же ясно видели будущее, как обычный человек видит то, что происходит вокруг него.

Слава Валы разнеслась по свету и достигла даже Асгарда, и великий Один призвал ее к себе, чтобы она поведала ему и его детям об их дальнейшей судьбе.

— Многое знаю я, вижу я, вещая, грозно грядущий жребий богов, — так начала Вала свой рассказ. — Я вижу, как Асы много столетий подряд по-прежнему правят миром, вижу, как растут с годами их богатства и слава, вижу, как поклоняются им люди и как боятся их великаны, но я вижу также, как собираются над ними черные тучи и как с каждым днем приближаются сумерки богов.

Вот одна за другой следуют три зимы с небывалыми морозами и ветрами. Солнца почти не видно: оно покрыто туманом. Но

люди этого не замечают: они сражаются из-за золота, которое ослепило их глаза.

Я вижу, как к концу третьей зимы из подземных недр вырывается могучий Фенрис, а из морских глубин подымается змея Митгард, уже залечившая рану, которую нанес ей сильнейший из Асов.

Я вижу, как Локи собирает всех великанов и они плывут к Митгарду на корабле «Нагльфар». Среди них и могучий великан Сурт с огненным мечом в руках. Велик корабль «Нагльфар» — он сделан из ногтей всех умерших, — и несметное войско везет он по волнам мирового моря.

Вот уже затрубил в свой золотой рог Хеймдалль, вот уже распахнулись все пятьсот сорок ворот Валгаллы, и из каждой ворот вышло по восьмьсот воинов.

Впереди них на своем Слейпнире, с копьем Гунгниром в руках, в крылатом золотом шлеме скачет Один. Остальные Асы тоже вооружаются и спускаются с радужного моста навстречу врагам.

Я вижу, как они встречаются с великанами в долине Вйгрид. А теперь — о горе вам всем! — я вижу, как Фенрис разрывает отца богов и как славный бог грома убивает змею Митгард, но и сам, поражен-

ный ее ядом, успевает отступить от трупа чудовища всего на девять шагов и падает мертвым. Я вижу, как Локи сражается с Хеймдаллем и как они убивают друг друга. Я вижу, как пес Гарм, которого Хель вскормила мясом мертвецов, бросается на Тира и гибнет вместе с ним.

Уже пал прекрасный Фрейр, пораженный огненным мечом Сурта, уже повелитель царства огня убивает Фригг и других богинь, сражавшихся рука об руку со своими мужьями.

Но вот вперед выступает Вíдар. На его ногах башмаки с самыми толстыми в мире подошвами. Они сделаны из всех заплат, которые люди испокон веков накладывали на свою обувь. Он наступает ногой на нижнюю челюсть Фенриса и, вонзив меч ему в нёбо, убивает чудовище.

Вот сыновья Тора Мáгни и Мáди подняли молот отца и тоже вступили в бой. Я вижу, как Сурт погиб под ударом Мйольнира, я вижу, что великаны побеждены, но огненный меч повелителя царства огня упал на ясень Игдразиль, и могучее дерево вспыхнуло. Его корни, источенные драконом, не в силах больше держать ствол, и он падает. Вместе с ним рушится небесный

свод, а земля погружается в мировое море. А вот и волки Скель и Гети проглотили луну и солнце, и больше я ничего не вижу.

Вала умолкла. Угрюмо опустив головы, молчали и Асы. Даже неукротимый Тор не произнес ни слова. Прошло несколько минут, но тут пророчица заговорила вновь:

— Радуйтесь, боги! Я вижу: дым рассеялся, а в небе засияло новое солнце, еще ярче и красивей старого. Асгарда, Митгарда и Йотунхейма больше нет, нет и страны гномов и страны эльфов — одно мировое море с шумом катит свои волны с севера на юг и с востока на запад.

Но не только море и солнце я вижу — я вижу высоко-высоко в небе, там, где раньше был Асгард, но только еще выше его, молчаливого Видара, храброго Вáли, могучих Магни и Моди, меткого Ульра — они остались живы. Вместе с ними Бальдр и Ход, которым удалось вырваться из царства Хель. За поясом у Магни молот его знаменитого отца. Молодые боги разговаривают друг с другом, вспоминая дела и подвиги минувших веков, и строят для себя новую страну, а под ними из волн опять подымается Земля. Она вся зеленая, она покрыта чудесными лесами, садами, пастбищами и

нивами. А вот и люди. Они уже не думают о богатстве. Блеск золота их больше не ослепляет. Они не воюют друг с другом и живут безбедно и счастливо.

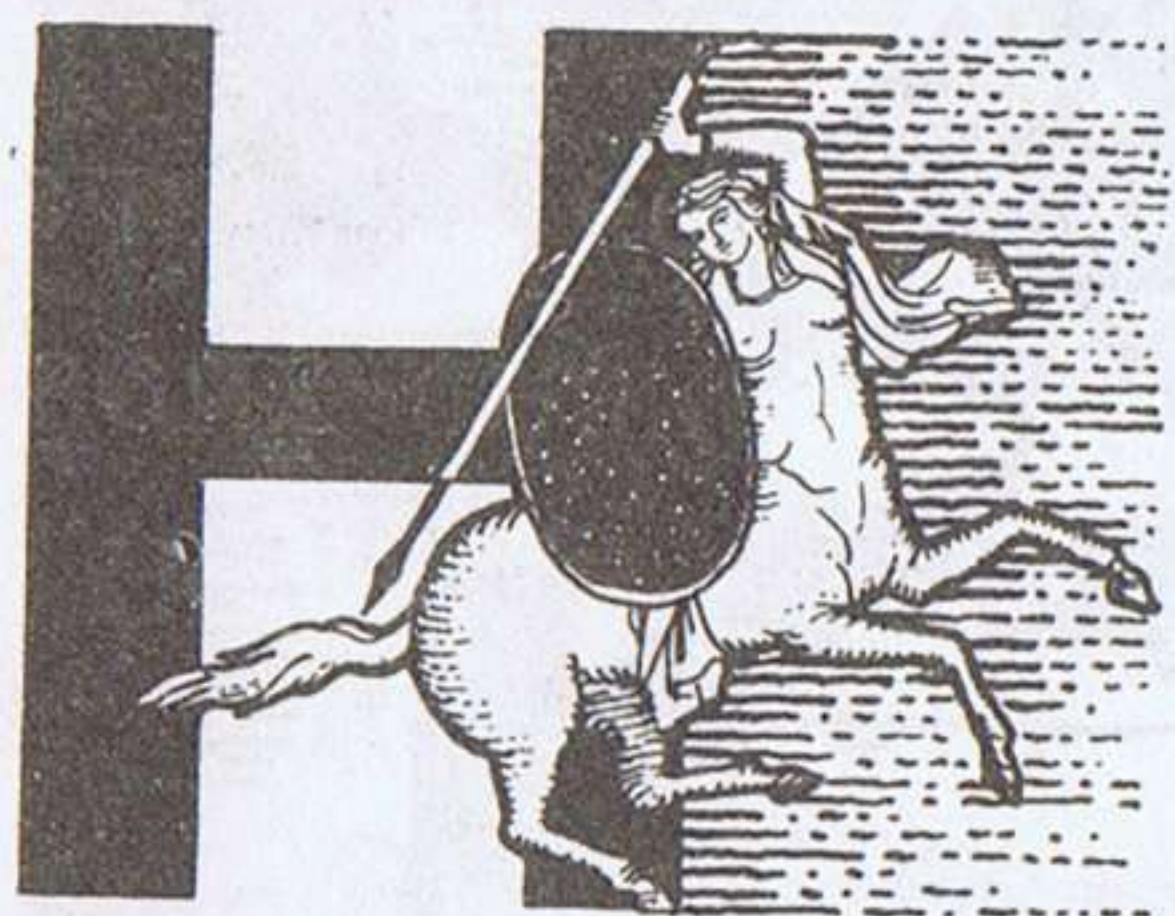
— Когда же это будет, Вала? — спросил ее Один, видя, что пророчица опять замолчала.

— Я могу сказать тебе только, что это — будет, — отвечала она.

И все Асы невольно повторили вслед за ней:

— Это — будет!

На берегах лазурного моря, среди оливковых рощ и невысоких гор с таинственными пещерами и водопадами, жили в далекие времена многочисленные народы — древние греки. Свою прекрасную землю называли они Элладой и очень гордились ею. Да и было чем гордиться. Дивные города возвели эллины, тучные стада овец и коз пасли на склонах гор пастухи. Женщины умели ткать легкие, как пух, и прозрачные, как воздух, ткани, а мужчины не только воевали, но и изготавливали чудесную посуду и украшения. Крепкие и красивые корабли строили греки и бесстрашно отправлялись в далекие плаванья.

Предки древних греков, пришедшие в эту благословенную страну с севера, из

туманной Фракии, принесли с собой веру в великих богов. На берегах ласкового Средиземного моря возводили эллины прекрасные храмы — жилища богов. В Дельфах был выстроен великолепный храм Аполлону. И верили люди, что каждую весну возвращается светлый бог в свой храм из волшебной страны гипербореев. Радостным хором встречают его музы — верные спутницы Аполлона, прекрасные покровительницы искусств. Тогда расцветают белые нарциссы у входа в святилище, слетаются в рощи звонкоголосые птицы и наступает лето.

В то время боги были совсем рядом. В роще или на склоне горы можно было встретить козлоногого бога Пана. В ручьях и заводях прятались пугливые наяды. В лесах можно было увидеть прекрасных нимф и дриад. В любую дверь мог постучаться кто-нибудь из богов.

Наиболее почитаемым местом Греции была гора Олимп, на вершине которой сверкали золотом дворцы великих богов. Могучий Зевс-громовержец наблюдал отсюда за делами людскими и наказывал

предателей и преступников. Никто не мог укрыться от его страшных молний.

Греки — самый поэтичный из всех древних народов. Странствующие певцы-аэды сочиняли удивительные песни и сказания. До нас дошли мифы о богах и титанах, о странствованиях мореплавателя Одиссея, о волшебных странах и о народах, живущих за дальними морями. Самым известным и талантливым сказителем был слепой аэд по имени Гомер. Слава его была так велика, что после его смерти семь городов Эллады спорили за право считаться его родиной. А в древнегреческих школах мальчики и девочки знакомились с мифами своей страны, слушая гомеровские легенды и предания.

Возникновение мира

Вначале существовали только пустота — Ха́ос и Любовь — Э́рос. Кроме них не было ничего — ни земли и неба, ни гор и лесов. Весь мир произошел из Хаоса, а произвела его Любовь — Эрос. Из Хаоса произошла и богиня Земля — Ге́я. Широко раскинулась она — могучая, дающая

жизнь всему, что живет и растет. Далеко под Землей, в неизмеримой глубине родился мрачный Та́ртар — ужасная бездна, полная вечной тьмы.

Великая сила Любви-Эроса продолжала создавать мир. Появились ночь и день и начали сменять друг друга. Гея-Земля породила беспредельное голубое небо — Уран, и раскинулось Небо над Землей.

Уран взял себе в жены Землю — Гею. Детями Урана и Геи были сторукие великаны и циклопы. Они были суровыми и грубыми исполинами, чудовищными и бесформенными, а сторукие обладали к тому же огромной силой, от их тяжести даже стонала Земля. Сам Уран ужаснулся чудовищному облику своих детей, он связал их и бросил их в Тартар.

Сыновьями Урана и Геи были также титаны. И хотя они тоже обладали великой силой и были могучи, но не было в них жестокости и ярости, как у сторуких великанов и циклопов.

Разгневалась Гея на Урана за то, что тот заключил первых ее детей в Тартар, и подговорила титанов отомстить ему. Лишь Океан не принимал в этом участия. Млад-

ший же из братьев, Крон, взял у матери волшебный алмазный серп (только этим оружием можно было справиться с великим Ураном) и ранил отца. После этого титаны освободили из Тартара своих братьев, а власть передали Крону.

Крон снова заковал в цепи и упрятал под землю сторуких гигантов и циклопов. Титаниду Рею взял он себе в жены. С тех пор титаны стали управлять миром: могучий Океан — морскими просторами, Крон — небесами, а младшие братья — землей.

Уран и Гея предсказали Крону, что его собственные дети лишат его власти. Тогда он повелел жене своей Рее приносить ему рождавшихся детей и тут же безжалостно проглатывал их.

В ужас приходила Рея, видя, как жестокий Крон уничтожает одного за другим пятерых ее детей. Не захотела она терять и последнего своего ребенка. По совету родителей, она скрылась от мужа на остров Крит, и там, в глубокой пещере родила младшего сына Зевса. В этой же пещере Рея спрятала сына от Крона, а то-

му дала проглотить камень, завернутый в пеленки.

Прошло время, вырос и возмужал могучий бог Зевс. Он восстал против отца и заставил вернуть на свет поглощенных им детей. Одного за другим изверг Крон из уст своих детей-богов. Они начали борьбу с ним и с титанами за власть над миром. Упорна была эта борьба. Могучи и грозны были титаны. Но Зевсу на помощь пришли циклопы. Они выковали ему громы и молнии — неотразимое оружие. Борьба длилась уже десять лет, но не приносила победы ни той, ни другой стороне. Наконец, Зевс решился освободить из недр земли сторуких великанов и призвал их себе на помощь. Закипела ужасная битва. Впереди богов шли сторукие. Они отрывали от гор целые скалы и бросали их в титанов. Стонала и содрогалась земля, грохот наполнял воздух. Зевс метал одну за другой пламенные молнии. Огонь охватил всю землю, моря кипели, дым и гарь заволокли все густой пеленой.

Наконец, могучие титаны дрогнули. Их сила была сломлена, они были побеждены. Зевс сковал их и бросил в

мрачный Тартар. У медных огромных ворот Тартара встали на стражу сторукие гиганты. Стерегут они, чтобы не вырвались опять на свободу из бездны могучие титаны.

Три сына Крона разделили между собой мир. Зевс стал властвовать на небе, Посейдón — на море, а Айд — в подземном царстве.

Зевс

Велик и могуч бог-победитель, прекрасный Зевс. Высоко на вершине горы Олимп царит он, окруженный другими богами. Здесь и супруга его Гера, и златокудрый Аполлон и сестра его Артемíда, и прекрасная Афродíта — богиня любви, и мудрая Афíна, и много других богов. Высоко над Олимпом раскинулось голубое, бездонное небо, и льется с него золотой свет. Ни дождя, ни снега не бывает в царстве Зевса; вечно там светлое, радостное лето. А ниже клубятся облака, порой закрывают они далекую землю. Там, на земле, весну и лето сменяют осень и зима, радость и веселье сменяют-

ся несчастьем и горем. Правда, и богам знакомы печали, но они быстро проходят, и снова на Олимпе воцаряется радость.

Пируют боги в золотых чертогах, построенных сыном Зевса, Гефэстом. Сам Зевс сидит на высоком золотом троне. Рядом с ним богиня мира Эйрэна и постоянная спутница Зевса, крылатая богиня победы Ника. Юная Геба и любимец Зевса Ганимéd разносят всем амбрóзию и нектáр — пищу и напиток богов. На этих пирах решают боги все дела, определяют судьбы мира и людей.

С Олимпа рассылает Зевс людям свои дары, утверждая на земле порядок и законы. Счастье и несчастье, добро и зло, жизнь и смерть людей — все в его руках. Два больших сосуда стоят у его ног. В одном — дары добра, в другом — зла. Но хотя посылает людям счастье и несчастье Зевс, все же судьбу людей определяет не он, а неумолимые богини — мóйры. В их руках — судьба самого Зевса. Нет такой силы, которая могла бы изменить хоть что-нибудь в том, что предназначено богам и людям. Одни лишь

мойры знают судьбу тех и других. Первая мойра прядет жизненную нить человека, определяя срок его жизни. Оборвется нить, и кончится жизнь. Вторая мойра достает, не глядя, жребий, который выпадает человеку в жизни. Никто не в силах изменить определенной мойрами судьбы, так как третья мойра заносит все, что назначили человеку в жизни ее сестры, в длинный свиток, а что занесено в свиток судьбы, то неизбежно.

Посейдон

Глубоко на дне моря стоит дворец Посейдона — великого брата Зевса. Властвует над морями Посейдон, и волны послушны малейшему движению его руки, вооруженной грозным трезубцем. Там, в глубине моря живет с Посейдоном его супруга Амфитрита. Множество морских божеств окружает Посейдона. Среди них его сын Тритон, громовым звуком своей трубы вызывающий морские бури и ураганы; здесь же сестры Амфитриты, нерейды — дочери морского старца Нерéя.

Когда Посейдон на колеснице мчится по морю, то расступаются перед ним вечно шумящие волны, давая дорогу своему повелителю. Он несется по безбрежному морю, а вокруг играют дельфины, рыбы выплывают из морской глубины. Когда же взмахнет Посейдон своим грозным трезубцем, то, словно горы, вздымаются волны с гребнями пены, и бушует на море свирепая буря. Бьются тогда с шумом волны о прибрежные скалы и сотрясают землю. Но вот простирает Посейдон свой трезубец над волнами, и они успокаиваются. Стихает буря, и снова спокойно море — лишь еле слышно плещется оно у берега, синее, беспредельное.

Аид

Глубоко под землей царит жестокий, мрачный брат Зевса, Аид. Никогда не проникают в его владения радостные лучи солнца. Бездонные пропасти ведут с поверхности земли в царство Аида. Мрачные реки текут там — священная река Стикс и Лета, источник забвения. Забудет все земное тот, кто выпьет его воды. Бескрайние

поля царства Аида заросли цветами дикого тюльпана. Здесь пребывают души всех умерших. Нет никому возврата из этого царства печали. Трехглавый пес Цёрбер, шею которого обвивают шипящие змеи, стережет выход.

Аид сидит на золотом троне, рядом его жена Персефóна. У подножия трона стоит бог смерти Танát. Это он прилетает на землю и забирает души умерших. Здесь же, у трона Аида, и юный бог сна Гíпнос. Неслышно летает он над землей, проливая из рога снотворный напиток. Нежно касается Гипнос волшебным жезлом глаз людей, тихо смыкая веки и погружая в сон. Могуч бог сна, не в силах противиться ему ни боги, ни даже сам громовержец Зевс: и ему Гипнос смыкает грозные очи, навевая глубокий сон.

Аполлон

Бог света, златокудрый Аполлон, родился на острове Дéлос. Пустынен был остров. Кругом шумело море. Уныло поднимались скалы Делоса, обнаженные,

без единой травинки. Лишь чайки морские находили приют на этих скалах.

Но вот родился Аполлон, и повсюду разлились потоки яркого света. Как золотом, залили они скалы Делоса. Все кругом зацвело, засверкало. Громко славили юного бога собравшиеся на Делосе богини. Богиня Феміда смазала нектаром и амброзией его бессмертные уста, и Аполлон обратился к богиням: «Вот я и пришел к вам. Я буду богом лиры* и изогнутого лука, я буду богом прорицаний — стану сообщать людям волю Зевса». Покинув Делос, юный Аполлон помчался по небу с лирой в руках, с серебряным луком за плечами; золотые стрелы громко звенели в его колчане. Он спешил туда, где жил грозный дракон Пифон, преследовавший его мать, богиню Латону. Аполлон хотел отомстить ему за все зло, которое тот причинил матери.

Быстро достиг Аполлон мрачного ущелья — жилища Пифона. Вылез из своего логова ужасный дракон. Тело его, покрытое чешуей, извивалось меж скал бесчисленными кольцами. Горы дрожали

* Лира — музыкальный инструмент.

от его тяжести. Поднялся Пифон, раскрыл пасть и уже готов был проглотить Аполлона. Но зазвенела тетива серебряного лука, сверкнула в воздухе не знающая промаха стрела, за ней другая, третья; стрелы дождем посыпались на Пифона, и он бездыханным упал на землю. Громко зазвучала победная песнь Аполлона. Зарыл он в землю тело Пифона и на этом месте основал храм, который называли «Дельфийским».

Афина-Паллада

Самим Зевсом рождена была богиня Афина-Паллада. Зевс-громовержец знал, что у богини разума, Метис, будет двое детей: дочь Афина и сын, необычайного ума и силы. Мойры, богини судьбы, открыли Зевсу тайну, что сын богини Метис свергнет его с престола и отнимет власть над миром.

Чтобы избежать этого, Зевс проглотил богиню Метис, пока она спала, усыпленная его ласковыми речами.

Через некоторое время почувствовал Зевс страшную головную боль. Тогда он

призвал сына своего Гефеста и приказал разрубить себе голову, чтобы избавиться от этой невыносимой боли. Взмахнул Гефест молотом, мощным ударом расколол череп Зевсу, и вышла на свет из головы громовержца могучая богиня Афина-Паллада. В блестящем шлеме, с копьем и щитом предстала она перед богами. Голубые глаза Афины сверкали божественной мудростью, вся она сияла дивной, небесной красотой.

Афина помогает героям, дает им мудрые советы, спасает во время опасности. Она охраняет города и крепости. Афина дает мудрость и знание, учит людей искусствам и ремеслам.

Гермес

В далекой стране «Аркадия», в тенистой пещере родился сын Зевса бог Гермес. Гермес — посланник богов. С быстротой мысли переносится он в своих крылатых сандалиях с Олимпа на самый дальний край света. Гермес покровительствует путникам в путешествии при жизни, он же ведет души умерших в их последний путь — в царство

Аида. Гермес — покровитель торговли, он посылает людям богатство. Именно он изобрел числа и азбуку и обучил этому людей. Он же и бог красноречия, а вместе с тем — бог изворотливости и обмана. Никто не может превзойти его в ловкости, хитрости, и даже в воровстве, так как он необычайно ловкий вор. Это он в шутку украл у Зевса его скипетр, у Посейдона — трезубец, у Аполлона — золотые стрелы и лук, а у бога войны Ареса — меч. Изворотливый, ловкий, Гермес служит также олицетворением юношеской силы. Он бог молодых атлетов.

Афродита и Эрот

Высокая, стройная, с нежными чертами лица, с прекрасными золотистыми волосами, Афродита — само воплощение божественной красоты и неувядаемой юности.

Афродита появилась на свет из белоснежной пены морских волн, омывающих остров Киферы. Легкий ветерок принес ее на остров Кипр. Там юную богиню встретили нимфы и увенчали чудесным

венком; там же стоит и ее прекрасный дворец.

Когда Афродита летит по воздуху в золотой колеснице, запряженной голубями, ее путь — настоящее триумфальное шествие. Там, где она пролетает, начинает ярче светить солнце, расцветают цветы, звонче поют птицы, дикие звери становятся ручными, а в душу человека проникает свет счастливой любви. Ибо Афродита будит в сердцах богов и смертных любовь и благодаря этой власти царит над миром.

Маленький крылатый бог Эрót — сын Афродиты. Он никогда не расстаётся со своим золотым луком и колчаном, полным острых стрел. Этих стрел боятся даже боги. Ведь стоит Эрóту хотя бы в шутку уколоть кого-нибудь, человека или бога, одной из этих маленьких стрел, как свет становится не мил раненому. Непреодолимая любовь поселяется в его сердце, мучит его, жжет как огнем, заставляя совершать великие подвиги и великие безумства.

ЛЮДИ

Было время, когда боги уже существовали, а люди еще нет. Когда же пришло время для появления смертных существ, боги сотворили их в глубине земных недр из земли и огня.

Первый род людской боги создали счастливым — это был золотой век. Люди тогда не знали ни забот, ни труда, ни печали. Им не приходилось трудиться на возделывании полей и садов. Земля сама давала им богатые плоды, и жизнь их была вечным праздником. Но золотой век кончился, и никого не осталось из людей той эпохи.

Второй людской род уже не был таким счастливым. Это время называли серебряным веком. Люди эти не могли сравниться с людьми золотого века ни телом, ни душой. Сто лет росли они неразумными в родительских домах и, только возмужав, покидали их. Коротка была жизнь их в зрелом возрасте, много несчастья и горя видели они в жизни. Непокорны были люди серебряного века, не повиновались они бессмертным богам. Прогневался на них

Зевс и уничтожил их род на земле, поселив их в подземном царстве.

Тогда создал Зевс третий род людей, третий век — век медный. Не похож он на серебряный. Из древка копья создал Зевс людей, наделив их громадным ростом и несокрушимой силой. Люди медного века не знали земледелия и не ели плодов, которые дают сады и пашни. Гордые, непокорные, возлюбили они войну. Оружие их было выковано из меди, из меди были и дома. Своими собственными руками уничтожили они друг друга.

Лишь только этот род сошел в царство теней, тотчас же великий Зевс создал на земле четвертый род, более благородный, более справедливый, род героев-полубогов. Но и они все погибли в злых войнах.

Последний, пятый век — железный. Он продолжается и теперь. Ночью и днем, не переставая, губят людей печали и изнурительный труд. Боги посылают им тяжкие заботы. Правда, к злу примешивают боги и добро, но все же зла больше, оно царит повсюду. Не соблюдают люди данной клятвы, не ценят правды

и добра, разрушают они города, убивают друг друга. Богини Совесть и Правосудие покинули землю и взлетели на высокий Олимп. А людям остались только беды, и нет у них защиты от зла.

Потоп

Много преступлений совершали люди. Надменные и нечестивые, не повиновались они богам-олимпийцам. Громовержец Зевс прогневался на них и решил уничтожить весь род людской. Он задумал послать на землю такой сильный ливень, чтобы все было затоплено. Зевс запретил дуть всем ветрам, лишь влажный южный ветер гнал по небу темные дождевые тучи. Ливень хлынул на землю. Вода в морях и реках подымалась все выше и выше, заливая все кругом. Скрылись под водой города со своими домами и храмами, не видно было уже и башен. Постепенно вода покрыла все — и поросшие лесом холмы, и высокие горы. Вся Греция скрылась под бушующими волнами моря. Одиноко подымалась лишь вершина двуглавого Парнаса.

Так погиб весь людской род. Лишь двое спаслись среди этой общей гибели — Девкалион, сын титана Прометея, и его жена Пирра. По совету отца Девкалион построил огромный ящик, сложил туда съестные припасы и вошел в него вместе с женой. Девять дней и ночей носило ящик Девкалиона по морю, покрывшему всю сушу. Наконец, волны пригнали его к вершине Парнаса. Ливень прекратился. Девкалион и Пирра вышли на сушу и принесли благодарственную жертву Зевсу. Вода схлынула, и снова показалась из-под волн земля — опустошенная, подобная пустыне.

Тогда Зевс послал к Девкалиону вестника богов Гермеса. Быстро пронесся он над опустевшей землей и предстал перед Девкалионом.

— Властитель богов и людей Зевс, видя твое благочестие, повелел тебе выбрать награду, — сказал Гермес, — скажи твое желание, и сын Крона исполнит его.

Девкалион ответил:

— О великий Гермес, об одном лишь молю я Зевса: пусть опять населит он землю людьми.

Гермес понесся обратно на светлый Олимп и передал богам мольбу Девкалиона. Тогда Зевс повелел Девкалиону и Пирре набрать камней и бросать их, не оборачиваясь, через голову. Девкалион исполнил веление громовержца. Из камней, которые бросал он, создались мужчины, а из камней, брошенных Пиррой, — женщины. Так землю заселил новый род людей, происшедших из камня.

Подвиги Геракла

В те далекие времена, когда жили на земле богоравные герои, у царицы Алкмёны родился сын. Радовалась мать рождению маленького Геракла, радовался и отец его — великий Зевс. В тот же день он созвал всех богов на Олимп и сказал:

— Слушайте меня, боги! Я сделаю Геракла могущественнее и сильнее всех царей на земле. Когда этот мальчик вырастет, он совершит двенадцать великих подвигов, и в награду за них вы, боги, сделаете его бессмертным. Так решил я, Зевс.

Богиня Гера, жена Зевса, стала преследовать маленького Геракла с самого первого дня его жизни. Узнав, что он родился и лежит, завернутый в пеленки, она подослала к младенцу двух змей. Была уже ночь, когда подползли они к колыбели и уже собирались, обвившись вокруг тела Геракла, задушить его, как сын Зевса проснулся. Он протянул ручки к змеям, схватил их и сдавил с такой силой, что сразу задушил. В ужасе вскочила Алкмена со своего ложа, громко закричали прислужницы. Все окружили колыбель и увидели чудо: новорожденный Геракл держал двух громадных задушенных змей, которые еще слабо извивались в его крошечных ручках.

Геракл вырос и стал могучим юношей. Ростом он был на целую голову выше всех, а сила его далеко превосходила силу обычного человека. Никто не мог сравниться с ним ловкостью в военных упражнениях, а луком и копьем он владел так искусно, что никогда не промахивался. Меч Гераклу подарил Гермес, лук и стрелы — Аполлон, золотой пан-

цирь сделал Гефест, а Афина соткала для него одежду.

Счастливо жил Геракл. Но богиня Гера по-прежнему пылала ненавистью к сыну Зевса. Она устроила так, что он стал слугой жалкого и трусливого царя Эврисфёя и все свои подвиги совершал по его приказу.

Однажды появился перед Гераклом вестник богов Гермес и сказал:

— Брат мой Геракл! Выслушай повеленье отца нашего Зевса. Иди в Аргос. Там царствует Эврисфей — презренный трус и негодяй. Ты должен стать его слугой. Делай все, что он повелит тебе, хотя могучему будет приказывать ничтожество.

Услышав волю богов, Геракл содрогнулся от гнева и обиды. Он уже слышал об удивительной трусости царя Аргоса. Говорили, что Эврисфей боится даже собственной тени. Но, вспомнив, что это воля самого Зевса, Геракл смирился. Он тут же отправился в путь и вскоре прибыл в Аргос.

Узнав о приходе Геракла, Эврисфей обрадовался, но вместе с тем и побледнел

от страха. Ему было очень приятно, что боги заставили такого смелого человека служить ему, но он испугался, как бы Геракл не вздумал убить его и захватить Аргосское царство. Из трусости Эврисфей даже не вышел к Гераклу, а приказал ему ждать у порога. А сам начал думать, как бы сделать так, чтобы самому прославиться, а Геракла погубить. Но лишь только глупый царь попробовал думать, он сейчас же заснул как убитый. Во сне явилась ему богиня Гера и посоветовала послать Геракла на охоту за Немейским львом.

Эврисфей проснулся очень довольный и приказал Гераклу убить Немейского льва.

Немейский лев

Немейский лев был не простой зверь, а страшное волшебное животное, сын дракона и гигантской змеи Ехидны. Жил он в Немейской долине и наводил на всех ужас своими набегами.

На заре Геракл пришел в Немейскую рощу. Он осмотрелся по сторонам, не прячется ли зверь где-нибудь между деревьев. Но его не было видно. Геракл вспомнил, что этого льва нельзя убить ни стрелой, ни мечом, потому что шкура его тверже камня. Тогда он вырвал с корнем молодой дуб, обрубил ветви и сделал палицу, твердую, как железо. Затем он влез на дерево и крепко заснул. Проспал Геракл десять дней и ночей, набираясь сил, а когда проснулся и увидел, что лев так и не пришел, то пустился в путь. Но еще не выйдя из рощи, он заметил прямо перед собой огромного каменного льва, лежащего на холме над самой дорогой.

Геракл решил, что это окрестные жители высекли из камня такое удивительное изваяние. Он спокойно остановился, дивясь столь искусной работе, как вдруг страшилище подняло голову и с грозным рычанием вскочило на ноги. Геракл тотчас же натянул лук, прицелился прямо в глаз ужасного зверя и спустил стрелу. Золотая стрела блеснула, как молния, но, должно быть, зверь успел опустить каменное веко, потому что она со звоном

отлетела назад. Лев же отпрянул в сторону и с ревом помчался прочь. Геракл повесил лук на плечо, крепко сжал в руке дубину и побежал следом, дивясь трусости столь свирепого зверя. Но сын Зевса помнил, что Немейский лев хитер, поэтому он осторожно бежал по его следам, опасаясь, что лев спрятался где-нибудь в засаде и может неожиданно напасть на него. Так Геракл дошел до горы, заросшей кустами. Он облазил скалы и обшарили кусты, но врага своего так и не увидел. Между тем наступила ночь. Геракл разжег костер, чтобы зверь не напал в темноте, а как только стемнело, услышал глухое рыканье чудовища, кружившего возле костра. Геракл дождался луны и сразу увидел льва. Тот стоял на горе и смотрел на огонь. Геракл сейчас же схватил палицу и полез вверх по склону. Но когда он дошел до вершины, лев пропал, точно провалился сквозь землю.

Целую ночь Геракл разыскивал льва и только на рассвете увидел в кустах у подножия горы большую пещеру. Догадавшись, что в ней-то и прячется враг, он смело раздвинул кусты, но сразу оста-

новился. Пещера была сырая, темная и такая тесная, что в ней негде было размахнуться дубиной. Геракла охватил страх. Зверь заметил это и приготовился напасть, но Геракл зажег от костра большую ветку и, пугая его огнем, погнал вглубь пещеры. Чем дальше он шел, тем выше поднимались пещерные своды. Геракл уже поднял дубину, чтобы ударить зверя, но в эту минуту лев скрылся за выступом скалы. Геракл побежал за ним и с разбегу выскочил из пещеры. Оказалось, что хитрый зверь устроил себе логово с двумя входами; он обежал гору, снова вошел в пещеру через первый ход, снова выскочил из второго и помчался к первому. Так Геракл гонялся за львом до поздней ночи, пока наконец не понял, что никогда не настигнет зверя, если не измыслит какой-нибудь хитрости. Подумав хорошенько, он сложил перед первым входом огромный костер, а сам поспешил ко второму и целую ночь таскал к нему большие обломки скалы, пока наконец не завалил дыру до самого верха.

На заре он вернулся к первому входу и, размахивая горящей веткой, смело по-

шел на врага. Увидев, что ему больше некуда деться, лев повернул назад и с яростным ревом бросился на Геракла. Подняв дубину, сын Зевса со страшной силой ударил зверя по голове. Каменный череп треснул, и Немейский лев упал к ногам Геракла. Тогда он бросился на льва и задушил его могучими руками.

Когда Геракл принес убитого зверя Эврисфею, тот задрожал от страха и зависти, но все-таки пошел посмотреть на шкуру. Он шел навстречу Гераклу важно и медленно, как подобает царям. Но как только он увидел ужасную голову льва с оскаленной пастью, то сразу же забыл про свою царскую важность, закрыл руками лицо и убежал во дворец. Весь дрожа, он велел передать Гераклу, чтобы тот никогда не смел приносить добычу к нему во дворец, а показывал бы ее издали с высокого холма. Геракл усмехнулся, но послушался и унес львиную шкуру, чтобы прибить голову льва над городскими воротами.

Целую ночь Эврисфей злился на Геракла за то, что тот выполнил задание и вернулся живым. Целую ночь думал он,

как бы поскорей погубить Геракла, куда бы его отправить на верную смерть.

Под утро царь заснул. Во сне ему опять явилась богиня Гера и посоветовала послать героя в ядовитое Лернейское болото, где жила ужасная змея Гидра — младшая сестра Немейского льва.

Битва с Лернейской Гидрой

Не возразив ни слова Эврисфею, снарядился Геракл на новый подвиг. На этот раз он отправился в путь на колеснице, которой управлял юноша Иолáй, и быстро достиг источника Амимóны, за которым тянулось бесконечное море кочек.

Оставив коней у источника, Геракл взял священный меч, подаренный Гермесом, и ступил на болотную почву. Ноги его сразу же утонули в бездонной трясине, от запаха ядовитых трав кровь прилила к голове. Осторожно нащупывая дорогу, Геракл ступал с кочки на кочку. Но вот он сделал неверный шаг и провалился по пояс. Еще немного — и трясина затянула бы его с головой, но он шагнул еще раз и нащупал твердое дно. Стоя на

цыпочках, ухватившись руками за мох, Геракл закричал Иолаю, чтобы тот поскорее бросил ему с берега вожжи. Иолай привязал к вожжам камень и кинул Гераклу. Схватив камень, Геракл повис на вожжах, а Иолай подхлестнул коней, и они, дружно рванув колесницу, вытащили героя на край трясины. Но едва он вскочил на ноги и отер ядовитую грязь, как услышал отчаянный крик Иолая.

Юноша прыгал на колеснице, показывая рукой в густые заросли тростника. Взглянув туда, Геракл вздрогнул: прямо к нему ползло по болоту отвратительное чудовище с девятью головами — Лернейская гидра. Все девять змеиных голов шипели, высунув раздвоенные жала.

Шаг за шагом Геракл стал отступать к берегу, стараясь опять не провалиться в трясины. Нечего было и думать сражаться со змеей на болоте. Геракл двигался медленно, а клубок змеиных голов все быстрее катился к нему. Гидра наступала так стремительно, что ему пришлось защищаться мечом. Но едва он вышел на берег, она повернула назад.

Тут Геракл понял, какое трудное задание дал ему Эврисфей. Успокоив дрожащего Иолая и коней, которые жались друг к другу, он стал соображать, как ему выманить Гидру на твердую почву. Поразмыслив, он приказал Иолаю захватить на северный край болота, откуда дул ветер, и поджечь сухой тростник. Иолай так и сделал. Желтый огонь весело побежал по болоту. Едкий дым пополз по трясине, и ветер погнал его к тому месту, где засела Лернейская гидра. Почувяв огонь, чудовище выползло из засады и заскользило по кочкам к берегу, стараясь скрыться в лесу. Но сын Зевса уже поджидал змею. Как только первая голова коснулась земли, Геракл одним прыжком наступил ей на шею и ударом меча отсек голову. Тогда остальные восемь голов, выпустив жала и обнажив ядовитые зубы, накнулись на героя. Тепло змеи оплело ему ноги точно железными путами, а смертоносные зубы и жала скользили по панцирю, стараясь найти незащищенное место.

Меч Геракла блистал как молния. Одну за другой отрубил он еще семь голов,

но девятую, самую злобную и большую, никак не мог одолеть, потому что она была бессмертной. Острый клинок проходил сквозь нее, как сквозь студень, не оставляя никаких следов. Сбросив с себя змеиные кольца, Геракл схватил голову голыми руками и стал душить, но вдруг увидел, что остальные восемь голов опять отросли и набросились на него с новой яростью. Увертываясь от Гидры, Геракл рубил и рубил мечом, а головы все отрастали и отрастали. И всех страшнее шипела средняя, бессмертная голова. Скоро Геракл устал рубить. Он уже терял надежду одержать победу над Гидрой, как вдруг его осенило. Он стал кричать Иолаю, чтобы тот принес горящую ветку.

Храбрый юноша тотчас понял, что надо делать. Как только Геракл отрубал очередную голову, Иолай прижигал огнем рану. От этого шеи Гидры сморщились, и новые головы перестали расти. Так погибли все восемь голов ядовитой Лернейской гидры. А девятую, бессмертную, Геракл завалил большими камнями.

Сколько ни билась змея — она не смогла стряхнуть каменной груды.

Торжествуя победу, Геракл обмакнул стрелы в ядовитую змеиную кровь и пропитал их ядом, чтобы они разили насмерть. Подобрал отсеченные головы, он вскочил в колесницу, и кони помчали его прямо в Аргос, к царю Эврисфею.

А царь тем временем замышлял для Геракла еще более опасные поручения. Много подвигов совершил славный сын Зевса на службе у трусливого Эврисфея: он победил страшного вепря, изгнал Стимфальских птиц с медными когтями и клювами, очистил Авгиевы конюшни, сразился с кентаврами — чудесными существами, наполовину людьми, наполовину конями, поймал золоторогую лань богини Артемиды. Но чем больше подвигов совершал могучий герой, тем опаснее и труднее становились новые задания Эврисфея.

И вот ничтожный царь вновь потребовал к себе своего великого слугу.

Путешествие Геракла за золотыми яблоками Гесперид

— Дошла до меня, — сказал Эврисфей Гераклу, — удивительная весть. Далеко от нас, где-то на самом краю земли, на берегах могучего океана, есть сад, который разбил на голых скалах титан Атлант. Стерегут сад прекрасные сестры-вечерницы — Геспериды. В самой глуши сада растет чудесное дерево: ствол его тонок и строен, ветви гибки, а на них висят золотые яблоки, каких никогда не видели глаза человека. Я хочу, чтобы ты достал мне три таких яблока. Ты смел и силен, но не рассчитывай на легкость этого дела. Знаешь ли ты, кто такой Атлант, хозяин сада? Слушай, я расскажу тебе...

На краю света, над темной и страшной бездной, широко расставив ноги, стоит, нагнувшись, великан. Могучими руками он уперся в небо и поддерживает небесный свод. Стоит ему хоть на минуту отпустить руки, и небо рухнет на землю, тучи сорвутся с него, упадут и луна и солнце, посыплются вниз яркие звезды.

Настанет конец всему. Этот великан и есть Атлант. Ему некогда самому стеречь золотые яблоки. Но он дорожит ими больше, чем жизнью. Поэтому в помощь сестрам Гесперидам он приставил злого дракона Ладона. У этого чудища — только один глаз, но зато он никогда не закрывается, и горе тому, кого увидит бессонное око дракона...

Выслушав Эврисфея, Геракл немедленно отправился на поиски удивительного сада. Долго блуждал он по земле, но никто не мог рассказать ему, где живут сестры-вечерницы.

Наконец, придя на берег северной реки Эридан, он услышал в ее волнах нежные, как шелест струй, голоса. Это были нимфы. Им стало жаль Геракла, и они посоветовали ему побеседовать с их отцом — Нереем.

Выслушав героя, Нерей раскрыл ему тайну. Сады Атланта лежали далеко за желтыми песками Африки, за дикими степями, где бродят львы и ползают змеи. Но грознее всех змей и всех львов сын Земли, великан Антей.

Боги приказали ему никого не пропускать через свои владения, и великан неуклонно выполнял этот приказ. Каждого, кто приближался, он заставлял помериться с ним силой. Это было совсем безнадежно — ведь голова Антея возвышалась над самыми высокими пальмами его страны. Мало того, его нельзя было утомить в бою, потому что стоило ему почувствовать усталость, он прикасался к своей матери-Земле, и тотчас же в него вливалась новая сила. Вот почему он уничтожал одного за другим всех противников.

Этот рассказ не смутил Геракла. Смело вступил он на горячие пески Ливийской пустыни, и скоро впереди показалась огромная фигура Антея. Рассерженный гигант протяжным окриком остановил героя у границы своих владений и без долгих рассуждений ринулся на него.

Началась жестокая битва.

Обхватив друг друга руками, кружились враги по пустыне. Песчаные вихри вздымались от их ног и скоро затмили солнечный свет. Но сила Антея все росла — ведь он стоял ногами на родимой земле, — а Ге-

ракл начал уже уставать. И тут он вспомнил, что говорил ему старец Нерей. Собрав последние силы, он поднял Антея высоко в воздух.

Тотчас гигант стал слабеть. Тщетно тянулся он руками и ногами к матери-Земле, чтобы набраться силы. Геракл, дрожа от напряжения, держал его на весу и не давал прикоснуться к Земле. И скоро великан стал слабее малого ребенка.

Геракл совсем не хотел зла Антею. Но ему нужно было во что бы то ни стало пройти через его владения.

— Пропусти меня через пустыню, Антей! — попросил он.

— Нет, — ответил гигант, — я не могу сделать этого. Я не могу нарушить волю богов.

Гераклу пришлось убить великана. Затем он устремился дальше и скоро добрался до сада Гесперид. Сестры-вечерницы приветливо встретили героя. Но они не смели сами касаться золотых яблок. Нарвать их мог только хозяин сада — Атлант. Тот охотно подарил бы Гераклу яблоки, но не мог ни на миг выпустить из рук край неба, который держал: иначе наступил бы

конец мира. С трепетом глядел Геракл на согнувшегося под тяжестью неба титана и на неизмеримый груз, лежавший на его плечах. Но иного выхода не было, и он предложил Атланту сменить его, пока тот будет рвать золотые яблоки.

Атлант согласился. Радостно выпрямил он затекшие за многие тысячи лет плечи, полной грудью вдохнул воздух. В тот же миг страшная тяжесть налегла на Геракла. Кости его затрещали, ноги по колено ушли в землю, жилы на лбу надулись. Тяжелый вздох вырвался из его груди — герой застонал под непомерным грузом. Он стоял, обливаясь потом, час, другой, третий. Стиснув зубы, держал он на себе небо, пока Атлант рвал яблоки.

Атлант был простодушен, но считал себя хитрецом. Ему очень не хотелось снова становиться на свое вековечное место.

— Вот что, сын Зевса... — предложил он, не глядя ему в глаза. — Давай сделаем так: ты поддержи еще немножко небо, а я схожу за тебя в Грецию и отнесу яблоки Эврисфею. Не стоит тебе утомляться. Ты и так устал от вечных скитаний.

Однако Геракл сразу разгадал эту неловкую хитрость.

— Я согласен, о небодержатель, — отвечал он. — Пусть будет по-твоему. Но непривычная тяжесть больно врезается мне в плечи. Позволь же мне сделать мягкую подушку и подложить ее под этот груз, и тогда ступай куда хочешь.

Добродушный Атлант еще не имел дела с обманщиками-людьми. Он сразу поверил Гераклу и покорно взвалил на себя небо, ожидая скорого освобождения.

На этот раз Геракл не сдержал слова. Подняв с земли лук, дубину и колчан, он взял яблоки и сказал Атланту:

— Прости меня, благородный Атлант! Я обманул тебя. Но ты сам знаешь — даже я не в силах выполнять твою работу. Не сердись на меня. Оставайся с миром.

— Увы! — вздохнул опечаленный великан. — Ты прав, Геракл. Я не сержусь на тебя. Это я виноват, что хотел обмануть тебя. Ступай с миром, и да будет легок твой путь!

Так они расстались. Чтобы отблагодарить хозяина, Геракл ударил мечом по скале, возвышавшейся невдалеке. Чис-

тый, как хрусталь, источник тотчас хлынул из рассеченного надвое утеса — и мирной прохладой повеяло на титана, не знающего сна. Умиротворенный, он остался стоять на своем месте, Геракл же отправился в Грецию. А тот океан, на берегу которого он обманул титана Атланта, люди и до наших дней зовут Атлантическим.

Пленение трехглавого пса Цербера

Одиннадцать великих подвигов совершил на службе у царя Эврисфея непобедимый Геракл. Одиннадцать раз возвращался он с победой в Аргос. Даже завистливый и жадный Эврисфей начал наконец чувствовать себя в долгу перед своим великим слугой. Но в то же время, готовя для сына Зевса последнее, двенадцатое задание, он придумал самое страшное, самое опасное дело. Он решил отправить Геракла в царство Аида — Тартар.

Вы уже слышали о мрачных владениях бога Аида, куда нет доступа живым лю-

дям. Лишь тени умерших спускаются в Тартар, чтобы навсегда остаться там. Седой старик Харон за медную монетку перевозит их в дырявом челне на другой берег реки Стикса. Нет человеческого теньям выхода из Тартара на землю: все выходы из него стережет трехглавый пес Цербер. На шее у него извиваются ядовитые змеи, хвост же оканчивается головой дракона с громадной пастью. Горе тому, кто захочет, миновав страшного Цербера, выбраться из подземного царства обратно на свет! С громкими стонами скитаются тени умерших по царству Аида, но выйти оттуда не могут.

И вот царь Эврисфей приказал Гераклу спуститься в Тартар и, поймав Цербера, привести его на цепи в Аргос.

Прежде чем пускаться в путь, сын Зевса сходил в город Элевсин, к мудрецам. В глубокой ночной тишине, при мерцающем свете факелов, старейший мудрец шепнул ему на ухо волшебное элевсинское слово: оно освобождало от страха смерти. Узнав это слово, человек уже ничего не боялся.

Смело направился после этого герой в дикие скалистые горы, где была расселина, ведущая в темный Тартар.

Чем дальше он шел, тем тесней сдвигались вокруг него голые утесы, тем глубже и мрачнее становилась долина. Перестали звенеть цикады, скрылись куда-то птицы. Только змеи зловещим шипением провожали Геракла. Жабы расплазались из-под его ног, вороны, сидя на засохших деревьях, хрипло каркали ему вслед. Наконец сын Зевса увидел мрачный вход в пещеру. Холодом, сыростью и смертью веяло оттуда; от этого холода вздрогнул даже смелый воин, победивший Лернейскую гидру и Немейского льва.

В последний раз взглянул он вверх, в далекое синее небо, на белые облака, а затем перешагнул через страшный порог. И в тот же миг кто-то взял его под руку.

— Не бойся, сын Зевса, — сказал звонкий молодой голос. — Наш отец послал меня, чтобы я довел тебя до дворца Аида. Иди за мной. Не в первый раз мне приходится проходить этот страшный путь.

Геракл оглянулся и увидел рядом с собой улыбающегося юношу с лукавыми глазами. Маленькие крылышки трепетали у него на круглой шапочке; маленькие крылышки были и на тонких сандалиях. Плутоватый взгляд так и бегал вокруг. Геракл сразу узнал в нем своего старшего брата Гермеса — небесного посла, бога торговцев, выдумщиков-изобретателей, а также бога всяких хитростей и плутней.

Вместе с ним спустился бесстрашный герой под мрачные своды подземного царства. В страхе отпрянули в стороны легкие тени умерших при виде живого человека, облаченного в панцирь, с львиной шкурой на плечах. Только одна тень осталась на месте, уставив на путников страшные неподвижные глаза. Геракл узнал ее — то была ужасная Медуза Горгона. На голове у нее росли не волосы, а змеи, тяжелый взор обращал в каменный столб каждого, кто случайно взглядывал ей в глаза.

Нахмурясь, поднял было Геракл тяжелую палицу, но Гермес тихонько коснулся его локтя.

— Не тревожься, брат, — шепнул он, — ведь это не сама Медуза, это только ее бес- сильная тень. С тех пор, как великий Пер- сей, герой такой же смелый, как ты, убил ее, она уже ни для кого не опасна.

Геракл опустил палицу, и они прошли мимо.

Тени обступили Геракла. Много знако- мых встретил он среди них. Защиты и помощи просили они у сына Зевса, но он ничем не мог помочь им.

Наконец вдали, в глубоком мраке, встал перед ним пышный и тяжелый дво- рец Аида — царя подземного мира.

Аид насупил было брови, увидев перед собой живого Геракла. Но когда тот шеп- нул ему на ухо волшебное элевсинское слово, морщины на его лбу разгладились. Милостиво выслушал он просьбу героя и, подумав немного, сказал:

— Хорошо, сын брата моего, Зевса. Пусть будет так, как ты просишь. Я по- зволю тебе увести моего верного пса в мир живых. Но для этого ты должен сам, без оружия, поймать его. Ступай, и да сопутствует тебе удача.

Тотчас же пустился Геракл на поиски Цербера. Вскоре до него донесся грозный лай, и он увидел трехглавого пса, несущегося навстречу.

Опершись на дубину, ждал его Геракл, и когда страшный зверь с воем бросился ему на грудь, он отшвырнул далеко прочь палицу и мощными руками стис- нул сразу все три его шеи.

Неистово рвался и бился в этих объ- ятиях злобный сторож подземного царства. Но все было напрасно — руки Геракла сжимались все туже. И вот наконец по- никли все три головы. В страхе припал к ногам героя трехглавый страж и с жалоб- ным визгом стал лизать его сандалии. Тогда Геракл сковал его цепью и вывел из Тартара на землю. В ужасе завыл рожденный во мраке пес, как только первый луч солнца коснулся его глаз, — ведь он никогда не видал дневного света. Ядовитая пена выступила на трех его мордах, и там, где она падала на землю, вырастали ядовитые цветы.

Наконец Геракл, ведя за собой Цербе- ра, пришел в Аргос. Едва взглянув на чу- довище, Эврисфей закричал:

— Довольно, Геракл! Я не смею держать у себя на службе того, кто победил саму смерть. Сведи скорее это чудовище обратно в темный Тартар и потом ступай куда хочешь. Ты выполнил все двенадцать заданий, ты совершил двенадцать подвигов. Испытания кончились. Ты свободен.

После смерти Геракла Афина-Паллада и Гермес вознесли на светлый Олимп величайшего из героев. Там встретили его могучие боги и в награду за подвиги на земле даровали ему бессмертие. Сама Гера, забыв свою ненависть, отдала в жены герою свою дочь, юную богиню Гебу. И теперь вместе с другими олимпийцами пирует богоравный Геракл во дворце отца своего, Зевса.

А мы, смертные люди, тоже можем увидеть божественного Геракла, если посмотрим на небо в звездную ночь. Там мы найдем яркое созвездие, названное в его честь. А рядом с созвездием Геракла сверкает созвездие Гидры, в память о Лернейском чудовище, побежденном сыном Зевса.

ПОХОД АРГОНАВТОВ ЗА ЗОЛОТЫМ РУНОМ*

Давным-давно в Греции, между двух синих морских заливов, в глубокой долине, отгороженной высокими горами от всего остального мира, лежала страна Беотия.

Под синим небом ее высоко вздымалась вершина таинственной горы Геликón, где обитали богини искусств — музы.

В те времена, о которых пойдет рассказ, владыкою Беотии был коварный и жестокий царь Пелий.

Однажды он возвращался с купания в свой дворец в городе Иólке. Царь ехал задумавшись. Вдруг колесница замедлила бег: посреди площади шумела толпа народа.

— Что там такое? — спросил Пелий у сопровождавшего его вельможи.

* Руно — шкура барана.

— Ничего особенного, о царь! — ответил тот. — А впрочем, я ошибся: там стоит странный юноша, прикрытый пестрой шкурой барса. Он прекрасен, как юный бог винограда Дионис. И у него только одна сандалия — на правой ноге.

Вельможа сказал это и вздрогнул, потому что Пелий крепко схватил его за локоть.

— Сандалия на одной ноге? — вскрикнул царь. — О горе! Я погиб! Разве ты не помнишь?

Много лет назад мудрые жрецы бога Аполлона предсказали Пелию: «Ты будешь царствовать спокойно и счастливо, но лишь до тех пор, пока тебе не встретится человек, обутой только на одну ногу. А когда это случится — дни твои сочтены, и гибель неизбежна. Тогда — не борись с судьбой!»

Царь Пелий был коварен и себялюбив, но ни трусость, ни глупость не были свойственны ему. Черные глаза его сверкнули из-под мохнатых бровей; он вырвал поводья из рук возницы и, круто натянув их, подъехал к юноше.

— Странник, — сказал он, надменно взирая на толпу с высоты колесницы. — Скажи нам, кто ты, куда держишь путь и где живут твои родные? Но отвечай только правду. Страшись осквернить уста ложью: с тобой говорит непростой человек.

— Я тоже непростой человек! — спокойно ответил юноша. — Я Язон, сын Эсона.

Вздрогнул при этих словах жестокий царь. Вспомнил он, как много лет назад коварством захватил власть, свергнув своего брата Эсона. Но смелый юноша говорил так простодушно и открыто, большие глаза его смотрели столь бесхитростно и честно, что Пелий почувствовал, как надежда зародилась у него в сердце.

«Он простак, этот сын Эсона! — подумал Пелий. Не надо его раздражать. С таким человеком хитростью и притворной лаской так же легко совладать, как с молодым львенком».

И, прищурясь, он ответил Язону совсем мирно:

— Юноша, знай же, что сам Пелий говорит с тобой. Я не тиран и не враг

тебе. Боги решили судьбу твоего отца. Я только выполнял их волю. И теперь я не осмелюсь идти наперекор воле богов. Но знай: прежде чем получить из моих рук царство, ты должен совершить великое дело, чтобы умиловать их.

Не так давно ночью, во время бури, явился ко мне вестник богов Гермес. «Царем Беотии, — сказал он мне, — будет лишь тот, кто овладеет Золотым Руном и водворит его в здешнем храме».

Я стар, Язон. Я не могу, соперничая с тобой, пуститься в далекий путь. Соверши великий подвиг, найди волшебное руно, вечно сияющее, как жар, в темной роще на берегу Черного моря. В тот же час я без споров передам тебе законную власть.

Гордо поднял кудрявую голову молодой сын Эсона, услышав такие речи.

— О Пелий! — вскричал он. — Клянусь дымом родного очага, клянусь сединами отца моего, клянусь моей кровью до последней капли — я выполню волю богов! Какие бы препятствия ни стояли на моем пути, я уничтожу их. Я овладею волшебным руном и верну его в Грецию!

Так говорил юноша, а Пелий, слушая его, прятал усмешку в черной жесткой бороде: он не верил, что кто-либо сможет овладеть чудесным руном. Он надеялся, что Язон погибнет в походе. И эта надежда веселила его...

Месяца не прошло, как не осталось человека во всей Греции, который бы не знал, к чему готовится храбрый юноша из дальнего Иолка. Понемногу со всех сторон в тихий Иолк стали собираться смельчаки из разных концов страны. Много явилось сюда храбрецов, чьи имена наводили страх на недругов.

Пришел быстрый, как лесной олень, Мелеагр, славный победитель Калидонского вепря. Постучались в двери Язона товарищи Мелеагра по страшной охоте: покоритель чудовища Минотавра Тезей, могучий Анкей, осторожный и хмурый боец Теламон. Не отставая друг от друга ни на шаг, с одинаковой усмешкой на лицах, пришли прекрасные близнецы Кастор и Полидевк — дети божественной Леды. Два других брата, сыновья могучего бога северных ветров Борей, прилетели к Язону на широких крыльях,

которые им подарил их свирепый отец. Явился на призыв Язона и быстроглазый Линке́й — опытный кормчий, глаза которого видели сквозь воду и сквозь камни.

Но еще раньше, задолго до того, как Язон отобрал из пришедших храбрецов крепкую дружину, застучали молотки и топоры неподалеку от Иолка на песчаном берегу полуострова Магнэзии. То славный строитель кораблей Арг положил начало Язонову кораблю.

Арг не один создал такое чудо, говорили люди, ибо все должны были признать, что другого такого корабля еще не видели глаза человека. Нет, конечно! Ему, наверное, помогала мудрая Афина, богиня всех искусств и художеств. Недаром старый строитель по ночам не отлучался от своего детища! Недаром в корму корабля вделал он кусок от ствола священного дуба из ее рощи, вырезал на нем ее изображение. Без помощи богов не мог человек соорудить подобное судно!

Наконец корабль был готов. А незадолго до этого дня еще один герой присоединился к Язоновой дружине. То был славный певец Орфе́й, который принес с

собой не меч и не копье, как другие, а только золотую лиру.

Наступил долгожданный срок.

Утром Арг откинул волосы с покрытого потом лба и засмеялся — впервые за много дней. Суровые плотники ударили по смолистым клиньям, удерживавшим судно на берегу. Подобно лебедю, сходящему с берега в воду, скользнул гордый корабль на пенные волны залива. Стремительно двинулся «Арго» вперед, унося моряков-аргонавтов.

Так начался великий поход аргонавтов.

День, другой, третий скользил над морскими просторами белый парус «Арго». К исходу третьего дня герои услышали впереди тяжелый шум и плеск. То доносился до них как бы гул мощного прибоя, то словно ревела буря или падал в пропасть гигантский водопад, то раздавались страшные удары грома.

Встав во весь рост на носу корабля, зорко вглядывался в волны кормчий Линкей. Вдруг, словно увидев что-то страшное, он закрыл глаза руками.

Там впереди, как раз на пути легкокрылого судна, море кипело, бурлило и пенилось. Две огромные скалы возвыша-

лись в тумане, но то были не простые скалы, а плавучие страшные Симплегады. Эти скалы ни минуты не пребывали в покое. Они то отходили одна от другой, и тогда море между ними становилось обманчиво гладким и спокойным. То внезапно страшные утесы устремлялись навстречу друг другу. Все быстрее и быстрее неслись они, раскачиваясь на волнах, все сильнее ревела и клокотала пучина вокруг них. Наконец с неистовым грохотом, в облаке водяной пыли, вздымая до неба пену, они сшибались вместе. Казалось, весь мир содрогается вокруг. Но в этот миг плавучие горы снова начинали удаляться в разные стороны. Страшно было издали глядеть на это чудо; между тем нельзя было проплыть на восток, не пройдя меж ними.

Замедлили аргонавты бег своего судна и стали держать совет.

— Прежде чем пытаться проскользнуть между утесами, — сказал один, — надо пустить в эту теснину белого голубя, любимую птицу Афродиты. Пролетит голубь — промчится вслед за ним и «Арго». Погибнет крылатый разведчик —

лучше дожждаться более благоприятного времени.

Гребцы налегли на весла. Линкей выпустил из клетки серебристо-белого голубка. Снежной пушинкой проскользнула птица в воздухе, ринулась между разошедшихся в стороны скал, и в тот миг, когда они уже мчались друг на друга, молнией пронеслась меж них. С грохотом сшиблись утесы. Но голубь уже опередил их.

Вот он несется назад к «Арго», вот садится на мачту... О счастье! Только одно-единственное перо из хвоста вырвали у него плавучие горы. Значит, нельзя терять ни минуты...

И вот герои уже пенят воду шумными веслами. Вихрем летит «Арго» в мрачное ущелье, а скалы, покачиваясь в тумане, уже начинают сближаться. Точно стрела, неся вперед корабль. Пенные гребни обрушились на него. Раздался грохот, какого не выдержать уху простого смертного. Но скалы не успели столкнуться. Только одну доску из корабельного руля вырвали они, растерли в щепки и начали расступаться в стороны.

Когда же гребцы, переведя дух, подняли весла, чтобы оглянуться, вдали за кормой они увидели только тихий пролив между неподвижными рядами утесов. Так сбылось веление богов: если хоть один корабль пройдет между Симплегадами, их движение должно прекратиться навеки.

Двадцать дней и двадцать ночей несли по морю славный «Арго». Наконец, под вечер двадцать первого дня, Линкей увидел далеко-далеко над волнами темную гряду гор. Аргонавты еще не знали, к этим ли горам лежит их путь, но плыли вперед.

Внезапно до их слуха донесся далекий стон, исполненный нестерпимой муки. Аргонавты содрогнулись. Им показалось, что это сами горы застонали от невыносимой боли. «Что это? Что это?» — шептали, оглядываясь, воины Язона.

— Восславь великих богов, о Язон, — воскликнул плывший с аргонавтами прорицатель, — ибо ты привел нас к цели! Страна эта — Колхида. Здесь хранится Золотое Руно. Разве ты не слышал страшных стонов? Знай же: это стонал

могучий титан Прометей, наказанный великим Зевсом. Прометей возлюбил людей сильнее, чем своих братьев богов. Он похитил у Зевса огонь его молний, отнес его на Землю и научил людей пользоваться им. Только после этого они стали людьми, а до этого жили как дикие и несчастные звери. Люди возблагодарили титана. Но за такую великую дерзость всемогущий Зевс приковал его к горам Кавказа и повелел своему орлу каждый день терзать тело несчастного. Мука эта длится уже много столетий. Но близится время его избавления. Могучий Геракл придет сюда, убьет орла и освободит Прометея. Это случится скоро, но еще не сейчас. Теперь же, о Язон, повелевай нами, ибо мы достигли конца нашего пути.

Пока он говорил это, корабль «Арго» вплотную подошел к берегу. Аргонавты бросили якорь в тихой бухте и, выйдя на берег, сразу же принесли жертвы всем богам Греции и Колхиды. Они молили светлых богов не препятствовать им, потому что знали: как ни труден был путь из Иолка до Колхиды, только здесь на-

чиналась самая тяжкая часть великого подвига.

Настала ночь. Темнота окутала землю. В камышовых зарослях, фыркая, бродили барсы и вепри дикой страны. А поодаль за рекой мирно спал на холме темный дворец царя Колхиды Ээта. Спал за его толстыми стенами сам суровый царь, спали царские дочери, спали воины и слуги — и никто из них не знал, чему суждено случиться завтра.

Рано утром Язон со спутниками направился к горе, на которой стоял великолепный дворец Эета — сына бога солнца Гелиоса. Высокие стены дворца поднимались над скалами; всюду белели ряды мраморных колонн, сверкала медь украшений. У самых ворот аргонавты встретили прекрасную темнокудрую девушку. Это была дочь царя Эета Медéia. Она громко вскрикнула от неожиданности, увидев могучую дружину. На крик вышел из дворца и сам царь. Он приветливо встретил чужеземцев и пригласил их к себе для пира и отдыха.

В это время словно трепещущий луч солнца на мгновение прорвался сквозь

тучи. То сын Афродиты, маленький Эрот, прилетел во дворец. Спрятавшись за одной из колонн, он огляделся. Прямо перед собой он видел Язона: героя обнимал чернобородый Эет. Вокруг толпились, оглядывая друг друга, воины-колхидцы и аргонавты. А поодаль стояла высокая стройная девушка.

«Она похожа на богиню ночи, — подумал Эрот, — она прекрасна. Что ж? Тем лучше!» Он улыбнулся, поднял лук и, прищуря один глаз, нацелился прямо в сердце Медеи. Тоненько свистнула стрела. Медея побледнела. В глубине ее глаз вдруг вспыхнул яркий огонь. Ни на минуту не отрываясь, она смотрела теперь только на Язона. Она уже не видела никого в мире, кроме него...

Очень довольный такой удачей, сын Афродиты бросил последний взгляд на дело рук своих и улетел прочь.

Допоздна затянулось в тот день пиршество в богатом замке царя Колхиды. Возлежа за обильной трапезой вокруг уставленного яствами стола, весело праздновали аргонавты свое прибытие.

Но едва Эет услышал про замыслы Язона, как лицо его вспыхнуло гневом.

Черные глаза засверкали, сросшиеся брови, такие же густые, как у его дочери Медеи, сдвинулись вместе.

— Как, дерзкий чужестранец! — вскричал он, ударив кулаком по столу. — Оказывается, ты осмелился незванным явиться в мою страну за тем, чтобы похитить у меня лучшее из моих сокровищ? За это одно ты уже достоин смерти! Но я не верю тебе! Не за божественным руном ты пришел к нам. Ты замыслил отнять у меня мою власть, овладеть моими землями. Прочь отсюда, лжец и предводитель лжецов, или всех вас ожидает страшная гибель!

Ропот прокатился по залу, где шел пир. Руки аргонавтов сами собой потянулись к мечам. Но Язон дал своим товарищам успокоительный знак.

— Успокойся, сын Гелиоса! — сказал он, глядя прямо в черные глаза Эета. — Клянусь великими богами, я не посягаю ни на твою власть, ни на твое царство. Я приплыл сюда за волшебным руном. Его я и прошу у тебя как милости. Я не богат, не богаты и мои спутники. Но у нас много силы и мужества. Прикажи — и за руно я выполню, не стыдясь этого,

любую работу, сослужу какую хочешь службу. Ты знаешь, зачем мне нужно это руно: оно вернет мне похищенное царство.

Долго думал Эет. Попеременно то опасение, то надежда, то лукавство отражались на его лице. Наконец он сказал:

— Что ж, чужестранец, пожалуй, я отдам тебе Золотое Руно. Но перед этим ты должен выполнить нелегкое дело. Есть недалеко отсюда поле, посвященное богу войны Аресу. Вот уже много столетий его не касались ни плуг, ни лопата. Ты должен вспахать это поле бронзовым плугом, если сможешь запрячь в него двух моих меднорогих быков. Затем ты засеешь поле, но не зернами пшеницы, а зубами дракона. Быстро прорастет посев. Из-под земли появятся воины в медной броне. Ты должен сразиться с ними в одиночку. Если исполнишь урок — Золотое Руно твое.

Царь сказал это и замолчал, ожидая, что ответит Язон.

Предводитель аргонавтов поднял голову.

— Пусть будет так, великий царь! — сказал он. — Я сделаю все, что ты при-

казал. Но, смотри, не нарушай и ты своего обещания.

Задумчивые и смущенные, вернулись на свой корабль аргонавты. Сомнение охватило их: урок, заданный Эетом, многим казался невыполнимым.

Но вот заговорил прорицатель:

— Мне ведом один лишь путь, ведущий к цели, — сказал он. — Царь Эет — великий волшебник, и бороться с ним не сможет смертный. Но дочь царя Медея — тоже колдунья. Надо добиться, чтобы она стала на нашу сторону. Если это случится, мы преодолеем все!

Глубокой ночью верный слуга принес аргонавтам радостную весть: смуглолицая Медея согласна помочь Язону и ждет его в храме богини колдовства Гекаты.

Там Медея передала юноше волшебную мазь и сказала:

— Когда наступит утро, натри этой мазью свое тело и оружие. Тогда, о Язон, ты будешь непобедим. Делай то, что поручил тебе Эет. Но помни одно: как только зашевелится земля на пустынном поле Ареса, как только покажутся острия копий и медных шлемов, — метни в их гущу тяжелый камень. Метни

его и сражайся без страха — руно будет твоим.

Как только взошло солнце, Язон натер себя и свое оружие волшебной мазью Медеи и спустился на берег. Там уже собрались в ожидании невиданного зрелища тысячи колхидцев. Язон нашел на поле огромный железный плуг и двинулся к далекой горе, туда, где чернел узкий вход в пещеру. Вдруг оттуда вырвались два огромных быка и с хриплым мычанием ринулись навстречу герою. Пыль и дым окутали место схватки. Когда же они рассеялись, все увидели, что Язон уже запряг одного из быков в плуг и надевает ярмо на другого. Вспахав поле, Язон принял из рук Мелеагра короб с зубами дракона и пошел по бороздам, разбрасывая вокруг себя страшные семена. Скоро и этот труд был закончен.

Сначала на поле все было тихо. Но вот кто-то вскрикнул в ужасе. Над землей показался, проколов почву, кончик бронзового копья. Вот рядом с ним появился другой, третий, сотый — и множество блестящих шлемов сразу поднялось над полем. Еще мгновение — и тесный

строй воинов плечо к плечу вырос над пашней. Вдруг один из них увидел Язона. С тяжелым звоном они все разом повернулись к герою.

Но Язон не дрогнул. Подняв огромный обломок скалы, он швырнул его в самую гущу войска. Медные воины тотчас ринулись туда, где упал камень. В то же мгновение обрушился на безумных Язон. И скоро на поле остался он один. Кругом лежали тела поверженных воинов.

С радостными криками бежали навстречу герою его друзья. Эет же, возвратясь во дворец, заперся в своих покоях. Он твердо решил не выполнять данного слова и каким угодно способом погубить ненавистных аргонавтов.

Ночной порой, когда все спали, Медея пробралась на корабль, разбудила аргонавтов и сказала:

— Спасайтесь от мести Эета и бегите, потому что он не сдержит слово и не захочет отдать вам Золотое Руно. Но я отведу тебя, отважный Язон, в рощу Ареса и помогу добыть его.

Под покровом ночи они отыскивали священную рощу бога войны. Роща была

погружена во тьму, но Золотое Руно издали светилось среди ветвей высокого дуба, и каждый его завиток сиял в темноте, как звезда. У корней дуба лежал дракон с вечно недремлющими очами. Медея усыпила его своими заклинаниями, тогда Язон бросился к дереву и снял с него сияющее руно.

— Золотое Руно твое, — сказала Медея. — Теперь ты увезешь его, Медея же останется здесь на вечную скорбь и муку.

Вздрогнул Язон, услышав эти слова, и обещал, что тут же увезет молодую царевну в далекую Грецию и сделает там своей женой.

А между тем аргонавты подняли парус, готовясь к отплытию. Язон и Медея взошли на палубу корабля. Дружно ударили весла, запенились волны, и быстро-летный корабль исчез в темноте.

Быстро скользил «Арго» по водной глади лазурного моря. К вечеру над водой закружился туман несколько островков, похожих на встречные корабли, показались на горизонте.

Вдруг из тумана слышалось пение. Женские голоса, сначала далеко, потом все ближе и ближе, все громче и громче зазвенели в воздухе. В недоуменье переглянулись герои. Они не могли понять, откуда доносится пение. И хотя аргонавты не слышали слов, им чудилась в звуках мольба и тревога, жалобный нежный призыв.

— Это песня смерти, — сказал наконец Язон. — Кто-то тонет в тумане и взывает о помощи.

По знаку Язона гребцы схватились за весла, и «Арго», весь в пене и брызгах, понесся сквозь плотный туман на призывные звуки.

И вот навстречу кораблю точно всплыл из-под воды неведомый островок. У подножия островка кипели буруны, острые рифы, скрытые под водой, грозили неосторожным пловцам, а у самых скал темнели останки погибших кораблей.

Но аргонавты не замечали ни бурунов, ни опасных рифов. Сильными взмахами весел гнали они свой корабль прямо на скалы. Там, над самой водой, сидели три девы-певицы. Они манили к се-

бе аргонавтов и пели волшебную песнь. Их волосы отливали на солнце то медью, то зеленью. Это были коварные сестры-Сирены. Они протягивали руки навстречу героям. Большие глаза, холодные, как глаза змей, не отрываясь, следили за «Арго». И, повинуясь колдовскому взгляду, аргонавты направили корабль прямо на камень.

Только мудрый Орфей не поддался волшебству. Встав на носу корабля, он ударил по струнам золотой лиры и запел так, что заслушались сами Сирены. Голос певца показался им слаще и чище их собственных голосов. А звуки его лиры так удивили сестер, что они замолчали, в недоумение глядя на быстро идущий корабль.

Но как только пение Сирен прекратилось, один за другим очнулись гребцы. Волшебные чары слетели с них, и легкий корабль, едва не ударясь о камень, свернул на восток и помчался от острова прочь.

Так уплыли аргонавты от страшного острова и коварных Сирен.

Но недолго продолжалось спокойное плавание наших героев. Внезапно впереди послышался грохот волн, точно буря летела им навстречу. Слева они увидели берег, а справа — огромный, поросший лесом остров. Между островом и землей показался очень узкий, стиснутый скалами пролив. С одной стороны слышался хриплый собачий лай, точно тысячи псов собрались на скале. С другой — грозно ревела пучина, и с каждой минутой нарастала волна.

Слыша грохот и лай, кормчий Линкей повернул налево. Он подумал, что псы на скале не очень опасны. Лучше плыть мимо них, чем попасть в ревуший поток.

Но как только «Аргó» приблизился к левому берегу, Язон закричал:

— Держи правее, Линкей! Посмотри: это страшная Сцйлла.

Аргонавты взглянули наверх и увидели на скале отвратительное чудовище. Шесть свирепых волчьих голов, разевая пасти с тремя рядами зубов, раскачивались над бездной. Двенадцать звериных лап со стальными когтями тянулись навстречу «Арго».

В страхе Линкей направил корабль к правому берегу. Но не успел он еще отойти от Сциллы, как справа разверзлась огромная пасть другого чудовища. Волны бурным потоком хлынули прямо в разинутый зев, как в бездонную пропасть, увлекая корабль за собой.

— Назад! — закричал Язон. — Гребите назад. Берегитесь Харибды!

Изо всех сил работали веслами аргонавты, борясь с яростным течением. Только чудом им удалось задержать корабль и причалить к покрытому тиной рифу, внезапно поднявшемуся из волн, потому что Харибда втянула в себя всю воду и море вдруг обмелело.

— Как только чудовище выпустит воду обратно, — сказал аргонавтам Язон, — сразу беритесь за весла. Если нам не удастся пройти, пока оно переводит дыхание, мы никогда не увидим Эллады. Ставьте же парус.

Пока он так говорил, волны с шумом помчались обратно. Но гребцы уже были готовы: весла ударили по воде, парус с треском развернулся во всю ширину, и корабль, как стрела, пролетел мимо обо-

их чудовищ. Долго слышали аргонавты, как лает им вслед свирепая Сцилла, как ревет и фыркает в гневе Харибда, но теперь они были спокойны, и, опустив парус, потихоньку гребли на восток.

Весело трепетал под ветром холщовый парус крепкодонного «Арго». День и ночь неустанно гребли аргонавты, приближаясь к заветной земле. И вот наконец они увидели вдали берег и очертания Иолка.

Свежий ветер родины доносил до них запах травы, только что скошенной поселениями Иолка, запах спелого винограда и тучной земли. Язон и Медея стояли на носу корабля. Счастливый герой любовался картиной родного берега.

— Видишь пристань и храм, — говорил он царевне. — А вон там среди зелени плоская кровля. Это домик Эсона. Там ты найдешь отца, добрее и лучше Эета. А вот и высокий дворец коварного Пелия.

— Возьми-ка лиру, Орфей, — попросили певца братья Кастор и Полидевк. — Свольной песней влетим мы в родимую гавань Язона.

Так закончился поход аргонавтов за Золотым Руном. Впереди у наших героев еще множество удивительных приключений и замечательных подвигов. Но это уже другие легенды, другая история...

Древние римляне были ближайшими соседями и учениками греков. Они переняли греческие нравы и обычаи, науку и даже богов. Римские боги носят другие имена, но в главном боге — Юпитере — всегда можно узнать Зевса-громовержца, греческий бог морей Посейдон похож как две капли воды на Нептун, а в римском Плутоне легко угадывается бог подземного царства Аид. Афину-Палладу римляне называли Минервой, Афродите — Венерой, Гермеса — Меркурием, Эроса — Амуром. Греческие мифы легли в основу преданий и легенд. Один из таких римских мифов называется Амур и Психея.

АМУР И ПСИХЕЯ

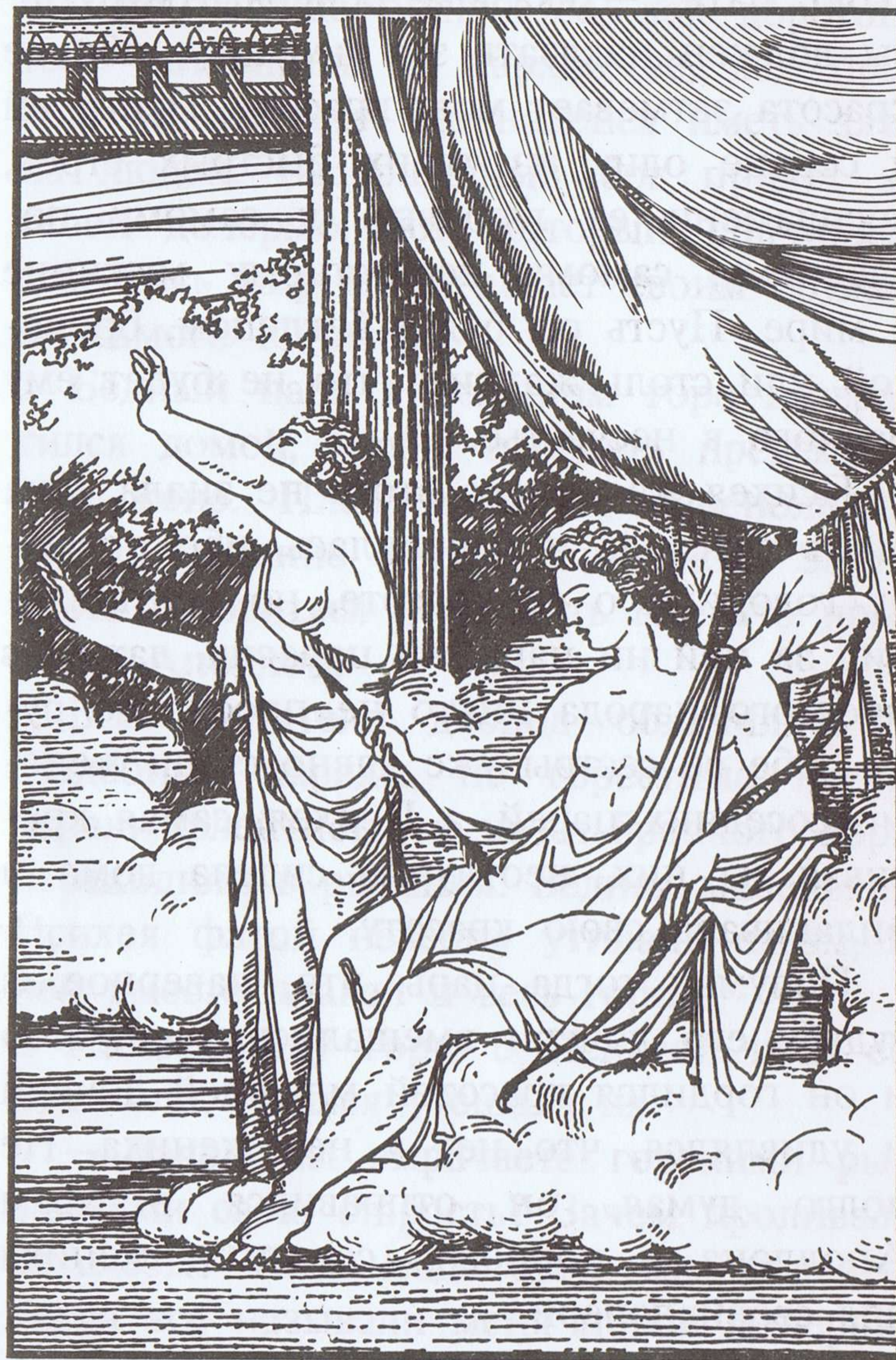
Жили некогда царь и царица. Было у них три дочери, одна красивее другой. А самая младшая была столь прекрасна, что нельзя и рассказать.

Из далеких земель приходили полюбоваться ее красотой. Люди уже стали говорить о том, что сама богиня любви и красоты Венера появилась среди них. И не плели они более венков для алтаря Венеры, а сыпали цветы под ноги младшей дочери царя.

Разгневалась на это богиня Венера и сказала, тряся в негодовании головой:

— Неужели же с этой смертной девушкой я разделю мое божественное достоинство? Больше я не могу это переносить!

И она призвала своего сына, крылатого, молодого бога — шаловливого, дерзкого Амура. Она привела его в тот город, где жили царские дочери, и показала ему Психею. Так звали самую младшую дочь царя.

— Если ты действительно любишь свою мать, — сказала Венера Амуру, — ты должен наказать эту девушку, ибо ее красота затмевает мою красоту. Пусти ей в сердце одну из твоих быстрых стрел, воспламени ее любовью к самому последнему, самому несчастному мужчине в мире. Пусть он будет беглецом, бродягой или столь жалким, что не будет ему равного в несчастье.

Психея же ничего этого не знала. Она лишь грустила и печалилась, ибо повсюду говорили о ее красоте, но не приходил за ней ни царь, ни царевич, даже из простого народа никто не просил ее руки. Обе ее сестры уже давно стали женами соседних царей, а Психея, самая красивая из них, неотлучно сидела дома и оплакивала свою красоту.

Подумал тогда царь, что, наверное, в судьбу его дочери вмешались боги. Ибо и он гордился красотой младшей дочери и удивлялся, что нет у нее жениха. Не долго думая, он отправился в храм Аполлона и попросил совета и жениха для своей дочери.

Аполлон так ответил царю:

— Поставь свою дочь на вершину горы, но раньше оплачь ее, как дорогого тебе покойника, и наряди ее, как прекрасную невесту. Не надейся иметь зятя из людей. Беспощадный бог придет за твоей дочерью, бог, который подчиняет себе весь мир и устрашает своим оружием самого Юпитера.

Бедный царь в большом горе возвратился домой, чтобы передать предсказание жене. Плач и стоны переполняли дом в течение нескольких дней. Затем стали готовиться исполнить все, что приказал Аполлон.

Все обитатели дворца облачились в свадебные наряды, но горестные песни играли флейтисты, а звуки брачного хора переходили в рыдания. Бедная маленькая Психея фатой невесты утирала слезы, с ней вместе плакал и весь город.

На вершину горы с Психеей шли ее родители. Психея утешала их:

— Зачем вы омрачаете горькими рыданиями свою старость? Зачем проливаете слезы? Тогда надо было вам плакать, когда все называли меня новой Венерой. Ибо я знаю и чувствую, что ныне должна я быть наказана за свою безмерную

красоту. Ведите же меня быстрее на вершину горы. Зачем медлить, оттягивать то, что должно случиться?

Они ускорили шаги, проводили дочь на вершину горы и оставили ее одну на скале, залив слезами свадебные факелы. Возвратился домой весь свадебный хор, возвратились и несчастные родители, они забились в самый темный угол дворца, ибо после утраты дочери не хотели больше видеть белый свет.

Психея же плакала на вершине скалы, и все тело ее содрогалось от страха. Но вот подул западный ветер, мягкий Зефир. Нежно касаясь складок одежды девушки, он понемногу надул, словно паруса, мягкий шелк ее платья, поднял и понес в горные долины. В одной из них, самой укромной, он и уложил Психею на мягкое ложе цветущего луга.

После долгого плача Психея уснула на росистой траве. Пробудившись ото сна, она встала освеженная, в хорошем настроении.

Когда же она огляделась вокруг, то раскрыла рот от удивления, увидев необычайную красоту. Огромные деревья украшали рощу, в которой струился чис-

тый источник. Но что же высилось рядом с источником? Царский дворец! Всякий, имеющий глаза, увидел бы, что создан он не человеческими руками. Золотые колонны поддерживали резной потолок из лимонного дерева и слоновой кости, со стен смотрели на входящих, как бы встречая их, отлитые из серебра изображения животных. Нога маленькой Психеи то здесь, то там ступала по алмазам и настоящим жемчугам. Все кругом сверкало. Дворец не нуждался в окнах для освещения, ибо изобилие золота заменяло солнечный свет.

Вся эта красота так ослепила Психею, что она забыла про страх. Оглядевшись вокруг, она увидела целую грудку таких сокровищ, которые ей никогда и не снились. Подивилась Психея тому, что эти сокровища не упрятаны под замок и никто их не охраняет.

И вдруг услышала она голос, называвший ее по имени. Она оглянулась, но никого не увидела. А бестелесный голос говорил:

— Зачем удивляешься этим сокровищам, госпожа? Ведь это все твое. Иди же в свою спальню, отдохни на ложе, а

затем, если тебе будет угодно, прими освежающее омовение. Мы, бестелесные голоса, — твои слуги, ты не пожалуешься на нас. Когда же ты совершишь омовение, будет накрыт царский стол.

Все произошло так, как она пожелала. Она выпалась, затем умылась и уже тогда села за стол, уставленный снедью. Она пила и ела, а невидимые музыканты играли для нее и пели.

Так в наслаждении она провела день, вечером же отправилась ко сну. Была уже ночь, когда услышала она чей-то нежный, но звонкий голос. То был ее неизвестный муж.

Он был подле нее до рассвета, а затем ушел. Так проходил день за днем. Психея никогда не видела своего супруга, а только слышала его голос. И этот голос был счастьем в ее одинокой жизни.

Между тем родители ее все более старились, и горе их не ослабевало. Со временем весть об исчезновении Психеи достигла и соседних стран. Услышали эту весть и сестры Психеи. Одевшись с ног до головы в траур, они поспешили к родителям, чтобы их утешить.

В ту же ночь невидимый супруг сказал Психее:

— Дорогая Психея, любимая моя жена, величайшая опасность угрожает нашему счастью. Сестры твои ищут тебя и скоро придут на ту горную вершину, откуда я тебя унес. Если ты услышишь их жалобные речи с вершины, не отвечай им, ибо ты причинишь мне большое горе, а на себя навлечешь ужасную опасность.

Психея обещала, что все будет так, как хочет ее супруг.

Но весь следующий день бедняжка провела в слезах. Теперь она чувствовала себя запертой в тюрьме и лишенной человеческого общества, ведь она даже не могла видеть своих дорогих сестер, не могла утешить их, хотя они печалились именно о ней.

Ночью пришел ее супруг, обнял ее, заплаканную, и стал корить с нежной грустью:

— Разве это ты мне обещала, Психея? Как я могу надеяться на тебя, если ты день и ночь проводишь в слезах и даже в моих объятиях продолжаешь плакать? Делай же, как тебе хочется, уступи сво-

им желаниям. Ты еще вспомнишь о моих словах, но будет уже поздно.

Слезам и мольбам добилась Психея позволения пригласить сестер в свой дворец. Супруг уступил ей и разрешил одарить сестер золотом, драгоценными камнями — чем только захочет. Он только предупредил ее, чтобы она не слушала советов сестер и не уступала бы желанию видеть мужа. Иначе он должен будет покинуть ее навсегда.

Психея поблагодарила супруга и обещала, что все будет так, как он хочет.

— Лучше я сто раз умру, чем лишусь тебя, — добавила она, утирая слезы.

Утром сестры Психеи уже стояли на том утесе, откуда она исчезла. Они горько плакали, призывая Психею, так что имя ее повторяло эхо гор.

Внизу, в глубине долины, услышала это Психея, выбежала из дворца и воскликнула:

— Не плачьте, не печальтесь более, ибо я, кого вы оплакиваете здесь!

И тут Зефир перенес к ней на своих легких крыльях ее сестер. Вот была радость, когда они встретились! Как они обнимали и целовали друг друга!

Но если вначале сестры радовались тому, что встретились с младшей сестрой, которую считали погибшей, то потом, увидев окружающую их роскошь и множество драгоценностей, они воспылали завистью. Конечно, самым большим их желанием было узнать, кто же может быть хозяином этого чудесного дворца, кто же супруг Психеи. Они расспрашивали об этом Психею, но та не забыла запрещения мужа. Сначала она отмалчивалась, но сестры все не унимались.

Поэтому бедняжка была вынуждена солгать. Она сказала им, что ее супруг — прекрасный молодой человек, с мягким пушком на подбородке, что он редко бывает дома, ибо занят охотой в лесах и полях. А чтобы не открылся ее обман, она тотчас поспешила распрощаться с дорогими гостями. Она подарила им драгоценных ожерелий и прекрасных украшений столько, сколько они могли унести, а затем легкий Зефир отнес их обратно.

В дороге зависть сестер еще больше усилилась.

— Вот как несправедлива судьба, — начала одна из них. — Как же так? Мы

все трое — дети одних родителей, царские дочери, и вот мы с тобой должны жить в чужой стране и прислуживать своим мужьям, а она, самая младшая, — жена бога! Ты видела, сестра, сколько сокровищ в ее дворце, сколько там золотых ожерелий, прекрасных одежд, сколько блестящего жемчуга! И если правда то, что она рассказала о своем муже, то, наверное, ее божественный супруг и ее сделает богиней. А я, несчастная, могу любоваться только лысиной своего старого мужа, который все в доме держит от меня на замке!

— Можешь не говорить об этом, — продолжала другая, — знает о том и Психея. Поэтому она и вела себя с нами, как со служанками своего мужа. Или ты не заметила, как высокомерно она с нами разговаривала, как быстро выпроводила нас из дома, как скупой одарила драгоценностями? Отомстим же Психее за этот позор, лишим ее этого великого счастья!

Тотчас же договорились сестры никому ни о чем не рассказывать. Они спрятали сокровища, подаренные им Психеей, разорвали свои одежды, докрасна

натерли глаза и в слезах вернулись к родителям. Бедные родители, горько рыдая, оплакивали Психею, а их завистливые дочери вынашивали тем временем черные планы.

На следующую ночь муж сказал Психее: — Знаешь ли ты, какая опасность угрожает тебе? Твои сестры стремятся разрушить наше счастье. Они придут, чтобы уговорить тебя тайком увидеть меня. Но предупреждаю, что увидев меня один раз, ты больше не увидишь меня совсем и даже голоса не услышишь. Поэтому если эти ведьмы придут сюда еще раз, не говори с ними ни слова, по крайней мере, не слушай их, когда речь пойдет обо мне. Ведь ты знаешь, что скоро у тебя будет ребенок и, если наша тайна сохранится, он будет богом; если же ты раскроешь тайну, он будет смертным.

Услышав это, Психея не помнила себя от радости и счастья.

Но вот опять Зефир, хотя и неохотно (но что он мог поделать, когда ему приказала Психея), принес сестер на своих крыльях.

Как льстили эти ведьмы, как притворялись! Им нетрудно было овладеть до-

вери́ем маленькой Психеи. Опутали ее сестры лживыми речами и все допытывались, каков ее муж, стар он или молод. А маленькая простушка уже забыла, что она придумала в прошлый раз, и в замешательстве ответила, что муж ее на корабле объезжает мир, торгуя сокровищами, не молод он и не стар, но легкая седина уже тронула его волосы.

И чтобы не запутаться во лжи, Психея быстро сунула им в руки богатые подарки и поручила их слуге мужа, легкому Зефиру.

Но на следующее утро сестры снова поспешили во дворец Психеи, ибо счастье сестры не давало им покоя.

— Наша маленькая бедная сестрица, — обратились они к ней с притворным смирением, — ты здесь беззаботно живешь в одиночестве и не подозреваешь об опасности, которая тебе угрожает. Хорошо, что мы на страже. Мы узнали, кто твой муж: он — не человек, не бог, а гигантский ядовитый змей. Вспомни о предсказании Аполлона: твоим мужем, сказал бог, будет жестокое существо, которого боится сам Юпитер. Крестьяне видели ядовитого змея, возвращавшегося вечером домой. Он лишь ждет,

когда ты располнеешь, чтобы сожрать тебя, а если у тебя будет ребеночек, то и его вместе с тобой. Подумай же, послушать ли тебе совета твоих сестер или оставаться с отвратительным змеем.

У бедной Психеи дрожь прошла по спине. Из головы ее вылетели все наставления мужа, забыла она и собственные обещания, лишь беспомощно прижалась к сестрам:

— Ах, не оставляйте меня в беде, ведь крестьяне, возможно, сказали вам правду. Я должна признаться, что никогда не видела мужа, а только слышала его голос, так как он всегда приходил вечером, а когда наступал день, удалялся. Он всегда грозил мне бедой, если я захочу хоть однажды посмотреть на него. Ах, дайте мне совет — что делать, куда обратиться?

Тогда злобно заблестели глаза обеих ведьм, ведь случилось то, чего они так ждали. Перебивая друг друга, они стали быстро давать ей советы:

— Возьми с собой в спальню остро отточенный нож, затем приготовь ярко горящую лампу, наполненную маслом, и прикрой ее горшком. Когда же змей

придет и ты почувствуешь по его дыханию, что он уже уснул, соскользни с постели, сними горшок с лампы и отруби ножом голову змея, ибо в темноте ты можешь ошибиться. Не бойся, мы будем поблизости. А когда ты покончишь со змеем, мы позаботимся о том, чтобы найти тебе среди людей мужа, достойного тебя.

Долго уговаривали они Психею. Когда же слова их влили достаточно яда в душу бедняжки, они поспешили покинуть ее и в страхе перед мстью бога бежали домой.

А Психея осталась одна со своими думами и сомнениями. То верила, то не верила она тому, что говорили ей сестры. То ненавидела этого страшного змея, то пылала любовью к мужу, которого никогда не видела. Долго колебалась она, кого слушать — супруга или сестер. Но вот наступил вечер, и Психея сделала то, что посоветовали ей сестры.

Ночью, когда муж заснул, Психея собрала все свои силы, вытащила острый нож, сняла горшок с лампы и взглянула, наконец, на того, кто находился рядом с ней.

Она увидела самого прекрасного, самого нежного из безжалостных существ, самого сына Венеры — Амура, Любовь. Он спал и сладко улыбался во сне. Бедная Психея побледнела и в страхе упала на колени. Нож выпал из ее дрожащих рук. Она стояла на коленях перед постелью, любуясь красотой юного бога, и не могла оторвать от него глаз. На плечах у спящего блестели чудесные крылья, их легкие белые перышки слегка трепетали. Перед кроватью лежали лук и колчан, наполненный заостренными стрелами. С любопытством смотрела Психея на оружие возлюбленного супруга. Она взяла одну из стрел и собственными пальцами попробовала, остра ли она. Выступила кровь. Сама того не зная, Психея ранила себя неугасимой любовью к прекрасному богу. Она наклонилась к Амуру и поцеловала его.

Но тут масляная лампа, то ли из зависти, то ли еще отчего-то брызнула каплей масла на правое плечо сына Венеры.

В испуге вскочил Амур; открыв глаза, он сразу все понял и выскользнул из объятий Психеи, поднявшись в воздух.

Психея в отчаянии упала на землю. Но влюбленный бог не мог оставить свою возлюбленную, ничего не сказав ей.

— Маленькая, простодушная Психея, разве для этого я нарушил наказ моей матери? Ведь она приказала, чтобы я внушил тебе любовь к самому жалкому человеку на земле. Разве для этого я стал твоим супругом, чтобы ты приняла меня за змея и захотела отрубить мне голову? Теперь ты видишь, что напрасно предостерегал я тебя. И ты послушалась дурного совета твоих сестер! Они будут беспощадно наказаны, а тебя я накажу лишь тем, что удалюсь от тебя навсегда.

Сказав это, он на крыльях поднялся ввысь.

Психея же без сил распростерлась на земле. Долго не могла она унять слез и всю ночь напролет в отчаянии призывала супруга. А утром, едва рассвело, Психея решила, что слезами горю не поможешь, и отправилась на поиски Амура, чтобы вымолить его прощение.

Долго странствовала бедная Психея, долго искала своего исчезнувшего мужа, но нигде не находила даже следов. Он

же лежал в доме матери и страдал от раны, причиненной горячим маслом.

А тем временем белая чайка принесла Венере весть о том, что ее сын лежит больной. Рассказала болтливая птица и о любви сына богини к Психее. Разгневалась Венера. Тотчас же поспешила она в свой золотой дворец. Действительно, чайка сказала правду — там на постели лежал Амур.

— Так-то ты послушался свою мать! — вскричала Венера. — За моей спиной ты берешь в жены ту самую смертную женщину, которую я приказала тебе наказать! Ты еще пожалеешь об этом!

А в это время прекрасная Психея, устав от долгих и безуспешных поисков, решила обратиться за помощью к самой богине любви. Втайне же она надеялась увидеть Амура в доме матери. Но, страшась гнева Венеры, она долго ободряла себя, пока не собрала все свое мужество, чтобы предстать перед взором богини.

Венера же, увидев смертельно уставшую от долгих странствий и дрожащую от страха Психею, обратилась к ней с насмешкой:

— Ну вот, наконец-то ты догадалась посетить свою свекровь, — сказала она, нахмутив брови. — Или, может быть, ты хочешь проведать своего мужа, который лежит в постели, мучаясь от раны, тобой нанесенной? Но не думай, что ты настоящая жена моего сына. Ты просто моя служанка, понятно?

Она высыпала перед Психеей кучу зерен — пшеницы, ржи, ячменя, проса, гороха, чечевицы, бобов — и перемешала их.

— Ты самая ничтожная из моих служанок, и если ты не будешь работать, то не получишь еды. Видишь эту кучу? К вечеру разбери ее отдельно по зернам. К моему приходу чтоб все было сделано.

Но Психея и не приступала к работе. Она знала, что не сможет исполнить ее не только к вечеру, но и вообще когда-либо.

Но тут над ней сжалился маленький муравей и обратился к своим товарищам:

— Идемте, идемте, муравьи, крошечные дети Матери-Земли, идемте поможем супруге Амура!

Тотчас же из всех углов выползли муравьи, и вскоре семена были разобраны.

Вечером явилась Венера и с удивлением увидела, что все сделано именно так, как она приказала. Бросив Психее кусок черствого хлеба, она отправилась спать.

Рано утром на следующий день Венера вызвала Психею, чтобы отдать новое приказание.

— Видишь заросли на берегу реки? — сказала она. — Там пасутся овцы с золотой шерстью. Приказываю тебе принести клочок шерсти от самой прекрасной овцы.

С радостью пошла туда Психея, думая о том, что если погибнет там, то по крайней мере, наступит конец ее страданиям. Но на берегу реки тростинка шепнула ей на ухо:

— Подожди, Психея, не подходи сейчас к овцам. В это время, в полдень, они становятся дикими от зноя и могут убить каждого, кто приблизится к ним. Дождись вечера. Клочки шерсти останутся на шипах кустов, так что, когда ты туда проберешься, тебе нужно будет только потрясти ветви и подобрать золотую шерсть.

Психея так и сделала. Вечером она принесла золотую шерсть Венере.

— Ты думаешь, я не знаю, кто тебе помог? — гневно спросила богиня и отдала новый приказ:

— Видишь ты горную вершину над скалой? Там берет начало мрачный источник, питающий реку подземного мира. Принеси мне оттуда ледяной воды! — И она вручила ей маленькую скляночку из хрусталя.

Пошла туда Психея и быстро нашла источник. Но так же быстро поняла, какой жестокий приказ отдала Венера. Из высокой скалы, на недоступной высоте, бил ключ, и брызги падали по острым камням в глубину, а рядом с источником бодрствовали два страшных дракона.

Черные волны плескались, повергая Психею в ужас.

— Беги! — восклицала одна из волн.

— Куда ты идешь? — спрашивала другая. — Спасайся! Погибнешь!

Маленькая Психея почти окаменела от ужаса. К счастью, в это время к скале прилетел орел Юпитера.

— Бедная Психея, — обратился к ней орел.

— Уж не думаешь ли ты, что тебе удастся достать хотя бы каплю из этого

источника? Разве ты не знаешь, что даже боги боятся его? — И взяв у Психеи склянку, он полетел к источнику, поставил сосуд под падающую воду и наполнил его. Драконы зашипели, но орел шепнул им, что это Венера послала его за водой.

Счастливая, взяла Психея у орла полную склянку и отнесла ее Венере. Но той и этого было мало.

— Возьми вот эту банку, — сказала она, не дожидаясь, пока Психея хоть немного отдохнет. — Иди с ней в подземное царство и попроси у супруги Плутона Прозерпины, чтобы она дала для меня эликсира красоты, — свой я весь израсходовала, ухаживая за больным сыном. Но поторопись, ибо мне нужно спешить на Олимп, к богам.

Теперь уже окончательно убедилась Психея, что Венера хочет любой ценой погубить ее. Подумав об этом, она поднялась на высокую башню, чтобы броситься с нее. Но башня сказала ей:

— Бедная Психея, что это тебе пришло в голову? Конечно, если ты прыгнешь с меня и разобьешься, ты попадешь в подземный мир, к душам умерших, но

ты уже никогда не сможешь оттуда выйти. Послушай меня. Недалеко отсюда находится Лакедемон и совсем рядом — гора Тэнáр. Там каждый укажет тебе вход в подземное царство. Увидишь там тропинку. Иди по ней спокойно до конца. Она приведет тебя ко дворцу царя подземного мира. Но не ходи с пустыми руками. В руках у тебя должно быть по медовой лепешке, а во рту — две медные монеты. В пути ты встретишь хромого осла, а с ним хромого старика, который попросит тебя положить несколько поленьев на спину осла. Но ты не отвечай ему, а иди дальше. Ты достигнешь реки и увидишь там перевозчика, которого зовут Харон. Он переправит тебя в своем челне на противоположный берег. Только заплати ему за перевоз. Тебе нужно лишь раскрыть рот, и он сам возьмет предназначенные для него деньги. Из волн к тебе будет зывать старик, чтобы ты взяла его в челн, но ты не обращай на него внимания. На противоположном берегу ты встретишь старух-ткачих, которые попросят тебя помочь им в работе. Но ты их не слушай. Ибо всех их послала Венера, чтобы они помогли

выманить у тебя хоть одну медовую лепешку. Если же ты потеряешь хоть одну из лепешек, ты не выйдешь на белый свет. Дворец Плутона сторожит трехглавый пес Цербер, и если ты отдашь ему одну из лепешек, ты найдешь Прозерпину. Царица подземного мира ласково примет тебя, предложит мягкое сиденье и угостит разными яствами. Но ты скромно сядь на землю и попроси для себя лишь кусок хлеба, а затем скажи о цели прихода. Как только склянка будет наполнена, тотчас же возвращайся обратно. Отдай трехглавому псу вторую медовую лепешку, чтобы он выпустил тебя из дворца, отдай Харону вторую монету, чтобы он перевез тебя на этот берег, и возвращайся по той же дороге, по которой пришла. Лишь об одном тебя предупреждаю: не вздумай открыть склянку.

Психея, ни минуты не медля, сделала все так, как ей посоветовала башня. Взяла в руки две медовые лепешки, а в рот две монеты. Встретился ей хромой осел со своим хромым хозяином, старик просил взять его в лодку, выходили старухи-ткачихи, но Психея не слушала никого. Монетой заплатила она за переправу,

лепешкой накормила трехглавого пса и таким образом достигла Прозерпины. Не приняла она мягкого сиденья, не попробовала яств, предложенных царицей подземного мира, а села на землю и попросила лишь кусок хлеба, а затем рассказала, зачем послала ее Венера. Получив то, что просила, на обратном пути она отдала вторую лепешку Церберу, второй медной монетой заплатила Харону и таким образом снова достигла белого света.

Но тут любопытство одолело ее, и она открыла баночку. К ее удивлению там не было ни капли эликсира, дающего красоту. Баночка была наполнена сном подземного царства. Вырвался сон из баночки, окутал Психею, и она тотчас уснула.

К счастью, к этому времени Амур выздоровел. Сильно тосковал он по своей Психее, так что напрасно мать закрывала двери — он вылетел в окно. Он вовремя нашел Психею, ибо еще немного, и она бы заснула навеки.

Амур согнал с нее сон и снова собрал его в баночку. Психею же слегка уколол острием стрелы, чтобы она проснулась.

— Ну, вот видишь, — сказал Амур, когда она наконец открыла глаза, — ты едва не заснула навеки из-за своего любопытства! Отнеси же скорее моей матери то, за чем она тебя послала, а что будет дальше, увидим.

Психея и слова не успела сказать, как Амур улетел от нее. Она же пошла к Венере и отдала ей подарок Прозерпины.

А тем временем Амур полетел прямо на небо и предстал перед Юпитером. Отца богов не нужно было долго убеждать. Он пообещал сделать для Амура все, что тот просит.

Быстроногий Меркурий тотчас же собрал богов на совет, и Юпитер сказал:

— Все вы знаете Амура, каждому из нас от него доставалось. Но теперь он попал в беду. Он полюбил девушку и даже тайно сделал ее своей женой, но Венера не хочет согласиться на брак. Давайте-ка, боги, поженем их здесь, на небе, а там пусть Венера попытается изменить наше решение!

Боги одобрили предложение, и Меркурий отправился за Психеей. Немедленно был накрыт праздничный стол. Были на свадьбе и Юпитер с Юноной, и все ос-

тальные боги. Сам Бахус наполнял их чаши нектаром. Свадебные кушанья готовил Вулкан, цветами стол осыпали прекрасные богини времен года — Оры, музы пели, Аполлон играл на лире. А Венера — что же ей еще оставалось делать? — сама танцевала на свадьбе сына.

Содержание

Мифы древней Индии	7
Мифы древней Скандинавии	75
Мифы древней Греции	183

Использованная литература:

ИНДИЯ:

Прем Чанд. Сказание о Раме. М.: Детская Литература, 1958 г.

Три великих сказания древней Индии. М.: Наука, 1978 г.

Э.Э. Темкин, В.Г. Эрман. Мифы древней Индии. М., 1982 г.

СКАНДИНАВИЯ:

Скандинавские сказания. М.: Детская Литература, 1970 г.

ГРЕЦИЯ:

Н.А. Кун. Легенды и мифы древней Греции. М., 1954 г.

Тренчени Вальдапфель Имре. Мифология. М., 1959 г.

В. и Л. Успенские. Мифы древней Греции. Л.: Детская Литература, 1977 г.

Голубая Роза Сборник мифов

Составитель В.Д. Бужинский

Художник В.Н. Дзюба

Технический редактор М.В. Долныгина

Подписано в печать с оригинал-макета 01.09.92. Гарнитура Тип «Таймс». Формат 84x108 1/32. Уч. изд. л. 6,56. Усл. печ. 15,12. Бумага типографская N1. Тираж 100 000 экз. Зак. 605

Издательство «СТАЙЛ» ЛР N 060273
С.-Петербург, пр. Гагарина, 1

Отпечатано в типографии им. И. Е. Котлякова
Министерства печати и информации РФ.
195273, г. С.-Петербург, ул. Руставели, 13.